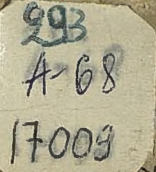

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ моралистъ.

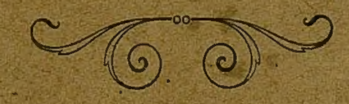
Лекціи,

читанныя въ Москвѣ и Рязани Д. Аннинскимъ бывшимъ инспекторомъ народныхъ училищъ.

Содержаніе: I. Основаніе ученія Толстого, Евангеліе, Библія, Христосъ и Его ученіе, Ученіе апостоловъ, О разумѣ (наука, дарвинизмъ)—о Богѣ.

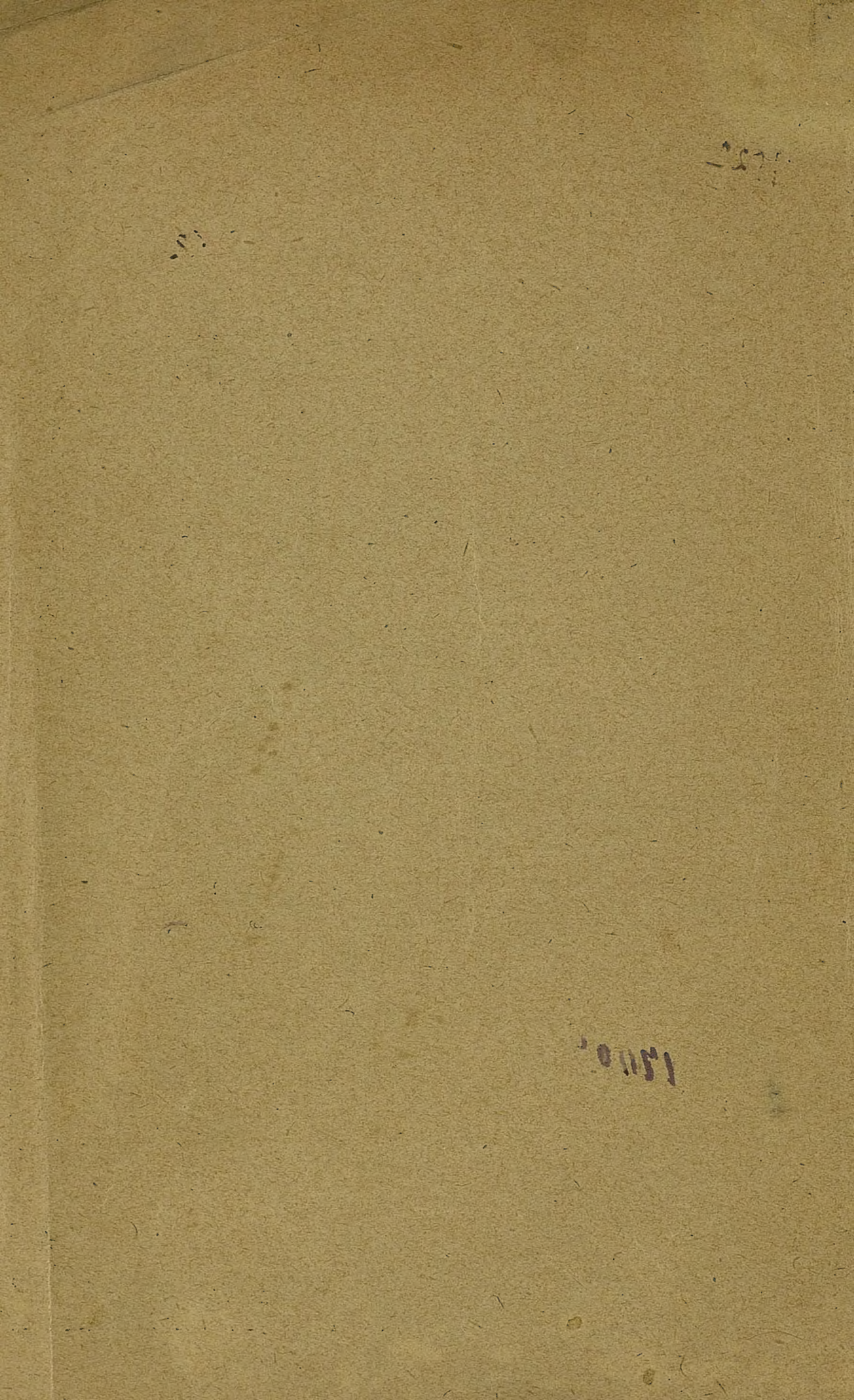
II. Чудесное, Догматы и таинства, Искупленіе, Первородный грѣхъ, Троичность Божества, Таинства причащенія и покаянія, Бракъ и женскій вопросъ, Посредничество, Общественная молитва, Самая молитва, Обряды.

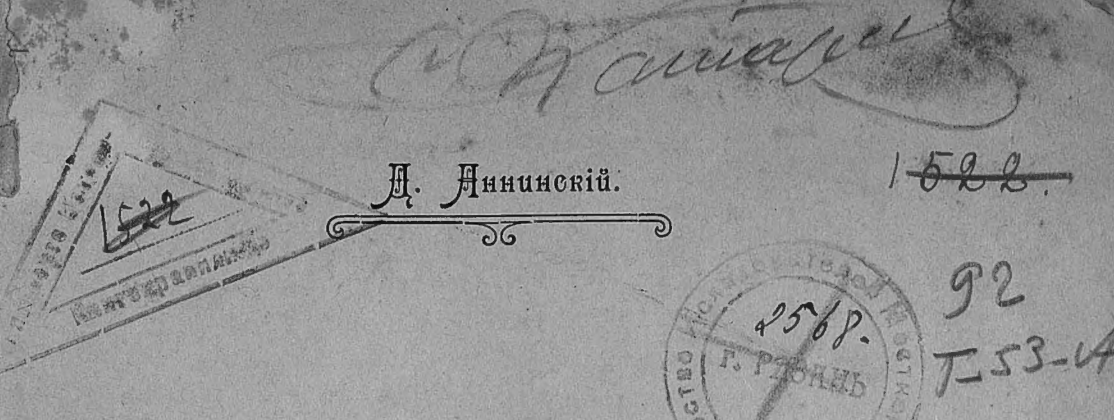
III. Евангеліе Толстого, Подати, Государство, Судъ, Война и смертная казнь, Заповѣди, Непротивленіе злу, Воспитаніе, Прогрессъ, Клятва, Собственность и трудъ, Любовь, Политическое ученіе Толстого, Общая характеристика Толстого и его ученія.

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства Св. Василія.
1914.

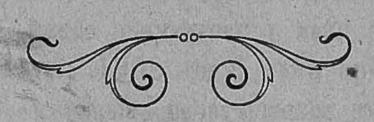
Д. Аннинскій.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ моралистъ.

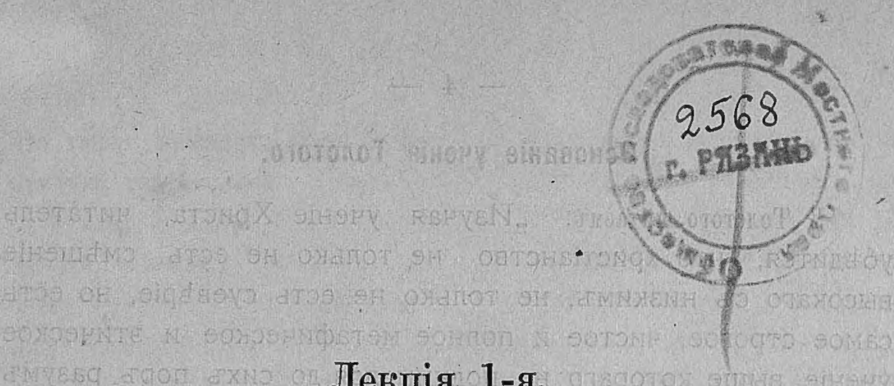
Содержаніе: I. Основаніе ученія Толстого, Евангеліе, Библія, Христосъ и Его ученіе, Ученіе апостоловъ, О разумѣ (наука, дарвинизмъ)—о Богѣ.

II. Чудесное, Догматы и таинства, Искупленіе, Первородный грѣхъ, Троичность Божества, Таинства причащенія и покаянія, Бракъ и женскій вопросъ, Посредничество, Общественная молитва, Самая молитва, Обряды.

III. Евангеліе Толстого, Подати, Государство, Судъ, Война и смертная казнь, Заповѣди, Непротивленіе злу, Воспитаніе, Прогрессъ, Клятва, Собственность и трудъ, Любовь, Политическое ученіе Толстого, Общая характеристика Толстого и его ученія.

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства Св. Василія.
1914.

Лекція 1-я.

Графъ Л. Н. Толстой прославился, какъ всѣмъ извѣстно, и какъ художникъ-писатель и какъ учитель-моралистъ, указавшій смыслъ жизни, преподавшій уроки нравственности и этимъ увлекшій за собою массу послѣдователей, преимущественно изъ интеллигентовъ, такъ что они замѣнили Христа Толстымъ. Это явленіе настолько серьезное и составляетъ, такъ сказать, вопросъ жизни и смерти для многихъ, что я призналъ для себя необходимымъ основательно и безпристрастно изучить столь крупное явленіе. О результатѣ моего изученія Толстого, какъ учителя моралиста, я считаю грѣхомъ не подѣлиться съ обществомъ въ надеждѣ возбудить въ моихъ слушателяхъ желаніе серьезно поразмыслить, каково его ученіе, такъ какъ положительно знаю, что многіе его почитатели мало знакомы съ его ученіемъ и восхищаются имъ съ чужихъ словъ, подъ вліяніемъ другихъ. Подвергнуть разбору все ученіе Толстого въ цѣломъ очень затруднительно: на это потребовался бы громадный многотомный трудъ; я лишь буду обсуждать самую суть его ученія, основываясь на научныхъ, историческихъ и логическихъ доказательствахъ, и выскажу то впечатлѣніе, какое получилось у меня отъ его сочиненій, а особенно выпущенныхъ въ 1908 году, какъ приложеніе къ журналу „Ясная Поляна“, и раньше печатавшихся за границею. Желаю быть вполнѣ безпристрастнымъ и сказать о Толстомъ только правду, прошу и моихъ слушателей также безпристрастно отнестись къ моей лекціи по существу, а не съ предвзятой точки зрѣнія, иначе не достигнется вѣрное сужденіе объ его ученіи.

Основаніе ученія Толстого.

У Толстого читаемъ: „Изучая ученіе Христа, читатель убѣдится, что христіанство не только не есть смѣшеніе высокаго съ низкимъ, не только не есть суевѣріе, но есть самое строгое, чистое и полное метафическое и этическое ученіе, выше котораго не поднимался до сихъ поръ разумъ человѣческій, и въ кругу котораго, не сознавая того, движется человѣческая дѣятельность, политическая, научная, поэтическая и философская“ [1]). „Я не знаю“—говоритъ Толстой въ брошюрѣ „О разумѣ“—„выше ученія (Христа.) Оно дало мнѣ жизнь, и я стараюсь, сколько могу, слѣдовать ему. Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа, и жизнь моя вдругъ перемѣнилась“ [2]).

Изъ этихъ словъ Толстого видно, что онъ признаетъ ученіе Христа высокимъ, строгимъ, чистымъ, полнымъ, совершеннымъ, какого не было ни до Христа, ни послѣ Него, а потому онъ свое ученіе заимствовалъ изъ Евангелія, которое и составило фундаментъ его убѣжденій; слѣд. основное нравственное ученіе не его, а Христа, онъ лишь разъяснилъ его, придавши собственную раціоналистическую окраску. Поэтому, чтобы безпристрастно понять Толстого, надлежитъ прежде обратиться къ первоисточнику—Евангелію, его изучить основательно, и тогда станетъ понятно, насколько истинно толкуетъ Толстой. Къ несчастію и позору очень многихъ православныхъ, этого высокаго евангельскаго ученія они и не знаютъ—не только простой народъ, но и наша въ большинствѣ интеллегенція, и не только серьезно не изучали, не вникали въ суть, но мало или совсѣмъ не читали. Толстой же раскрылъ обществу, евангельскія истины, при этомъ въ присущемъ ему художественномъ изложеніи, и этимъ такъ увлекъ нашу интеллигенцію, что она, не зная Евангелія, признала ученіе его за новое, за откровеніе, назвала его за это великимъ учителемъ, особенно за его раціоналистическое отрицательное толкованіе,

---

[1]) стр. 220 т. II.

[2]) „Въ чемъ моя вѣра?“, стр. 54.

что такъ пришлось ей по вкусу. Я прежде недоумѣвалъ: что за причина такой славы Толстого, какъ учителя? Изъ разговоровъ же съ послѣдователями его понялъ, что причина именно та, что они не знаютъ Евангелія, и никто имъ его не разъяснялъ, Толстой же очень увлекательно разъяснилъ и этимъ заинтересовалъ ихъ. Тогда мнѣ стало понятно: почему сектанты-братцы, штундисты, баптисты и др. такъ успѣшно пропагандируютъ свое ученіе: они идутъ на проповѣдь съ Евангеліемъ въ рукахъ, и православные, мало знакомые съ нимъ, увлекаются чистотою евангельскаго ученія и идутъ толпою за этими учителями. А насколько сильно дѣйствуетъ Евангеліе, примѣръ этому на Наполеонѣ I и другихъ, о чемъ будетъ сказано потомъ.

Евангеліе.

Толстой говоритъ [1]): „Евангеліе не такая глупая книга, какъ ее расписываютъ попы. Столь привычное намъ представленіе о томъ, что Евангелія, всѣ четыре, со всѣми стихами буквально суть священныя книги, есть самое грубое заблужденіе. Если читатель принадлежитъ къ огромному большинству образованныхъ, воспитанныхъ въ церковной вѣрѣ людей, но отрекшихся отъ ея несообразностей съ здравымъ смысломъ и совѣстью, я прошу такого читателя помнить, что то, что отталкиваетъ его, и то, что представляется ему суевѣріемъ, не есть ученіе Христа; что Христосъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобразномъ преданіи, которое приплели къ его ученію и выдали за христіанское; что для того, чтобы судить о христіанствѣ, надо изучить только одно ученіе Христа, какъ оно дошло до насъ, т. е. тѣ слова и дѣйствія, которыя приписываются Христу и которыя имѣютъ учительное значеніе“.

---

1) стр. 219—220, 213.

Изъ этихъ словъ Толстого мы видимъ, что онъ признаетъ въ Евангеліи одно только нравственное ученіе Христа, все же прочее—и догматическое ученіе и чудесныя событія онъ отвергаетъ, какъ заблужденіе, намѣренное искаженіе попами, которые изъ Евангелія сдѣлали глупую книгу. Такъ ли? Мы знаемъ, что „попы" (Толстой разумѣетъ подъ попами все духовенство) и православные, и католическіе, и протестантскіе, и всѣ вѣрующіе христіане съ глубочайшимъ уввженіемъ относятся къ Евангелію, считаютъ ее святою книгою, и потому дерзнулъ ли кто-либо изъ нихъ рѣшиться сознательно измѣнить въ немъ даже іоту, да и могъ ли? Вражда противъ Христа и христіанъ началась еще съ I-го вѣка, ереси возникли съ этого же времени—гностики и др. Ап. Іоаннъ въ 1-мъ посланіи (гл. 4 ст. 1) говоритъ: „*много лжепророковъ появилось въ мірѣ*". Особенно сильно было нападеніе на личность Христа и Его догматическое ученіе съ конца 18 столѣтія во Франціи съ легкой руки Вольтера, энциклопедистовъ, Ренана и др. ученыхъ; затѣмъ въ Германіи таковыми были Штраусъ, Паулюсъ и др., въ позднѣйшее время Геккель, у насъ въ Россіи Толстой и его послѣдователи. Эти враги христіанства старались доказать ложность, испорченность Евангелія; но безпристрастная критика доказала подлинность и его и его авторовъ—4-хъ евангелистовъ свидѣтельствами современниковъ Христа и апостоловъ и писателей первыхъ вѣковъ христіанства. Такъ Пилатъ донесъ императору Тиверію, что Христосъ былъ распятъ и „воскресъ" изъ мертвыхъ, что онъ самъ слышалъ о Его „чудесахъ"; іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, жившій въ 1-мъ вѣкѣ, свидѣтельствуетъ о чудныхъ дѣлахъ Іисуса, Его воскресеніи; свидѣтельствуютъ о Христѣ Тацитъ, Плиній въ письмахъ къ Траяну, Лукіанъ, Филостратъ и др., Талмудъ, злѣйшій врагъ Христа, во второй части своей—Гемара признаетъ, что Христосъ совершалъ чудеса силою злого духа, какъ будто евреи достовѣрно знали, какою силою Онъ дѣйствовалъ; Цельзъ, врагъ христіанъ, философъ-эклектикъ II в. по Р. Хр., признаетъ всѣ событія даже чудесныя, какія изложены въ Евангеліи, которое онъ цитируетъ изъ всѣхъ евангелистовъ до 80 мѣстъ, только объясняетъ чудеса Спасителя какимъ-то волхвованіемъ, слѣд. въ его

время уже существовали всѣ 4 Евангелія, распространенныя повсемѣстно во множествѣ списковъ, и это исключаетъ возможность поддѣлки, искаженія Евангелія. Сочиненіе Цельза достойнымъ образомъ было опровергнуто Оригеномъ, сочиненіе котораго въ восьми книгахъ имѣетъ значеніе и въ настоящее время. Юліанъ отступникъ, императоръ римскій (IV в.), свидѣтельствуетъ о подлинности и достовѣрности Евангелій, равно какъ и Дѣяній апостольскихъ; онъ не отвергаетъ и чудесъ Христа. Христіанскіе писатели I и II вѣковъ: Іустинъ-философъ, Таціанъ, Климентъ александрійскій, Игнатій александрійскій, Ерма—современникъ св. Климента, Аѳинагоръ, Тертулліанъ и др. говорятъ о 4 Евангеліяхъ, какъ повсюду распространенныхъ, а Ириней, ученикъ Поликарпа, ученика Іоанна Богослова, жившій въ началѣ II вѣка, перечисляетъ 4 Евангелія въ томъ порядкѣ, въ какомъ и теперь идутъ евангелисты, и удостовѣряетъ, что авторами ихъ были Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ. Время происхожденія Евангелій было въ I вѣкѣ, что подтверждается посланіемъ ап. Варнавы, написаннымъ въ 96—98 гг., посланіемъ св. Климента александрійскаго не позже 98 г., семью посланіями св. Игнатія александрійскаго въ 107 г., изъ коихъ видно, что Евангеліе отъ Іоан. написано раньше 107 года. Уже во II вѣкѣ никто въ церкви не сомнѣвался относительно подлинности четырехъ Евангелій, Дѣяній апостольскихъ и тринадцати посланій Павловыхъ, 1-го посланія ап. Петра и 1-го посланія ап. Іоанна. Эти книги составили Канонъ во второй половинѣ II вѣка. Относительно же посланій Павла къ Евреямъ на Западѣ долго сомнѣвались; на Востокѣ долго возбуждалъ сомнѣніе Апокалипсисъ. Церковный историкъ Евсевій въ IV вѣкѣ дѣлитъ всѣ новозавѣтныя писанія на три класса: 1) каноническія, именно 4 Евангелія, 14 посланій ап. Павла, 1-е посланіе Іоанна и 1-е Петра, т. е. несомнѣнно подлинныя, 2) спорныя, въ то время не всѣми признаваемыя остальныя посланія апостоловъ, но впослѣдствіи признанныя также каноническими, и 3) апокрифическія или ложныя, а также прямо еретическія. Так. образ. съ I вѣка уже всѣ христіане признавали 4 Евангелія за подлинныя; новозавѣтный текстъ очень рано былъ подвергнутъ ученымъ наблюденіямъ и исправленіямъ,

и очень рано составлялись правильные, критически провѣренные списки—таковы труды Оригена въ III вѣкѣ, Лукіана въ IV в. и египетскаго епископа Исихія; уже съ первыхъ вѣковъ христіанства каноническія книги отдѣлялись отъ апокрифическихъ, которыя и были отвергнуты. Въ болѣе позднѣйшія времена вопросомъ о подлинности свящ. книгъ и правильности ихъ очень много занимались ученые и у насъ въ Россіи и на Западѣ со времени реформаціи и особенно со второй половины XVIII вѣка, съ возникновеніемъ раціонализма, который критически-отрицательно отнесся къ подлинности, цѣлости и достовѣрности свящ. писанія. Главными дѣятелями въ этомъ направленіи были—Землеръ, Гризбахъ, Михаэлисъ и Эйхгоръ; особенно сильно возстали Бауръ и основанная имъ Тюбингенская школа, выказавшіе и глубокомысліе и остроуміе, но тѣмъ не менѣе доводы ихъ были непрочны и неустойчивы, что признали даже сами послѣдующіе раціоналисты, а католическіе и протестантскіе богословы вполнѣ доказали несостоятельность критики Баура и Тюбингенской школы съ ея продолжателями; самъ Бауръ признаетъ, что Евангеліе и большинство другихъ новозавѣтныхъ книгъ появились во второй половинѣ II вѣка: онъ относитъ происхожденіе Евангелія отъ Марка и отъ Луки къ 150 г., отъ Мѳ. къ 130—134 гг., отъ Іоан. къ 160—170 гг. по Р. Хр., но потомъ онъ же признаетъ за болѣе раннее; знаменитый профес. Гарнакъ относитъ происхожденіе первыхъ трехъ Евангелій, называемыхъ синоптики, къ 65—93 гг., а Евангеліе отъ Іоан. къ 110 году, т. е. когда еще были живы очевидцы евангельскихъ событій; другіе же ученые, даже ученики Баура—Целлеръ, Фолькманъ и др. указываютъ на болѣе раннее ихъ происхожденіе, именно во второй половинѣ I вѣка.

Правда, существовало много варіантовъ новозавѣтнаго текста, но они касаются самыхъ незначительныхъ мелочей и объясняются простыми ошибками или описками и нисколько не измѣняютъ сущности его. Исправленіемъ этихъ описокъ и ошибокъ много занимались и на Западѣ и на Востокѣ и унасъ на Руси: Максимъ грекъ, Никонъ патріархъ и мн. другіе. Изъ этого краткаго обзора видно, что „попы" не только не исказили свящ. книгъ и не вносили въ нихъ грубыхъ

суевѣрій, какъ утверждаетъ Толстой, но весьма тщательно слѣдили за правильностью и подлинностью текста; что вопросъ о подлинности и правильности новозавѣтныхъ свящ. книгъ обсуждался серьезно, безпристрастно и научно на протяженіи всей христіанской эры; что христіане уже съ первыхъ вѣковъ зорко и ревниво слѣдили за чистотою христіанскаго ученія: такъ въ I вѣкѣ какой-то Керинѳъ искажалъ христіанство привнесеніемъ въ него грековосточныхъ элементовъ, и ефесскіе христіане стали просить ап. Іоанна, чтобы онъ описалъ земную жизнь Христа, и тотъ немедленно исполнилъ ихъ желаніе и написалъ Евангеліе; что какъ только кто-либо начиналъ заблуждаться, тотчасъ же противъ него возставали и духовенство и всѣ вѣрующіе: они созывали соборы вселенскіе и помѣстные, и это доказываетъ, какъ сильно въ то время христіане были заинтересованы правильностью и чистотою христіанскаго ученія. Но Толстой даже вотъ что говоритъ: „1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то говорилъ. Его высѣкли и повѣсили, и всѣ про него забыли, какъ были забыты милліоны такихъ же случаевъ, и лѣтъ 200 міръ ничего не слыхалъ про него“ [1]). Обратите вниманіе на слова Толстого: „всѣ про него забыли... лѣтъ 200 міръ ничего не слыхалъ про него“. Значитъ, по—Толстому, и проповѣди апостоловъ не было? не было въ теченіе двухсотъ лѣтъ и мучениковъ за Христа? Значитъ, исторія насъ обманула? Откуда же и когда явилось христіанство? Въ томъ же первомъ томѣ (стр. 7) Толстой говоритъ: „почти черезъ 100 лѣтъ начали записывать то, что слышали о немъ“ [2]), и еще: всѣ дошедшія до насъ Евангелія—IV вѣка“ [3]), и обвиняетъ апостоловъ, что „они проповѣдуютъ ученіе свое, а авторитетъ этого ученія приписываютъ Христу, проповѣдуютъ самыя чуждыя Христу ученія.. проповѣдуютъ страшныя вѣры“ [4]). Заимствуемъ разъясненіе такого удивительнаго ученія Тол-

---

1) Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій гр. Л. Н. Толстого. Изданіе М. К. Элпидина, т. I.

2) т. I, стр. 8.

3) т. I, стр. 15.

4) т. I, стр. 16.

стого у протоіер. Алфеева 1): „то лѣтъ 200 послѣ смерти Христа міръ ничего не слыхалъ про него, то чрезъ 100 лѣтъ начали записывать то, что слышали о немъ... Какъ могли апостолы привнести свое ученіе въ Евангелія, запись которыхъ началась послѣ ихъ смерти... они не могли извратить того, что еще не существовало". Къ этому разъясненію отъ себя добавлю: Толстой утверждаетъ, что ученіе апостоловъ было чуждо Христу,—обвиняетъ ихъ въ „изуродованіи" ученія Христа (I, 12, 15, 16; II, 10, 12)—ученіе Христа было иное; значитъ, въ рукахъ у него были и подлинное ученіе Христа и ученіе апостоловъ, и онъ ихъ сравнилъ и нашелъ, что апостолы не тому учили, чему училъ Христосъ. Откуда же Толстой добылъ подлинное ученіе Христа?—вѣдь самъ же онъ говоритъ на 7 стр. той же книги, что „Читатель долженъ помнить, что Іисусъ никогда самъ не писалъ никакой книги"; вѣдь весь міръ знаетъ объ ученіи Христа лишь только изъ писаній апостольскихъ и ни откуда кромѣ; вѣдь, по—Толстому, въ теченіе 200 лѣтъ никто про Христа и не упоминалъ: „всѣ Его забыли" и, конечно, забыли Его ученіе—такъ откуда же Толстой узналъ настоящее ученіе Его, иное отъ апостольскаго? какъ могъ Толстой не считаться съ приведенными мною историческими свидѣтельствами? какъ онъ могъ утверждать слѣдующее: „Читатель долженъ помнить, что эти отобранныя евангелія все-таки дѣло тысячъ разныхъ умовъ и рукъ человѣческихъ, что они отбирались, прибавлялись и толковались вѣками, что всѣ дошедшія до насъ евангелія IV вѣка писаны слитнымъ письмомъ, безъ знаковъ, и потому и послѣ IV и V вѣковъ подлежали самымъ разнообразнымъ чтеніямъ, и что такихъ разночтеній евангельскихъ книгъ насчитываютъ до пятидесяти тысячъ" 2). Откуда Толстой вывелъ свое заключеніе, что Евангеліе—дѣло тысячъ разныхъ умовъ и рукъ, что оно грубо искажено попами? Тогда зачѣмъ же Толстой сказалъ: „Я не знаю выше ученія Христа?" Не явная ли несообразность: Евангеліе попами извращено, но кѣмъ же составлено подлинное? По

1) Миссіонеръ Сборникъ 1911 г. № 1 и 2.
2) стр. 213.

смыслу толкованія Толстого, подлинное евангеліе составлено только имъ, онъ очистилъ его отъ суевѣрій и грубаго заблужденія. Чтобы сказать, что Евангеліе искажено, нужно указать, какія именно мѣста подлинныя, какія искажены, да съ вѣскими неоспоримыми доказательствами, а ихъ у Толстого нѣтъ ни одного—сказалъ: попы извратили, и быть по сему. Такъ не скажетъ даже заурядный, умный, безъ предвзятой мысли человѣкъ; тѣмъ болѣе непростительно говорить такой абсурдъ Толстому, признаваемому за великаго учителя.

Недавно пришлось мнѣ услышать отъ послѣдователей Толстого. будто правительство измѣнило текстъ Евангелія въ своихъ интересахъ. Вотъ къ какой клеветѣ, къ какимъ безчестнымъ средствамъ прибѣгаютъ враги церкви Христовой и правительства! Ни для какого правительства въ мірѣ невозможно передѣлать Евангеліе: эта книга распространена по всему міру на очень многихъ языкахъ, и текстъ его слово въ слово одинаковъ—и русскій, и славянскій, и латинскій, и французскій, и нѣмецкій и др., нужно, поэтому, предположить всемірную стачку правительствъ, но вѣдь это самый нелѣпый абсурдъ: какая, напр., нужда американскому правительству это дѣлать? есть древнія Евангелія: такъ у насъ Остромірово, на Западѣ Вульгата, и они исключаютъ возможность даже попытки измѣненія текста; всѣмъ извѣстна приверженность нашихъ старообрядцевъ къ буквѣ священныхъ книгъ древняго благочестія, однако никто изъ нихъ не упрекнулъ православныхъ въ извращеніи текста Евангелія, лишь въ нѣкоторыхъ буквахъ, напр. у нихъ „Исусъ“, у насъ „Іисусъ“. Пусть эти клеветники укажутъ, когда такая поддѣлка совершена и въ какихъ мѣстахъ текста.

Удивительное при этомъ Толстой высказываетъ самомнѣніе: послѣ 1800 лѣтъ мнѣ привелось открывать эти правила, какъ что-то новое“ [1]); въ своемъ сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра“ онъ не одинъ разъ упомянулъ, что ему „первому“ за 18 вѣковъ удалось открыть, онъ „первый“ понялъ, одинъ онъ сдѣлалъ правильный переводъ священныхъ книгъ и т. п. Утверждая, что Евангеліе иска-

---

1) стр. 839.

жено, онъ еще добавляетъ, будто переводъ свящ. книгъ съ еврейскаго и греческаго языковъ на славянскій невѣренъ, а онъ перевелъ (будто?) вѣрно. Каковъ переводъ свящ. книгъ, я не берусь судить; но достойно удивленія, что въ теченіе болѣе 1000 лѣтъ не было людей, хорошо знающихъ эти языки. Но обратимся къ исторіи, хотя Толстой спеціально-исторической науки не признаетъ [1]). Св. братья Кириллъ и Меѳодій были родомъ изъ славянскаго города Солуня, учились въ Византіи въ самомъ высшемъ учебномъ заведеніи и получили прекраснѣйшее серьезное образованіе, слѣд. они были, такъ сказать, греко-славяне и, конечно, въ совершенствѣ знали оба эти языка; Кириллъ велъ диспутъ съ евреями на еврейскомъ языкѣ, слѣд. зналъ и еврейскій языкъ, зналъ основательно и латинскій, извѣстенъ былъ ему языкъ коптскій. Братья изобрѣли сами славянскую азбуку для славянъ и вновь изобрѣтенными буквами перевели съ греческаго языка на славянскій Евангеліе и другія священныя книги для славянъ, при чемъ справлялись съ еврейскимъ языкомъ. Списки съ переведеннаго ими свящ. писанія на славянскій языкъ перешли къ намъ на Русь и самый древнѣйшій списокъ извѣстенъ подъ названіемъ Остромірова Евангелія; изъ позднѣйшихъ переводовъ особенно замѣчателенъ переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный святит. московскимъ Алексіемъ въ 1355 году въ бытность его въ Константинополѣ: Алексій сличалъ славянскій текстъ съ греческимъ подлинникомъ, при чемъ очистилъ его отъ описокъ и ошибокъ переписчиковъ и даже исправилъ самый текстъ. Такъ эти столь сильные знатоки греческаго, славянскаго, еврейскаго и др. языковъ, высокообразованные св. братья, а также митроп. Алексій неужели перевели невѣрно, хуже, чѣмъ перевелъ Толстой? Судите сами. Знатокъ ли былъ самъ Толстой этихъ языковъ? Въ газетахъ былъ помѣщенъ отзывъ академика Соболевскаго, что Толстой слабо зналъ греческій языкъ. А вотъ образчикъ его перевода съ греческаго изъ Евангелія отъ Іоан. гл. 4, ст. 23: *„духомъ и истиною“*. Толстой замѣняетъ слово „истина“ по-гречески ἀλήθεια словомъ „дѣло“: „духомъ и

---

1) стр. 386.

дѣломъ", но ἀλήθεια означаетъ по-русски „истина", а не дѣло, которое по-гречески ἔργον. Отсюда иной смыслъ: *истина* есть полное соотвѣтствіе идеи, познанія съ сущностью предмета, а *дѣло* есть выполненіе идеи, желанія вовнѣ. На этомъ основаніи и мы имѣемъ право усумниться, что переводъ, сдѣланный Толстымъ, дѣйствительно точенъ. Вотъ Толстой утверждаетъ, что всѣ дошедшія до насъ Евангелія IV вѣка писаны слитнымъ письмомъ, безъ знаковъ. Слитное письмо безъ знаковъ имѣли древніе языки еврейскій, арабскій, сирскій и халдейскій, но не греческій, на которомъ написаны 3 Евангелія, Евангеліе же Матѳея было написано на арамейскомъ языкѣ и вскорѣ было переведено на греческій языкъ, и этотъ переводъ дошелъ до насъ. Слитность письма безъ знаковъ относится къ ветхозавѣтной Библіи, которая написана была древнееврейскимъ языкомъ, и ее-то раввины во II и III вѣкахъ очистили отъ вкравшихся въ нее ошибокъ, раздѣлили слова, особенно много сдѣлали для библейскаго текста масореты въ V вѣкѣ. Так. обр. и это утвержденіе Толстого оказывается невѣрнымъ.

Библія.

Вообще о Библіи Толстой высказываетъ такія непримиримыя, противоположныя сужденія, что протоіер. Алфеевъ [1] по справедливости называетъ его двуликимъ Янусомъ, Ianus bifrons, Толстымъ № 1-й и Толстымъ № 2-й. Сдѣлаемъ выдержку изъ соч. Алфеева. „Въ 4 ч. сочиненій гр. Л. Н. Толстого (изд. 1903 г., стр. 272—274—5) мы читаемъ: „Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго (Библія) всегда будетъ лучшею книгою дѣтства всякаго человѣка. Замѣнять эту книгу мнѣ кажется невозможно. Измѣнять, сокращать Библію, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ Зонтагъ и т. п., мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово, въ ней справедливо, какъ откровеніе, и справедливо, какъ художество". Но послушаемъ, что говоритъ Тол-

---

[1]) Миссіонер. Сборникъ 1911 г. № 9.

стой о той же Библіи въ другихъ своихъ произведеніяхъ: „Сказанія Библіи, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, свѣтъ прежде солнца, что Ной засунулъ всѣхъ звѣрей въ свой ковчегъ и т. п., что Іисусъ есть тоже Богъ—Сынъ, который творилъ все до времени, что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхъ Адама, что Онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ и т. п., что Богъ живетъ на небѣ, что небо раскрылось и оттуда сказалъ голосъ что-то, что Христосъ воскресъ и полетѣлъ куда-то на небо и опять придетъ откуда-то на облакахъ и т. п.,—не имѣетъ для насъ смысла“ (Изд. Клюкина 1907 г. стр. 76). „Я находился въ положеніи человѣка, который бы получилъ мѣшокъ вонючей грязи, и только послѣ долгой борьбы и труда нашелъ бы, что въ этомъ мѣшкѣ, заваленномъ грязью, дѣйствительно лежатъ безцѣнныя жемчужины, понялъ бы, что невиноватъ въ своемъ отвращеніи къ вонючей грязи“ („Краткое изложеніе Евангелія“. Изд. Элпидина, Genève, 1890 г. стр. 10). Толстой сказалъ: „замѣнить эту книгу (Библію) мнѣ кажется невозможнымъ“, тѣмъ не менѣе онъ замѣняетъ ее своимъ собственнымъ измышленіемъ. Вотъ какъ Толстой разсказываетъ исторію грѣхопаденія нашихъ прародителей: „Богъ сдѣлалъ человѣка, но хотѣлъ его оставить такимъ же, какъ животныя, не знающимъ отличія добраго отъ злого, и потому запретилъ ему ѣсть плоды древа познанія добра и зла. При этомъ, чтобы напугать человѣка, Богъ обманулъ его, сказавъ, что онъ умретъ, какъ скоро съѣстъ. Но человѣкъ съ помощью мудрости (змія) обличилъ обманъ Бога, позналъ добро и зло и не умеръ. Но Богъ испугался этого и загородилъ отъ него доступъ къ дереву жизни, къ которому, по этому самому страху Бога, чтобы человѣкъ не вкусилъ этого плода, можно и должно предполагать, по смыслу исторіи, что человѣкъ найдетъ доступъ, какъ онъ нашелъ, къ познанію добра и зла.“ Толстой признаетъ Библію незамѣнимою, тѣмъ не менѣе говоритъ:

„Читатель долженъ помнить, что не только не предосудительно откидывать изъ Евангелія ненужныя мѣста,... но, напротивъ того, предосудительно и безбожно не дѣлать этого, а считать извѣстное число стиховъ и буквъ священными" (Кратк. Изл., стр. 9). Толстой сказалъ, что „безъ Библіи немыслимо въ нашемъ обществѣ развитіе ребенка и человѣка", что „Библія есть единственная книга для первоначальнаго и дѣтскаго чтенія, что „Библія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія; между тѣмъ онъ въ „Обращеніи къ духовенству" [1]) твердитъ намъ другое: „Говорятъ о вредныхъ книгахъ! Но есть ли въ христіанскомъ мірѣ книга, надѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая „Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта? Дѣйствительно, какъ не согласиться съ прот. Алфеевымъ, что Толстой двуликій Янусъ. Хороша же, скажемъ отъ себя, нравственность толстовскаго Бога, когда Онъ „обманываетъ" людей! Что это за Богъ, который „пугается" человѣка! Изъ какихъ источниковъ Толстой почерпнулъ свой разсказъ о внушеніи Адамомъ запрещеннаго плода? Какъ согласовать выраженія его: „Богъ сдѣлалъ человѣка" и „Бога—Творца нѣтъ [2])? Поразительно, какъ могъ геніальный человѣкъ, какимъ считаютъ Толстого, утверждать объ одномъ и томъ же предметѣ совершенно противоположное! Какое право онъ имѣлъ приписать Іисусу Христу слѣдующія слова: [3]) „Іисусъ говорилъ: Законъ Моисея училъ исполненію воли людей, и потому онъ полонъ противорѣчій. Мнѣ, какъ человѣку, не надо вѣрить, но надо вѣрить тому, что я говорю во имя общаго блага всѣмъ людямъ Отца"? Гдѣ въ Евангеліи такія слова Іисуса? гдѣ въ Евангеліи сказано, что Іисусъ сознался, что Онъ, какъ человѣкъ, не всегда правду говоритъ: „Ему не надо вѣрить?" почему же Ему надо вѣрить, когда Онъ говорилъ

1) Стр. 8.
2) Брошюра Т-го „Мысли о Богѣ" стр. 14.
3) Стр. 156.

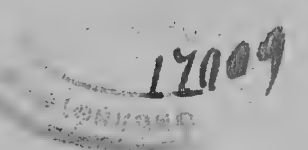
во имя общаго блага?—вѣдь Онъ и о Богѣ и о благѣ говорилъ, какъ человѣкъ: Іисусъ, по ученію Толстого, не былъ Богъ! Вотъ какъ учитъ „великій учитель“ Толстой о Ветхозавѣтномъ и Новозавѣтномъ св. писаніи! И ему, великому учителю, его послѣдователи вѣрятъ больше, чѣмъ даже Христу! Что если бы въ учебныхъ заведеніяхъ также учили обыкновенные маленькіе учители?—нынче преподаютъ: $2 \times 2 = 4$, ариѳметика необходима, она даетъ точныя знанія, а завтра—нѣтъ: $2 \times 2 = 5$, ариѳметика вредна, она говоритъ вздоръ. Такого маленькаго учителя тотчасъ же прогнали бы со службы, а вотъ великаго учителя Л. Н. Толстого за такой же абсурдъ такъ чествуютъ, что считаютъ чуть не преступленіемъ сказать что-либо вопреки ему.

Имѣя въ виду не одного только Толстого, но и послѣдователей его и вообще тѣхъ многихъ интеллегентовъ, которые совершенно отвергаютъ ветхозавѣтную Библію, признаютъ ее за фантастическій разсказъ, будто книга бытія написана не Моисеемъ, а нѣсколькими лицами и въ позднѣйшее время и мн. другое,—я нахожу далеко нелишнимъ подвергнуть обсужденію отрицательные доводы противъ Библіи, какіе мнѣ пришлось слышать.—Извѣстно, что ни одно ученое сочиненіе положительно этого не можетъ доказать и одно другому даже противорѣчитъ. Такъ ученые ссылаются на вавилонскія и ассирійскія письмена на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ раскопкахъ, будто многое, что находится въ еврейской Библіи, есть на нихъ, поэтому будто евреи заимствовали свое ученіе отъ вавилонянъ и ассиріянъ; другіе же ученые имъ возражаютъ, что эти надписи на плитахъ указываютъ на то, что евреи, и въ то время разселившіеся по разнымъ странамъ (Вавилонскій плѣнъ, ассирійскія войны), сообщили завоевателямъ свои книги, и тѣ заимствовали у нихъ. Углубляться въ эти толкованія мы не будемъ—это дѣло спеціалистовъ, но скажемъ: никто положительно не опровергъ библейскихъ сказаній и не можетъ; никто не могъ съ достовѣрностью доказать, что книга Бытія написана не Моисеемъ, а нѣсколькими лицами. Сколько ни пытались опровергнуть сказаніе Моисея о порядкѣ творенія міра и геологическими и біологическими данными или отъ разума, сколько ни стара-

лись доказать несогласіе его съ наукою,—все это оказывалось лишь гипотезами. догадками: одинъ говоритъ, что міръ образовался въ 100,000 лѣтъ, другой—въ сотни, третій въ милліонъ, такъ и Толстой утверждаетъ: „въ сотни тысячъ лѣтъ" [1]), каждый по своему; но теперь и наука пришла къ заключенію, что сказанія Моисея о твореніи міра (космогонія) совершенно подтверждаются научными данными, и ученые перваго ранга удивляются Моисею. Вотъ что они говорятъ: Рейнке профес. въ своемъ сочин. „Міръ, какъ дѣло", сопоставляетъ библейскую космогонію съ научною съ благопріятнымъ для Библіи выводомъ; Фонъ-Бэръ заявляетъ: „Нападки на Моисееву исторію являются комическими анахронизмами, такъ какъ наука давно уже съ ними справилась. Если брать ихъ не по буквѣ, а по существу, то должно признаться, что болѣе возвышенной космогоніи мы не имѣемъ отъ древняго времени, да едвали и дана намъ такая. Геккель, знаменитый германскій ученый въ сочиненіи „Естественной. исторіи творенія" признаетъ: „Мы можемъ выразить полное и искреннее удивленіе свое предъ глубокимъ пониманіемъ природы у іудейскаго законодателя". Деннертъ опровергаетъ Ладенбурга въ отвѣтъ на его рѣчь о противорѣчіи науки и религіи указаніемъ на противоположный взглядъ среди ученыхъ, представляющихъ въ совокупности громкихъ своихъ именъ саму науку въ лицахъ; то же говоритъ химикъ Бишоффъ. Физикъ Біо высказываетъ: „или Моисей въ наукѣ былъ такъ же свѣдущъ, какъ наше столѣтіе, или онъ былъ просвѣщенъ Богомъ, писалъ по вдохновенію отъ Него"; тоже говоритъ физикъ Амперъ. Гельгольмцъ выражаетъ удивленіе, что Библія какимъ-то образомъ совпадаетъ съ новѣйшими выводами естествознанія". Геологъ Квенштедтъ восхваляетъ Моисея: „Моисей былъ великимъ геологомъ, откуда бы ни почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія въ геологіи". Геологъ Даусонъ говоритъ: „Попытка изобразить исторію мірозданія не можетъ представить чего-нибудь болѣе высокаго и достойнаго, чѣмъ библейское повѣствованіе о твореніи". Знаменитый Кювье пишетъ: „Моисей оставилъ намъ космогонію, истинность положеній которой удиви-

1) Стр. 763.

тельнѣйшимъ образомъ подтверждается со дня на день". Такъ говорятъ о Библіи знаменитѣйшіе естествоиспытатели. Интересна книжка д-ра А. А. Пясецкаго: „Медицина по Библіи и Талмуду" (Издан. 1902 г.), въ которой онъ рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ: можно ли прожить тысячу лѣтъ? [2]) Для своего труда д-ръ Пясецкій пользовался Библіею и Талмудомъ на древнееврейскомъ языкѣ, при чемъ спеціальные медицинскіе термины, находящіеся въ Библіи, разъяснялъ на основаніи корней словъ, и это придало труду его особую цѣнность. Такое долголѣтіе допотопныхъ людей онъ признаетъ вполнѣ естественнымъ: „тысячелѣтняя жизнь ихъ не есть гипербола, но исторически вѣрный фактъ, явившійся слѣдствіемъ тѣхъ условій, въ которыя былъ поставленъ человѣкъ допотопнаго періода, и это свое положеніе онъ доказываетъ цѣльностью, неиспорченностью природы тогдашнихъ людей, соціальными и климатическими условіями жизни, и всѣ эти условія въ совокупности поддерживали и укрѣпляли здоровье человѣка, но ничѣмъ не разстраивали и не ослабляли его организма. Так. об. и это сказаніе Библіи о долголѣтіи допотопныхъ людей подтверждается наукою—медициною. А вотъ многіе изъ интеллегентовъ, не будучи въ собственномъ смыслѣ учеными, даже многіе изъ широкой массы глумятся надъ Библіею, считаютъ ее за миѳическія сказанія, и этимъ обнаруживаютъ лишь свое легкомысліе.

И Христосъ никогда не говорилъ, что въ ветхозавѣтной Библіи есть вздорныя, фантастическія сказанія, напротивъ утверждалъ, что Онъ пришелъ не разорить законъ, а утвердить, дополнить, обновить, постоянно ссылался на Моисея, Давида, пророковъ въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, говорилъ о ветхозавѣтномъ Богѣ, какъ о своемъ Отцѣ, вѣчно существующемъ, неизмѣняемомъ вопреки ученію тѣхъ же интеллегентовъ, утверждающихъ, что ветхозавѣтный Богъ иной—карательный, только правосудный, а новозавѣтный—любвеобильный, милостивый. Такой взглядъ на Бога есть лишь повтореніе ученія гностиковъ, напр. Маркіона, противъ котораго полемизировалъ

---

2) Отзывъ объ этой книжкѣ Пясецкаго см. „Новое Время" 1902 г., авг. 10, № 9494.

Тертуліанъ. Этимъ они лишь подтверждаютъ, что поютъ съ чужого голоса, не изучили основательно исторіи церкви и не изучали Библіи, иначе прочитали бы въ ней, что Господь помиловалъ Ниневитянъ за ихъ раскаяніе, насылалъ на евреевъ бѣдствія, когда они развращались, и тотчасъ же прощалъ, посылалъ имъ избавленіе, когда они обращались къ Нему съ раскаяніемъ, и это помилованіе красною нитью проходитъ чрезъ всю Библію, увидѣли бы, что Господь нянчился съ евреями, какъ съ капризными дѣтьми. Да и нельзя было строго не наказывать такихъ развращенныхъ людей, какими были евреи: это было бы противно не только правосудію Божію, но и простой справедливости.

Вотъ какъ характеризуетъ ветхозавѣтныхъ евреевъ профессоръ Кіевскаго университета прот. П. Свѣтловъ; „За мерзости и беззаконія всякаго рода, въ которыхъ еврейскій народъ превзошелъ даже язычество, Богъ отвергнулъ его (Іезек. V, 7; VII, 3-9; Второз. XXVIII, 45-48; Дѣян. Ап. VII, 53). Библія сплошной обвинительный документъ противъ „жестоковыйнаго" народа... Исторія еврейскаго народа, сохраненная Библіею въ историческихъ книгахъ ея и книгахъ Моисея, есть сплошной позоръ для еврейскаго народа, фактическое свидѣтельство о его закоренѣлой нравственной испорченности и духовномъ огрубѣніи. Еврейская исторія сплошной ужасъ и мерзость изъ звѣрской жестокости еврейскаго народа, чувственности и разврата во всѣхъ видахъ, насилія разнаго рода, убійства, воровства, грабежа, разбоевъ, вѣроломства, идолопоклонства, крайняго матеріализма до неспособности къ вѣрѣ въ безсмертіе, жадности къ чувственнымъ благамъ, къ золоту, презрѣнія и безграничной злобы къ правдѣ, мѣшавшей ихъ низкой натурѣ и воплощавшейся въ ихъ пророкахъ" 1). Такой же отзывъ объ евреяхъ даютъ и жившіе въ I вѣкѣ по Р. Хр. По разрушеніи Іерусалима римлянами въ 70 году по Р. Хр. Титъ, поздравляя войска съ побѣдою, сказалъ: „Вы побѣдили самый жестокій, мятежный и коварный народъ". Егезипъ и іудейскій историкъ Іосифъ Флавій рисуютъ въ самыхъ ужасныхъ

1) Его сочин. „Христіанское Вѣроученіе" т. I, стр. 140.

чертахъ нравственное разложеніе еврейскаго народа къ концу Ветхаго Завѣта: Егезипъ называлъ „святой“ городъ скопищемъ или лужей всѣхъ мерзостей; І. Флавій признается, что еслибы не пришли римляне, то городъ былъ бы поглощенъ землею или истребленъ огнемъ съ неба. Англійскій историкъ 18 в. Гиббонъ свидѣтельствуетъ, что евреи умертвили въ Киренѣ 220 тысячъ христіанъ, на Кипрѣ— 240 тысячъ, а въ Египтѣ такое количество, которое даже не поддается счету. „Побѣдоносные іудеи пожирали мясо несчастныхъ, лизали ихъ кровь и опоясывали себя ихъ внутренностями“ (І, 141). Конечно, Богъ былъ бы весьма несправедливъ, если бы оставлялъ безнаказанными такія злодѣянія. Вѣдь и христіанъ Богъ также строго наказываетъ, если они, забывши, что они послѣдователи Христа, совершаютъ гнусныя беззаконія. Примѣрами этого полна исторія. Разница отношенія Бога къ людямъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ лишь та, что въ Новомъ Завѣтѣ за родъ людской предъ правдою Божіею принесена умилостивительная, искупительная жертва Христа на крестѣ: теперь мы лишь взглянемъ съ вѣрою, молитвою и раскаяніемъ на крестъ, подобно тому, какъ евреи на мѣдный змѣй, такъ получаемъ прощеніе; тогда же этого не было, а правда Божія должна была быть удовлетворенною; тамъ былъ законъ, въ Новомъ Завѣтѣ благодать. Слѣд. Богъ былъ тотъ же, вѣчно-неизмѣняемый, но отношеніе Его къ людямъ было нѣсколько иное. Богъ мѣняться не можетъ.

Противники Ветхаго Завѣта приводятъ еще такія возраженія: какая же это божественная книга, когда въ ней такъ много слишкомъ откровенныхъ, оскорбляющихъ нравственное чувство сказаній, и что это—за святые люди, какъ Іаковъ, Давидъ, когда они совершали немало прегрѣшеній? какая же это богодухновенная книга, когда въ ней есть ошибки и противорѣчія по исторіи, географіи, хронологіи, естествовѣдѣнію?—Во 1-хъ, эти противники упускаютъ изъ виду, что бытописатель писалъ для евреевъ исторію евреевъ, только что вышедшихъ изъ многовѣкового рабства, и потому огрубѣлыхъ, некультурныхъ, неспособныхъ къ возвышенному понятію и чувству, и потому нуждавшихся въ сильныхъ средствахъ воздѣйствія, какъ „око

за око,“ казнь, что доказывается постоянными возмущеніями ихъ, несмотря на частыя видимыя необычайныя проявленія силы Божіей и попеченіе Его о нихъ; лишь такія крутыя мѣры, какъ казнь Корея, Дафана и Авирона, какъ побіеніе камнями, удерживали ихъ въ повиновеніи. Такъ кроткій голосъ Спасителя могъ ли животворно повліять на эту дикую, своевольную орду, если многіе изъ евреевъ въ Его время, когда еврейскій народъ былъ уже подготовленъ, сравнительно культуренъ, не поняли и не приняли Его ученія и Его самого, несмотря на Его чудеса? Имъ нуженъ былъ голосъ Бога въ громѣ, молніи, сотрясеніи горы, чтобы повліять на нихъ, да и то вліялъ на короткое время: прошло только недѣль пять—шесть, какъ они забыли это грозное явленіе и вернулись къ языческому культу. Во-2-хъ, евреи были дѣти природы, главное ихъ занятіе было скотоводство: цари ихъ Саулъ и Давидъ были изъ пастуховъ; поэтому они не считали неприличнымъ называть вещи своимъ именемъ—такъ это было естественно, не оскорбляло ихъ нравственнаго чувства. Наши крестьяне, конечно, гораздо культурнѣе тогдашнихъ евреевъ, однако не стѣсняются говорить такія слова, которыя немыслимо произносить въ интеллегентномъ обществѣ. Такъ то, что считается теперь неприличнымъ, циничнымъ на словахъ, хотя на дѣлѣ дѣлается еще хуже, въ то время считалось естественнымъ и иначе, какъ прямо, и нельзя было выразиться—не поняли бы. Въ-3-хъ, евреи только начали образовываться изъ дикихъ номадовъ въ организованное государство, а потому и нужно было дать имъ регламентацію до мельчайшихъ подробностей, иначе было нельзя; въ Евангеліи же нѣтъ такой регламентаціи: оно предназначалось для людей, болѣе развитыхъ по духу, для людей всего міра на всѣ послѣдующія времена, а потому оно имѣетъ общечеловѣческій всемірный характеръ, а не національный, какъ ветхозавѣтная Библія. Въ-4-хъ, на возраженіе противниковъ, будто странно читать: „Богъ сказалъ, Богъ велѣлъ,“ отчего же теперь этого нѣтъ?—отвѣтимъ: ничего нѣтъ страннаго. Сравнимъ себя съ тогдашними евреями. Теперь Богу говорить съ нами явно не для чего и не о чемъ: Онъ все сказалъ, что намъ нужно знать—у насъ есть Евангеліе, писанія апостоловъ; тайно же Онъ и теперь

продолжаетъ съ нами говорить: со всякимъ, полагаю, случается, что какой-то внутренній голосъ настойчиво, ясно говоритъ: сдѣлай это или не дѣлай, толкаетъ съ силою на какое-либо дѣло или удерживаетъ, особенно этотъ внутренній голосъ, необыкновенное душевное состояніе ощутительно бываетъ у матерей при опасности ихъ отсутствующихъ дѣтей [1]). Что это, какъ не голосъ къ намъ Бога! Въ то же время Богъ не все открылъ людямъ, а потому въ отдѣльныхъ случаяхъ и тайно и явно, болѣе ощутительно давалъ людямъ указанія. Ап. Павелъ различалъ, что онъ говорилъ отъ себя и что отъ Бога; въ своихъ посланіяхъ онъ писалъ: „это я говорю отъ себя, даю совѣтъ", или „Богъ мнѣ повелѣлъ". Въ-5-хъ, ветхозавѣтныя книги, разсказывая о прегрѣшеніяхъ святыхъ мужей, этимъ доказываютъ правдивость сказанія, полное безпристрастіе ихъ авторовъ: они не идеализируютъ ихъ и не скрываютъ ихъ недостатковъ; писатели Библіи были сами евреи и писали для евреевъ, и если бы они были пристрастны, то не выставили бы на позоръ ужасныхъ пороковъ своего народа. Правда, грѣшили ветхозавѣтные святые, но зато какъ же они любили Бога! Прочитайте псалтирь и увидите, что Давидъ непрестанно имѣлъ предъ своими очами Бога, постель свою слезами смачивалъ; какое въ немъ было сильное раскаяніе, прочитайте 50-й псаломъ; какъ онъ сильно любилъ Бога, какъ надѣялся на Него, прочитайте псалмы 3, 17, 90-й и др. Вотъ за что, несмотря на ихъ грѣхи, они считаются праведными, святыми. Въ-6-хъ, не слѣдуетъ дѣлать изъ библейскихъ сказаній вывода, будто Богъ объ однихъ евреяхъ заботился, а другіе народы оставилъ: Библія говоритъ собственно объ евреяхъ и касается другихъ народовъ постольку, поскольку они соприкасались съ евреями, и это не значитъ, что другіе народы не имѣли своей исторіи и жили безъ попеченія о нихъ Бога: Ап.

---

1) Вотъ лично мнѣ извѣстенъ случай. Моя двоюродная сестра однажды ночью проснулась въ сильномъ безпокойствѣ о своемъ сынѣ, который въ это время плылъ по Черному морю въ сильнѣйшую бурю. Всѣ пассажиры приготовились къ гибели, надѣли на себя спасательныя пояса, но онъ лишь одинъ изъ всѣхъ оставался покоенъ — онъ ясно чувствовалъ, что въ это время мать его (въ Рязани) молится за него. Мать же дѣйствительно, вскочивши съ постели, до утра на колѣняхъ промолилась предъ иконою за своего сына.

Павелъ въ посланіи къ Рим. (2, 15) говоритъ: „*Дѣло закона у язычниковъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую*“, и исторія показываетъ, что нравственныя понятія, иногда возвышавшіяся до высоты и чистоты христіанской морали, какъ напр. у греческихъ философофъ Платона, Сократа и др., въ буддизмѣ, у Конфуція, Зороастра и пр., частицами были и у языческихъ народовъ, что свидѣтельствуетъ о всеобщности въ душахъ нравственнаго закона, о всеобщности стремленія человѣческаго духа къ Божеству, о Промыслѣ Божіемъ о спасеніи всего міра, приготовленіи язычниковъ къ принятію ученія Христа, и этимъ приготовленіемъ объясняется успѣшность христіанской проповѣди: евреи приготовлялись непосредственнымъ иногда проявленіемъ имъ Бога и посредственнымъ—пророчествами и прообразованіями, язычники—ученіемъ ихъ лучшихъ людей—философовъ и проникновеніемъ ко многимъ народамъ вѣроученія евреевъ, еще до Христа разселившихся по разнымъ странамъ. Также неосновательно говорятъ противники Библіи: когда же Богъ успѣвалъ наставлять евреевъ даже въ мелочахъ? Такъ говорить—значитъ не признавать Его вездѣсущимъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ, низвести Его на степень человѣка, что и дѣлаетъ Толстой въ приведенномъ разсказѣ о грѣхопаденіи Адама. Въ 7-хъ, чтобы правильно понять Библію, нужно умѣть читать ее. Проф. Свѣтловъ указываетъ, что въ практикѣ три способа ея чтенія: [1]) теорія вербальная или механическая, раціоналистическая и органическая. Вербальная опирается на буквальномъ пониманіи, считаетъ священныхъ писателей за простыя орудія въ рукахъ Духа—они писали безсознательно; теорія раціоналистическая отрицаетъ сверхъестественное откровеніе и тѣмъ самымъ низводитъ Библію въ разрядъ обыкновенныхъ литературныхъ произведеній естественной религіозной мысли наравнѣ со священными памятниками всѣхъ другихъ религій; теорія органическая признаетъ богодухновенность Библіи, но не во всемъ ея объемѣ, и ограниченность ея непогрѣшимости.

---

1) Христіан. вѣроученіе, стр. 54—110.

Новѣйшая богословская православная и католическая наука принимаетъ послѣднюю теорію органическую, а протестантская признаетъ Библію богодухновенною во всемъ ея составѣ до буквъ включительно, т. е. держится теоріи механической, вербальной. Но нѣкоторыя неточности и ошибки въ Библіи привели самихъ протестантовъ къ сознанію, что если бы все было богодухновенно въ Библіи, то не было бы этихъ неточностей и ошибокъ, поэтому и въ протестантствѣ появилась полураціоналистическая теорія. Въ настоящее же время по вопросу о богодухновенности Библіи протестантское богословіе представляетъ смѣсь всевозможныхъ взглядовъ. Поэтому за правильное пониманіе слѣдуетъ признать православную и католическую теорію органическую, которая различаетъ въ Библіи божественное или богодухновенность и человѣческое: богодухновенность, во-1-хъ, надо искать въ существенномъ, главномъ, религіозно-нравственномъ, въ Библіи всѣ отдѣльныя части ея важны лишь въ своей совокупности, поскольку ими достигается главная цѣль Библіи-свидѣтельство о Христѣ и о пути спасенія во Христѣ; во-2хъ, и въ существенномъ слѣдуетъ различать буквальныя слова самого Бога, которыя, такъ сказать, записаны святыми людьми подъ диктовку: таковы пророчества, напр. „*се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына*" (Исаіи), и общее внушеніе Св. Духа, общее содержаніе, и детальное изложеніе священныхъ писателей каждаго съ его индивидуальными свойствами, подобно тому, какъ одинъ знаменитый французскій писатель отдавалъ писать романы нѣсколькимъ молодымъ талантливымъ писателямъ, которые, выслушавши содержаніе, каждый писалъ по-своему, а что важное, то писалъ самъ авторъ. Это сравненіе профес. Свѣтлова наглядно объясняетъ степень богодухновенности Библіи: человѣческое въ Библіи все, чего достигаетъ человѣкъ своимъ изслѣдованіемъ, поэтому въ области естествовѣдѣнія библейскіе писатели не отличаются отъ всякихъ другихъ, и потому бываютъ ошибки по отсутствію источниковъ или недостаточности образованія въ области исторіи, географіи, хронологіи и т. п. Библія не считается руководствомъ въ естественно-научныхъ вопросахъ. Кеплеръ еще говорилъ: „Достойно порицанія злоупотребленіе Библіей, когда въ ней ищутъ отвѣтовъ на

вопросы естествознанія о мірѣ". Так. обр. Библія и съ ошибками, которыя встрѣчаются въ несущественномъ, остается словомъ Божіимъ. Пророчества—вотъ самое сильное неопровержимое доказательство богодухновенности Библіи. Прекрасно доказана богодухновенность Библіи Н. Н. Неплюевымъ въ его сочиненіи „Что есть истина" (Лейпцигъ, 1893 г. т. I), въ которомъ между прочимъ сказано: „Вырвать изъ Писанія одинъ текстъ и дѣлать изъ него произвольные, уродливые по своей узости выводы—наивное недомысліе или злонамѣренный лукавый софизмъ. Чтобы вполнѣ ясно усвоить себѣ библейскій взглядъ на тотъ или другой вопросъ жизни или нравственности, необходимо соединить въ одно все, что сказано человѣчеству по этому вопросу на всемъ протяженіи многовѣкового воспитанія падшаго человѣчества; только тогда мы получимъ цѣлое представленіе, въ которомъ будетъ выражена и цѣлая Божественная мысль (364). Читать Библію иначе значитъ буквоѣдствовать и за буквой мертвящей не видѣть ея духа животворящаго".—Слѣд., читая Библію, нужно имѣть въ виду животворящій духъ, промыслъ Божій, ведущій людей ко Христу, къ спасенію, а не отдѣльныя фразы, буквы.

Изъ всего сказаннаго выводъ таковъ: нельзя игнорировать ветхозавѣтную Библію, а слѣдуетъ признать ее богодухновенною по отношенію къ Мессіи и религіозно-нравственному ученію, имѣющею тѣсную связь съ Новымъ Завѣтомъ, что утверждали и Спаситель и апостолы.

Въ заключеніе скажемъ вообще о Библіи, какъ собраніи священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, особенно объ Евангеліи, что въ благоговѣйномъ изумленіи передъ Библіей, какъ Книгою книгъ, склоняются и величайшіе геніи человѣчества, и хвалу ей воздаютъ знаменитые ученые, писатели, художники, поэты, государственные люди не только вѣрующіе, но даже и невѣрующіе: Достоевскій, Диккенсъ, Вальтеръ Скоттъ, Гёте, Байронъ, Гейне, знаменитый анатомъ Рудольфъ Вагнеръ, знаменитый лингвистъ Вильгельмъ Гумбольтъ, англійскій проповѣдникъ дарвинизма порф. Гексли, извѣстный историкъ религій Ал. Ревилль, выдающійся астрономъ Іоаннъ Медлеръ, Наполеонъ I, великій государственный человѣкъ и

глубокій мыслитель Гладстонъ, величайшій философъ Кантъ, естество испытатель и философъ Фехнеръ, Ж. Ж. Руссо, ученый историкъ I. Мюллеръ, французскій ученый историкъ Гизо, нашъ писатель-критикъ Бѣлинскій, извѣстный вольнодумецъ Герценъ и мн. другіе, на которыхъ свящ. книги произвели сильное и могущественное вліяніе. И дѣйствительно, Библія, какъ никакое другое сочиненіе, замѣчательна по своему *единству* содержанія и гармоніи между составными ея частями, по *универсальному* характеру, дѣлающему ее книгою всемірною, всечеловѣческою, вѣчною, и по могуществу и силѣ, широтѣ и глубинѣ *дѣйствія* ея на всѣ стороны человѣческаго духа [1]).

Въ какомъ же отношеніи находятся между собою Евангеліе и Ветхозавѣтная Библія, по опредѣленію Толстого? Въ своемъ сочин. „Въ чемъ моя вѣра“—онъ говоритъ: „Два закона эти (Моисея и Христа) противоположны, и не можетъ быть рѣчи о соглашеніи ихъ или восполненіи одного другимъ, необходимо принять одинъ изъ двухъ. Словами: „законъ и пророки до Іоанна“—Христосъ упраздняетъ законъ писанный. Словами: „легче небу и землѣ прейти, чѣмъ изъ закона выпасть черточкѣ“ —Онъ утверждаетъ законъ вѣчный“ (Лук. XVI, 16, 17) [2]). Но Толстой нашелъ въ Евангеліи другія слова Христа, которыхъ раньше не понималъ, какъ согласить ихъ съ этими словами: „*Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: Я пришелъ не уничтожить, а исполнить. Вѣрно говорю вамъ: скорѣе небо и земля прейдутъ, чѣмъ одна іота или черта закона, пока не исполнится все*“ [3]). Уже послѣ открылся для него „простой и ясный смыслъ этихъ стиховъ“, что Христосъ упразднилъ весь писанный законъ—и Моисея и пророковъ, и, так. обр., по мнѣнію графа, Христово ученіе не имѣетъ связи съ Библіею. „Стало-быть“, дѣлаетъ онъ выводъ, „ясно, что здѣсь противополагается законъ вѣчный

1) Изъ „Христ. вѣроученія“. Свѣтл. т. I, стр. 52.
2) „Въ чемъ моя вѣра“—стр. 79, изд. Сыт.
3) Стр. 79.

закону писанному“ [1]). Дѣйствительно, Ветхій Завѣтъ и пророки только до Христа на томъ основаніи, что они служили приготовленіемъ людей къ Его пришествію, съ возвѣщеніемъ же ученія Христа стали ненужными; но Толстой не понялъ, что въ Ветхомъ законѣ и пророкахъ заключаются законы временные, какъ подготовительные къ Мессіи и чисто національные, предназначенные собственно для евреевъ, и вѣчные—для всѣхъ людей всѣхъ временъ и странъ: таковы 10 заповѣдей Моисея, которыя останутся обязательными вѣчно. Отсюда понятно, что приведенныя два изреченія не такъ слѣдуетъ понимать, что Христосъ отмѣнилъ писанный законъ: нѣтъ, Онъ отмѣнилъ не весь писанный законъ, а законы и правила временные, имѣвшіе значеніе только до Его пришествія, и національные—для евреевъ собственно; законы же вѣчные, данные въ Ветхомъ Завѣтѣ, Христосъ положилъ въ основу своего ученія, уяснилъ ихъ, расширилъ, дополнилъ, такъ сказать, одухотворилъ, и, так. обр., ученіе Христа съ вѣчными законами Ветхаго Завѣта составило одно цѣлое, предназначено для всѣхъ людей всего міра: *„во Христѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея“*, сказалъ апостолъ. Вотъ почему Христосъ сказалъ: *„новое вино въ старые мѣхи нельзя наливать“*, т. е. еврейство съ своими національными, временными законами устарѣло и стало непригодно со времени Христа, каковы: обрѣзаніе, жертвы и т. п. Иначе понимать, было бы противорѣчіе въ словахъ Христа: то законъ и пророки до Іоанна, то Онъ пришелъ не разорить законъ, а исполнить. Нужно помнить, что Богъ управлялъ евреями до царей вмѣсто земного царя, и потому давалъ евреямъ узаконенія временныя, но Онъ, какъ царь вселенной, давалъ постепенно также вѣчные законы для всего міра, и Христосъ ихъ завершилъ, но не упразднилъ, какъ говоритъ Толстой. *„Соблюди заповѣди“*, сказалъ Спаситель юношѣ, постоянно ссылался на законъ: *„А какъ въ законѣ написано“*? спрашивалъ Онъ у книжниковъ. Стало-быть, два закона—Моисея и Христа не противоположны и могутъ быть согласованы, даже такіе законы, которые, повидимому, исключаютъ согла-

---

1) Стр. 80.

сіе, какъ древній, „*око за око*“, новый—прощеніе обидъ, наказаніе и казнь—и „не судите“, не представляются противоположными, если мы вникнемъ въ суть всего ученія Христа, а не будемъ выхватывать отдѣльныя фразы и по нимъ строить свое умозаключеніе, напр. „*око за око*“ у Моисея, „*тою же мѣрою, какою мѣрите, возмѣрится вамъ*“ (Лк. VI, 38) у Христа, а вѣдь это одно и то же; значитъ, нужно понять, что есть любовь, есть и правда съ ея правосудіемъ. Обстоятельное разъясненіе этого вопроса не возможно по условіямъ моей лекціи. Я лишь указалъ, что Толстой неправъ въ пониманіи Ветхаго закона и Новаго Христова: Христовъ законъ есть продолженіе Ветхаго закона въ тѣхъ истинахъ, которыя вѣчны и предназначены для всѣхъ людей.

Христосъ и Его ученіе.

Объ ученіи же Христа Толстой отзывается съ восторгомъ. Оно радикально измѣнило прежніе его взгляды и вмѣсто отчаянія, доведшаго было его до самоубійства, дало ему жизнь, покой, счастіе. Вотъ что онъ говоритъ о немъ: „Я не понималъ жизни. Она казалась мнѣ ужасною. И вдругъ я услыхалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и вмѣсто отчаянія я испыталъ радость и счастіе жизни, не нарушаемыя смертью. Былъ учитель (Христосъ), ясно, опредѣленно указавшій имъ (людямъ), что имъ должно дѣлать, чтобы жить счастливѣе. Я не перестаю удивляться строгости, точности Его философскихъ опредѣленій. Ученіе Христа о томъ, какъ должны жить люди, божественно хорошо и даетъ благо людямъ. Заповѣди мира, данныя Христомъ, простыя, ясныя, предвидящіе всѣ случаи раздора и предотвращающія его, открываютъ это царство Бога на землѣ. Стало-быть, Христосъ—Мессія. Безъ исполненія ученія Христа нѣтъ спасенія. Я понялъ и повѣрилъ, что Іисусъ не только Мессія, Христосъ, но что Онъ точно и Спаситель міра. Спасеніе Христа есть точно спасеніе. Онъ

явился, сказалъ—и человѣчество спасено. Я понялъ ученіе Христа въ Его заповѣдяхъ и вижу, что исполненіе ихъ даетъ блаженство и мнѣ и всѣмъ людямъ міра. Ученіе Христа устанавливаетъ царство Бога на землѣ" [1]).—Въ такомъ случаѣ почему же Толстой не всѣмъ словамъ Христа вѣрилъ? Христосъ сказалъ: *„Отецъ* (Богъ) *и Я—одно. Дана мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Вы увидите Сына человѣческаго на облакахъ, идущаго судить міръ. Я съ вами до скончанія міра"*. Вѣдь эти слова или Бога, или человѣка не въ здравомъ умѣ: Я одно съ Богомъ, Я вѣченъ. Я всемогущъ. Кто же изъ людей можетъ такъ сказать о себѣ? Вѣдь по одному ученію Христа Толстой долженъ былъ видѣть, что оно не могло исходить отъ обыкновеннаго человѣка, хотя и мудраго. Тѣмъ не менѣе онъ не признаетъ І. Христа за Бога, о чемъ неоднократно говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ и особенно рѣзко выразился въ письмѣ къ Синоду: „человѣка Христа... понимать Богомъ и молиться Ему считаю величайшимъ кощунствомъ. „Христа я считаю такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ мы, считать же его Богомъ—считаю величайшимъ кощунствомъ и явнымъ доказательствомъ язычества. Признать Христа Богомъ—есть отреченіе отъ Бога" [2]). На какомъ основаніи Толстой, между прочимъ, отвергаетъ плотское воскресеніе Христа, будто „о плотскомъ личномъ воскресеніи Христосъ никогда не говорилъ", и будто во всѣхъ 14 мѣстахъ въ Евангеліи, гдѣ Христосъ предсказывалъ о своемъ воскресеніи, не говорится о плотскомъ Его воскресеніи, а о возстановленіи? [3]) Въ Евангеліи сказано: *„разорите церковь сію, и въ три дня воздвигну ее* (Ін. 2, 19), и дальше объяснено, что Онъ говорилъ о церкви тѣла своего (ст. 22); Толстой же перефразируетъ: „Я разрушу вашъ храмъ и въ три дня построю новый" [4]), т. е. онъ употребилъ то же лжесвидѣтельство, какое приводили противъ

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра"—стр. 55, 116, 108, 132, 133, 158, 723.

[2]) Брошюра „О разумѣ и вѣрѣ" стр. 11, 9.

[3]) „Въ чемъ моя вѣра"—стр. 125, 126.

[4]) „Въ чемъ моя вѣра"—стр. 76.

Христа на судѣ двое, и за это они названы въ Евангеліи лжесвидѣтелями (Мѳ. 26, 61). Апостолы прямо сказали, что если не было воскресенія Христа, то ихъ вѣра тщетна, что они были личными свидѣтелями именно плотского воскресенія Іисуса Христа: Ѳома даже осязалъ раны на Его тѣлѣ; тогда тщетны были и ихъ и всѣхъ мучениковъ за Христа страданія и смерть. Неужели еврейскіе начальники, приставившіе стражу ко гробу Спасителя именно изъ боязни плотского Его воскресенія, и апостолы неправильно поняли Его предсказаніе, а Толстой вѣрно понялъ? Основаніе у Толстого одно: ничего чудеснаго его разумъ не допускаетъ, а потому всѣ слова Христа о себѣ, какъ о Богѣ, всѣ чудесныя событія изъ Его жизни имъ отвергнуты, всѣ они— позднѣйшая вставка, искаженіе Евангелія. Толстой видитъ въ ученіи Христа одно человѣческое; по его словамъ, „ученіе Христа есть ученіе о сынѣ человѣческомъ, общемъ всѣмъ людямъ, т. е. объ общемъ всѣмъ людямъ стремленіи къ благу, объ общемъ всѣмъ людямъ разумѣ. освящающемъ человѣка въ этомъ стремленіи“ [1]). Возразимъ графу: Христосъ училъ не объ одномъ только общечеловѣческомъ стремленіи къ благу: Онъ открылъ людямъ и небо—отъ Него люди познали истиннаго Бога по Его существу, низвелъ на людей Божіе благоволеніе чрезъ свою искупительную жертву, слилъ небо съ землею. Такъ повѣствуетъ намъ Евангеліе, а изъ сказаннаго мною объ Евангеліи, полагаю, вы убѣдились въ несомнѣнной достовѣрности евангельскихъ сказаній, убѣдились, что ни одно слово въ Евангеліи не искажено, не подсочинено, евангелисты въ точности передали слова Спасителя. Можетъ-быть, самъ Христосъ ложно утверждалъ, приписывая себѣ неподобающее достоинство? Но могло ли такое совершеннѣйшее Существо, предложившее такое совершеннѣйшее ученіе, ложно утверждать, что Онъ—Богъ, Сынъ Божій, когда ему именно за эти слова предстояли мученія и смерть, и Онъ предпочелъ смерть, чѣмъ отказаться отъ своихъ словъ? Между тѣмъ эти-то слова и не признаетъ Толстой. Такъ за что же осудили Христа?

Личность Іисуса Христа есть сама по себѣ чудо исторіи [2]). У кого изъ людей и разумъ, и чувства, и воля въ полномъ согласіи?—ни у

1) „Въ чемъ моя вѣра?“ стр. 115.
2) Шаффъ.

кого; у Христа же они въ совершенной гармоніи и при томъ самой высокой. Всѣ люди безъ исключенія развиваются постепенно и нѣкоторые доходятъ до болѣе или менѣе высокаго развитія: одинъ Христосъ—юноша сразу сталъ на высокую степень мудрости да такой, до какой не доходилъ ни одинъ мудрецъ; многіе великіе люди, создавшіе то или другое религіозное или иное ученіе, увлекшее многихъ, достигли этого путемъ долгаго личнаго ученія, постепеннаго развитія, размышленія и опыта: одинъ Христосъ—юноша, бѣднякъ, нигдѣ не учившійся, сразу поставилъ свое ученіе на такую высоту, выше которой никакое иное ученіе не возносилось, по признанію самого Толстого, а также знаменитыхъ ученыхъ: Руссо, Ренана, Дидро, Штрауса, Паркера, Ханинга, Геккеля и др. Кто изъ людей можетъ о себѣ сказать, что онъ никогда не грѣшилъ?—Толстой о себѣ сказалъ, что онъ гадокъ, дѣла его скверны—одинъ Христосъ смѣло сдѣлалъ вызовъ своимъ врагамъ: „*кто Меня обличитъ во грѣхѣ*“? Въ признаніи нравственной свободы, нравственной высоты личности Христа сходятся матеріалисты, идеалисты, толстовцы, соціалисты и пр. вѣрующіе и невѣрующіе; всѣми единогласно отмѣчается во Христѣ еще удивительная черта—это универсальность или общечеловѣческій характеръ Его личности: хотя Онъ по рожденію еврей, но ничего специфически-еврейскаго въ себѣ не имѣлъ; Онъ обаятеленъ для всѣхъ людей всего міра и во всѣ времена. Самые враги Его и современные Ему и позднѣйшіе не могли не отдать дани удивленія предъ Его личностью. Знаменитые ученые, отвергающіе Его божественность, Его чудеса, всячески старающіеся низвести Его на степень простого человѣка, и тѣ признаютъ удивительное совершенство и Его личности и Его ученія. Такъ развѣ Христосъ не чудо исторіи? Вотъ что сказалъ *Ж. Жакъ Руссо*: „Признаюсь, величіе св. писанія исполняетъ меня изумленіемъ, и святость Евангелія сказывается моему сердцу. Какъ ничтожны философскія сочиненія, несмотря на весь ихъ блескъ, въ сравненіи съ свящ. писаніемъ! Можетъ ли какое-нибудь другое сочиненіе въ столь короткое время такъ возвыситься, будучи произведеніемъ обыкновеннаго человѣка? Возможно ли, чтобы Тотъ, о Которомъ разсказываютъ св. книги, былъ не болѣе, какъ простой человѣкъ? Какая

прелесть, чистота въ Его существѣ! Сколько плѣнительной доброты въ Его ученіи! Какая высота въ Его правилахъ! Какая глубина мудрости въ Его рѣчахъ! Какое присутствіе духа, какая проницательность и вѣрность въ Его отвѣтахъ! Какое господство надъ своими страстями! Если Сократъ жилъ и умеръ, какъ философъ, то І. Христосъ жилъ и умеръ, какъ Богъ. Можемъ ли мы сказать, что евангельская исторія есть изобрѣтеніе? Такія вещи не изобрѣтаются, и исторія Сократа менѣе достовѣрна, чѣмъ исторія І. Христа". *Кантъ* пишетъ Юму: „Вы хорошо дѣлаете, что ищете единственнаго успокоенія въ Евангеліи, потому что оно есть неизсякаемый источникъ всѣхъ истинъ, которыхъ нигдѣ нельзя найти въ другомъ мѣстѣ, если разумъ измѣрилъ все свое поле". *Штраусъ*—отрицатель сверхъестественнаго и смертельный врагъ христіанства тѣмъ не менѣе о Христѣ такъ говоритъ въ своемъ сочиненіи Leben Jesu: „Въ Іисусѣ дѣйствительно существовало единеніе человѣческаго съ божественнымъ; Христосъ есть историческое, а не миѳическое лицо; въ Немъ гармоническое состояніе духа, въ Немъ нѣтъ борьбы, образующей духъ; Онъ съ самаго начала является прекраснымъ лицомъ, которое само изъ себя развивается, остается вѣрнымъ себѣ и никогда не имѣетъ нужды начинать другую новую жизнь". *Паркеръ*—защитникъ Штрауса говоритъ: „Сократъ въ преклонныхъ лѣтахъ не достигъ той мудрости, какую явилъ Младенецъ (Іисусъ); Его ученіе прекрасно, какъ свѣтъ, высоко, какъ небо, и истинно, какъ Богъ, Онъ выше всѣхъ философовъ, поэтовъ, пророковъ, раввиновъ. Что за превосходнѣйшее сердце это было"! *Ренанъ*, совершенно отвергшій сверхъестественное въ своемъ пошломъ романѣ „Жизнь Іисуса", (Vie de Jesu) въ введеніи къ этому роману тѣмъ не менѣе восторженно восклицаетъ: „Онъ (Іисусъ) есть общее достояніе и честь всякаго, въ чьей груди бьется человѣческое сердце. Безъ Него вся исторія человѣчества теряетъ смыслъ (гл. 1, стр. 1). Рядъ лицъ и сновидѣній, эта смѣна надеждъ и обольщеній... нашли, наконецъ, своего толкователя въ несравнимомъ мужѣ, которому всеобщее сознаніе усвоило званіе Сына Божія и усвоило совершенно справедливо (стр. 13). Іисусъ не имѣлъ никакихъ видѣній, Богъ непосредственно

говоритъ Ему, Богъ въ Немъ, Онъ въ собственномъ сердцѣ находитъ все, что говорилъ о своемъ Отцѣ. Онъ живетъ въ неразрывной связи съ сердцемъ Бога; Онъ слышитъ и понимаетъ Его (стр. 54). Евангельская мораль остается высочайшимъ твореніемъ... прекраснѣйшей книгой закона совершенной жизни (16). Евангеліе—это самое надежнѣйшее успокаивающее средство среди житейскихъ заботъ, это—постоянное Sursum corda (горѣ сердца) (127). Онъ основалъ истинное Богопочитаніе... зданіе вѣчной религіи. Слова Іисуса были яркимъ лучомъ среди темной ночи (168)... Между Тобою и Богомъ нѣтъ различія... Между сынами человѣческими не родилось никого больше Іисуса". *Наполеонъ* I говорилъ: „Евангеліе обладаетъ какою-то скрытою силою, какою-то теплотою, которая дѣйствуетъ на разумъ и проникаетъ въ сердце. Евангеліе не книга, а живое, дѣятельное, могущественное существо, которое побѣждаетъ все, что ему противится. Вотъ она лежитъ здѣсь на столѣ, эта книга всѣхъ книгъ; я не устаю читать ее и читаю ее ежедневно съ одинаковымъ удовольствіемъ. Восхищенная красотою Евангелія, душа уже не принадлежитъ себѣ: Богъ овладѣваетъ ею всецѣло. Онъ направляетъ ея мысли и желанія, она уже дѣлается собственностью Бога". *Геккель* въ статьѣ „Борьба за идею развитія" говоритъ: „Наука вполнѣ признаетъ высокую этическую цѣнность христіанскаго нравственнаго ученія" (стр. 108). Извѣстный современный намъ знаменитый юристъ А. Ѳ. Кони въ своей книгѣ „Очерки и воспоминанія" такъ говоритъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ поэта А. С. Пушкина: „Пушкинъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры превосходятъ разумъ, но не противорѣчатъ ему; Тургеневу онъ объяснялъ: „Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говоритъ мнѣ о Немъ" [1]). Къ Библіи и къ Евангелію Пушкинъ относился съ величайшимъ интересомъ. Онъ увлекался ими и глубоко вдумывался въ ихъ содержаніе. Рекомендуя сыну своего друга кн. Вяземскаго „пристально" и постоянно читать книги священнаго писанія, Пушкинъ называлъ ихъ „ключомъ живой воды" [2]). Такимъ образомъ, говоритъ Кони, Пуш-

---

1) стр. 3.
2) стр. 4.

кинъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ нашей планеты. Въ этой священной стихіи—говорилъ онъ—исчезъ и обновился міръ, древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ.“ Такъ говорятъ о Христѣ и Его ученія самые знаменитые ученые, мыслители и писатели. Повторю, могло ли такое мудрое, совершеннѣйшее Существо, предложившее такое чистѣйшее совершеннѣйшее ученіе, само быть нечистымъ, ошибаться или обманывать намѣренно, могло ли такое Существо выдавать свои дивныя дѣла за чудеса, если бы они не были таковыми въ дѣйствительности, могло ли говорить о себѣ: „*Я—Сынъ Божій, Я—вѣченъ, Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*“ (Мѳ. 28, 20), *Я былъ прежде, нежели былъ Авраамъ*,“ если бы Онъ не былъ таковымъ? Сотни, тысячи Его современниковъ, сами видя Его дѣла и слыша Его дивное ученіе, увѣровали въ Него; многія тысячи въ первые вѣка поплатились за такую вѣру своею жизнью: вѣдь мученичество христіанъ—фактъ. Одно оно доказываетъ, что евангельскія сказанія—истина, а не искаженіе поповъ. Развѣ не чудо, что писанія апостоловъ, этихъ простыхъ, неученыхъ, кромѣ ап. Павла, ученіе ихъ мудрѣе, выше всѣхъ умнѣйшихъ ученыхъ сочиненій ученыхъ мудрецовъ? Развѣ не чудо, что это мужицкое ученіе побѣдило весь міръ: „*побѣда, побѣдившая міръ*“ (посл. Ін. 5, 5)? Всякому извѣстно, что обыкновенный человѣкъ, но честный, нравственный, не въ состояніи сказать ложь, хотя бы за правду получилъ непріятность. Неестественно, чтобы порочный человѣкъ проповѣдовалъ чистѣйшую нравственность, обманщикъ, какимъ выставляли Христа евреи, училъ говорить только правду. Христосъ же и Его ученики учили высокой нравственности и правдѣ. Могли ли они быть сами иными? Итакъ не имѣемъ никакого основанія, никакого права не вѣрить имъ. Вообще слѣдуетъ всякому ищущему истину рѣшить вопросы положительно: былъ ли Іисусъ Христосъ Богъ или простой человѣкъ?—отвѣтъ ясенъ, во—1-хъ, изъ приведенной Его характеристики и отзыва о Немъ и Его ученіи даже враговъ христіанства—Ренана,

Штрауса, Толстого и др., что такимъ совершеннымъ существомъ не былъ никто изъ людей, да и не можетъ быть, во—2-хъ, изъ Его же словъ, что Онъ и Богъ составляютъ одно; слѣд. мы должны по необходимости признать, что Онъ—Сынъ Божій по существу. Слѣдуетъ также рѣшить: Евангеліе—божественная книга или обыкновенное сочиненіе обыкновенныхъ людей?—отвѣтъ тотъ же: ученіе Христа таково, что никакое другое ученіе ни до Него, ни послѣ Него такимъ высокимъ, совершеннымъ не было, по признанію тѣхъ же ученыхъ—невѣровъ; слѣд. Евангеліе не простая книга, а именно божественная. Не испорчена ли? какъ говоритъ бездоказательно Толстой? Нѣтъ, не испорчена—это уже доказано, и потому никакъ не можемъ согласиться съ его взглядомъ на книги священнаго писанія: Христосъ, по его убѣжденію,—простой человѣкъ, апостолы проповѣдовали свое ученіе. а не Христово, проповѣдовали страшныя вѣры, Библія имъ не признана, промысла Божія нѣтъ, слѣд. священныя книги есть плодъ только человѣческаго измышленія, слѣд. Божественнаго откровенія не было. Таково ученіе Толстого, и потому являются совершенною неожиданностью слѣдующія его слова изъ статьи „О народномъ образованіи“ (стр. 13): „Божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насиліе въ этомъ, но только въ этомъ случаѣ, законно“. Откуда же откровеніе взялось? спросимъ Толстого. Но мы имѣемъ несомнѣнное право на основаніи предыдущаго сдѣлать выводъ, что Евангеліе—книга божественная; слѣд. нужно вѣрить каждому въ немъ слову, иначе будетъ нелогично. Только пусть люди не лгутъ себѣ, не стараются такъ или иначе объяснять съ предвзятымъ мнѣніемъ, а скажутъ себѣ точно: да или нѣтъ. Этому учитъ великій писатель Достоевскій: „убѣгайте лжи,“ говоритъ онъ, „всякой лжи, лжи самому себѣ въ особенности.“ Это же повторяетъ Толстой въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать“ такими словами: „не лгать передъ самимъ собою.“ Итакъ не будемъ лгать, обманывать самихъ себя, не будемъ говорить: наука такъ говоритъ, когда мы доподлинно эту науку не знаемъ, да и не знаемъ, правду ли

сама наука говоритъ. Дурная привычка выдавать отъ имени цѣлой науки за несомнѣнную истину то, что есть лишь частное мнѣніе отдѣльныхъ ученыхъ.

Ученіе апостоловъ.

Намъ приходится въ разъясненіе смысла словъ Спасителя обращаться къ ученію апостоловъ; поэтому считаю необходимымъ выяснить значеніе для насъ апостольскаго писанія, тѣмъ болѣе, что Толстой апостоловъ игнорируетъ, какъ мы видѣли: будто „они проповѣдуютъ свое ученіе, а не Христово, проповѣдуютъ страшныя вѣры,—лишь кое-гдѣ онъ указываетъ на нихъ, когда они говорятъ въ его пользу, а если не въ его пользу, то онъ совсѣмъ объ нихъ не упоминаемъ. Мы установили, что слова Христа есть истина. Христосъ же объ апостолахъ вотъ что говоритъ: „*слушающій васъ Меня слушаетъ, отвергающій васъ Меня отвергается*„ (Лук. 10, 16). „*Когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину*“ (Іоан. 16, 13). „*Если слово Мое соблюдали, и ваше будутъ соблюдать*“ (Ін. 15, 20). „*Я въ Отцѣ моемъ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ*“ (Ін. 14, 20). Спаситель угрожаетъ страшнымъ наказаніемъ тому, кто отвергнетъ апостоловъ и ихъ не послушаетъ: „*Содому и Гоморрѣ будетъ отраднѣе*“ (Мѳ. 10, 15). „*Кто васъ принимаетъ, Меня принимаетъ*“ (Мѳ. 10, 40). Въ Евангеліи такъ много мѣстъ, гдѣ Христосъ говоритъ о томъ, что посылаетъ апостоловъ проповѣдовать то, чему Онъ ихъ училъ и чему научитъ Духъ Святой, что всѣ ихъ въ моей лекціи не могу привести. Очень много такихъ мѣстъ приведено въ бесѣдахъ архіеп. херсонскаго Никанора противъ Толстого. Отсюда совершенно ясно, что апостолы говорили и писали то, чему ихъ научилъ Христосъ и Духъ Святой, а не сами отъ себя: „*Не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ*“, сказалъ Спаситель апостоламъ (Мѳ. 10, 20); совершенно ясно, что писанія ихъ для насъ должны имѣть несомнѣнный, непогрѣшимый авторитетъ. Но по Толстому вотъ что вышло: „Христосъ ничего не писалъ; апостолы проповѣдовали са-

мыя чуждыя Христу ученія; 200 лѣтъ міръ ничего не слыхалъ про Христа; черезъ 100 лѣтъ стали записывать, что слышали о Немъ; Евангеліе—дѣло тысячъ разныхъ умовъ". Какъ разобраться, что принадлежитъ Христу, что апостоламъ, что тысячамъ умовъ? Если черезъ 100 лѣтъ только стали записывать, что удержалось въ памяти о Христѣ и Его ученія, то, значитъ, не было и писаній апостольскихъ, не по нимъ составилось Евангеліе, а по памяти? Судите сами о такомъ умствованіи Толстого.

О разумѣ.

Какой же у самого Толстого критерій, что именно „онъ" правильно, безошибочно судитъ? Онъ пишетъ: „Послалъ же Богъ въ насъ разумъ—одно и непогрѣшимое орудіе познанія, которое дано намъ" [1]). Для того, чтобы освободиться отъ обмановъ вѣры вообще, человѣку надо понимать и помнить, что единственное орудіе познанія, которымъ владѣетъ человѣкъ, есть его разумъ" [2]). „Для того, чтобы не впадать въ обманъ, надо не довѣрять никому и ничему, а только одному разуму" [3]).—Такъ вотъ основа всего ученія Толстого—это только разумъ, и потому изъ Евангелія все, что, по его мнѣнію, неразумно, отвергнуто имъ. Да, разумъ—великая сила. Творческая сила ума человѣка существенно отличаетъ его отъ животныхъ, имѣющихъ умъ не творческій; благодаря разуму, человѣкъ, весьма слабый физически сравнительно съ многими животными, подчиняетъ себѣ всю природу, заставляетъ ее служить ему. Но разумъ есть ли единственное и при этомъ „непогрѣшимое" орудіе познанія? Разумъ человѣческій имѣетъ предѣлъ; сфера его дѣятельности ограничивается собственно міромъ видимымъ, тѣмъ, что доступно изслѣдованію, изученію, да и въ области міра видимаго разумъ не всегда

---

1) Стр. 798.
2) Стр. 794.
3) Стр. 820.

достовѣрно знаетъ, по свидѣтельству самого же Толстого и многихъ ученыхъ. „Мы всѣ знаемъ“, говоритъ Толстой, „основной догматъ вѣры этой ложной опытной науки“... „главная доля энергіи, страстности, дѣятельности опытной науки зиждется на желаніи выдумать все то, что нужно для подтвержденія столь удобнаго представленія“ [1]). Вообще Толстой много говорилъ противъ науки на стр. 10, 11, 113, 386, доказывая ея ложность: такъ онъ признаетъ „науки богословскія, юридическія и специально-историческія вредными“ [2]). Французскій ученый Дюбуа Реймонъ насчитываетъ семь міровыхъ загадокъ, которыхъ ни одна наука не могла еще рѣшить: „сущность матеріи и силы, источникъ движенія, происхожденіе жизни, цѣлесообразное устройство природы, происхожденіе простого чувственнаго ощущенія, разумное мышленіе, происхожденіе языка и свобода воли“. То же говоритъ и Толстой, именно: „наука физики говоритъ о законахъ и отношеніяхъ силъ, не задаваясь вопросомъ о томъ, что есть сила; наука химіи говоритъ объ отношеніяхъ вещества, не задаваясь вопросомъ о томъ, что есть вещество; наука біологіи говоритъ о формахъ жизни, не задаваясь вопросомъ о томъ, что есть жизнь... И вещество, и силу, и жизнь мы изучаемъ, а если мы изучаемъ ихъ, то мы можемъ и познать ихъ, говорятъ они“ [3]) (ученые), и такой взглядъ ученыхъ Толстой называетъ „ложнымъ мудрствованіемъ“ и говоритъ совершенно справедливо: такіе ученые не имѣютъ никакого основанія говорить за будущее. Еще Толстой пишетъ: „въ наукахъ опытныхъ есть настоящія науки и полунауки, пытающіяся давать отвѣты на неподлежащіе имъ вопросы... Задача опытной науки есть причинная послѣдовательность матеріальныхъ явленій. Стоитъ опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной причинѣ, и получается чепуха“ [4]). Тоже говоритъ и

---

1) стр. 10.
2) стр. 386.
3) стр. 20.
4) Изд. Сытин. т. XXIX, стр. 19—20.

Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума“, что вещи въ себѣ намъ совершенно неизвѣстны: „Тѣла не суть вещи въ себѣ, но явленія чего-то, что остается непознаваемымъ“. Такимъ образомъ и Толстой и другіе ученые признаютъ, что познаніе сущности веществъ, силы, жизни недоступно для науки, или, иначе, для разума: она изучаетъ только отношенія и формы ихъ. Дѣйствительно, человѣкъ, напр., открылъ какую-то силу природы, назвалъ ее электричествомъ, онъ „чувствуетъ“ эту силу, сознаетъ, что она есть, даже вызываетъ ее, заставляетъ ее служить ему, но не знаетъ, что это за сила, не можетъ постичь ея сущность. Если таковъ разумъ въ сферѣ силъ физическихъ, но какъ же онъ можетъ постигнуть изъ міра внѣопытнаго и при этомъ непогрѣшимо? За міромъ физическимъ человѣкъ „чувствуетъ“, что есть еще другой какой-то міръ, недоступный наблюденію, недоступный разуму, чувствуетъ и сознаетъ даже, что есть какая-то невидимая сила, которая произвела все существующее, которая вторгается въ самую душу человѣка, въ его жизнь, даже распоряжается имъ нерѣдко помимо его воли и желанія, чувствуетъ, что есть какая-то внутренняя сила, которая налагаетъ на него обязанности по отношенію къ самому себѣ и по отношенію къ другимъ людямъ, и эту силу онъ называетъ нравственнымъ закономъ, совѣстью, чувствуетъ въ себѣ силу, которая влечетъ его къ чему-то высшему. Толстой, видимо, эту невидимую силу сознаъ и назвалъ ее Богомъ. Но однимъ ли разумомъ онъ постигъ? Безспорно, нѣтъ: всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ своимъ „я“. Разумъ ему лишь подсказываетъ, что не можетъ быть, чтобы все существующее появилось случайно, чтобы тотъ дивный порядокъ міра, дивная цѣлесообразность, красота есть безсмысленное сочетаніе частицъ матеріи, и онъ созналъ это и всю свою жизнь стремился узнать истину, постигнуть Бога, но только посредствомъ одного своего разума, а разумъ-то и ввелъ его въ заблужденіе, хотя онъ оговаривается, что „разумъ не слѣдуетъ смѣшивать съ разсужденіями и вымыслами; разсужденіе и вымыслы дѣйствительно могутъ быть и бываютъ безконечно разнообразны и различны, но рѣшенія разума

всегда одинаковы для всѣхъ людей и во всѣ времена“ [1]. Я не знаю, какъ это понять: вѣдь самъ же Толстой признаетъ ложность иногда выводовъ опытной науки, а наука основана на разумѣ, а не на разсужденіи только и вымыслахъ; такъ онъ говоритъ въ своей „Исповѣди“: „Если обратиться къ той отрасли этихъ знаній, которая пытается давать рѣшеніе на вопросы жизни—къ физіологіи, психологіи, біологіи, соціологіи, то тутъ встрѣчаешь поражающую бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ неоправданную притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ вопросовъ и безпрестанныя противорѣчія одного мыслителя съ другими и даже съ самимъ собою“; вѣдь самъ Толстой говоритъ „о заблужденіи разума“ [2]); вѣдь самъ Толстой, говоря о Богѣ, основывается на разсужденіи, а не на разумѣ, потому что одинъ разумъ ничего не можетъ сказать ему о Богѣ. Такъ онъ, признавая Бога, невольно перешелъ въ область вѣры, а не разума, и вотъ говоритъ: „Безъ вѣры нельзя жить. Вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни... Вѣра есть сила жизни“ [3]). „Поступки всѣ вытекаютъ изъ вѣры... Оцѣнка всѣхъ явленій жизни есть вѣра“ [4]). Так. обр. онъ впалъ въ грубое противорѣчіе: то единственное орудіе познанія—разумъ, то безъ вѣры нельзя жить, вѣра есть знаніе, вѣра оцѣниваетъ явленія жизни; но что же тогда дѣлаетъ разумъ, если знаніе принадлежитъ не разуму, а вѣрѣ?

О Богѣ. Могъ ли Толстой постичь разумомъ, что такое Богъ? Конечно, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе Толстой опредѣляетъ Бога. Вотъ его ученіе о Богѣ: „Богъ, существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка. Богъ есть сущность жизни... причина... желаніе блага всему существующему есть Богъ... [5]) „Христосъ—это разумѣніе, которое есть въ насъ [6]). Воля

1) стр. 795.
2) стр. 725.
3) стр. 830.
4) „Въ чемъ моя вѣра“, стр. 136—137.
5) Стр. 766—767.
6) Стр. 278.

того Начала, которое правитъ, руководитъ міромъ и составляетъ основу нашего существованія... [1]) Мы—орудія той высшей воли, которая черезъ насъ творитъ свое, нужное ей дѣло... [2]) Не вѣрьте другимъ, которые говорили о Богѣ, о томъ, какъ Богъ сотворилъ будто бы міръ и людей и потомъ проявилъ себя людямъ [3]). Одно изъ путающихъ всѣ наши метафизическія понятія суевѣрій есть суевѣріе о томъ, что міръ произошелъ изъ ничего, и что есть Богъ Творящій. Въ сущности мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога-Творца и никакой нужды... Бога Творца нѣтъ [4]). Таинственное начало есть Богъ, начало и тѣла человѣческаго и его разума" [5]).—Въ этомъ толстовскомъ опредѣленіи Бога нѣсколько совершенно противорѣчащихъ понятій: первое, Богъ-существо безличное, бездѣятельное, спокойное, слитое въ одно съ природою, такъ сказать, разлитое по всему міру, по душамъ человѣческимъ; Онъ не былъ творцомъ міра и не заботится о немъ. Это ученіе пантеистическое, одинаковое съ ученіемъ древнихъ стоиковъ, по которому Богъ отожествляется съ природою, съ человѣкомъ, т. е. Богъ низводится до міра, а міръ обоготворяется. Так. обр. пантеистическое ученіе Толстого сродни язычеству, сродни въ сущности и атеизму: Геккель заявляетъ въ своихъ „Міровыхъ загадкахъ" (гл. 15), что пантеизмъ и атеизмъ одно и то же: Богъ и міръ—одно, слѣд. природа обоготворяется. Второе, Богъ-любовь, благость и только; правосудія въ Немъ Толстой и другіе раціоналисты на Западѣ-Шлейермахеръ, Штраусъ, Ренанъ, Ричль и др. не признаютъ—отсюда толстовское непротивленіе злу, отверженіе войска, казни. Третье, Богъ-основа нашего существованія, чрезъ насъ творитъ свое, слѣд. Онъ причастенъ къ сотворенію міра, Онъ-творецъ; Богъ правитъ, руководитъ міромъ, слѣд. Толстой признаетъ и

---

[1]) Стр. 382.
[2]) Стр. 729.
[3]) Стр. 766.
[4]) Брошюра Толстого „Мысли о Богѣ" стр. 13—14.
[5]) „Исповѣдь" стр. 44.

промыслъ Божій. Четвертое, Богъ существо духовное, единое, имѣющее волю, а эти свойства принадлежатъ существу личному. Пятое, Богъ есть наше разумѣніе, Божество заключается въ каждомъ человѣкѣ, въ сердцѣ каждаго, слѣд. сколько людскихъ сердецъ, столько и боговъ, и этимъ, съ одной стороны, Богъ очеловѣчивается, отожествляется съ человѣкомъ, а потому человѣкъ не признается существомъ личнымъ, свободнымъ: ибо человѣческое разумѣніе есть Богъ, слѣд. человѣкъ не по собственному произволенію совершаетъ свои поступки, а заключающееся въ немъ Божество. Отсюда выводъ: человѣкъ нерѣдко совершаетъ злодѣяніе, конечно, по своему разумѣнію, а разумѣніе наше есть Богъ, слѣд. Богъ совершаетъ злодѣянія, есть причина зла; человѣкъ нерѣдко бываетъ неразуменъ, ошибается, слѣд. Богъ бываетъ неразуменъ, ошибается. Съ другой стороны, человѣкъ обоготворяется: ибо человѣкъ и Богъ составляютъ одно. Не очевидно ли, м. гг., что такое ученіе Толстого о Богѣ и кощунственно и лишено смысла: то Богъ-творецъ міра, то не творецъ; то Онъ правитъ, руководитъ міромъ, то не проявилъ себя людямъ, т.е. промысла Божія нѣтъ; то Онъ—существо личное, творящее свою волю, свое дѣло, то безличное, слитое съ природою и пр.!—Но спросимъ Толстого: откуда онъ узналъ такія свойства Бога—вѣдь разумъ его не могъ этому научить его? Если бы Толстой сказалъ: „я чувствую, сознаю, что есть Высочайшее Существо, но я Его не знаю", тогда онъ былъ бы логиченъ. Человѣкъ познаетъ, чтитъ Бога всѣмъ существомъ своимъ: разумомъ, чувствомъ, вѣрою (волею), а не однимъ разумомъ. Да, постигнуть Бога однимъ разумомъ мы не можемъ. *„Бога никто не видалъ нигдѣ: единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, тотъ повѣдалъ"*, говоритъ евангелистъ Іоаннъ (1, 18). *„Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ"* (Іоан. 14, 10). Вотъ разгадка: люди сами не могутъ знать Бога, они чувствуютъ Его, а узнали о Немъ только отъ Сына Его, объ Его существѣ, что Онъ—троиченъ, что Онъ—Духъ и пр., и узнали отъ тѣхъ немногихъ людей, которымъ самъ Богъ благоволилъ сообщить; иначе о Богѣ мы ничего не можемъ знать. Дѣло касается Бога, котораго

мы не можемъ разумомъ понять, такъ и нужно спросить самого Бога, какъ Его познать, а Толстой хотѣлъ самъ безъ Бога постигнуть непостижимое, игнорируя слова Спасителя: *„Безъ меня не можете дѣлать ничего“* (Іоан. 15, 5). Не даромъ Христосъ благодаритъ своего Отца, что Онъ *„утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открылъ младенцамъ“*. Эти слова какъ разъ подходятъ къ Толстому и его послѣдователямъ: онъ высокоуменъ и гордился своимъ разумомъ, между тѣмъ положилъ въ основу своего нравственнаго ученія ученіе простецовъ „некнижныхъ“—апостоловъ, у нихъ же учился по ихъ писаніямъ. Сколько было попытокъ ученыхъ во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ дать опредѣленіе Бога и существа міра, и все это оказалось пустымъ мечтаніемъ: то пантеизмъ, то сенсуализмъ, то матеріализмъ и пр.

Продолжу о разумѣ. Исторія философіи намъ разсказываетъ, что были философы, которые додумались, что человѣкъ не можетъ имѣть правильное и точное понятіе о мірѣ: внѣшній міръ входитъ въ наше сознаніе чрезъ наши ощущенія—нервы, которыя столь несовершенны, что лишь незначительную долю изъ громадной массы впечатлѣній доводятъ до сознанія, да при томъ нерѣдко въ неточной передачѣ, (Вундтъ), поэтому одно и то же явленіе или предметъ на одного производитъ одно впечатлѣніе, на другого иное; разумъ же перерабатываетъ только тотъ матеріалъ, какой преподносятъ ему ощущенія, самодѣятельность—творчество его выражается лишь въ разномъ комбинированіи этого матеріала, въ умозаключеніи. Дѣйствительно, не убѣждаютъ ли насъ исторія цивилизаціи, философіи, жизненный опытъ, что самые геніальные люди впадаютъ въ ошибки. Изъ множества доказательствъ приведу слѣдующіе.

Уже древніе знаменитые греческіе философы сознавали ограниченность разума въ познаніи вещей: такъ Анаксагоръ (за 500 л. до Р. Хр.) высказалъ: „ни въ чемъ нельзя удостовѣриться: чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка“; Сократъ любилъ повто-

рятъ: „Я знаю только то, что я ничего не знаю". Наполеонъ I, безпорно, генiй, всю жизнь былъ атеистомъ, но когда на островѣ св. Елены онъ сталъ вдумчиво читать Евангелie и постигать его, то высказалъ генералу Бертрану замѣчательный отзывъ о Христѣ. Выдержки изъ его бесѣды привожу. „Божество Христа", сказалъ Наполеонъ, „однажды признанное, представляетъ христiанскую религiю истинно-несомнѣнною и чистою: должно только удивляться связи и единству ея ученiя... Исчезла слава Цезаря и Александра (Македонскаго), ихъ забыли, забудутъ и насъ! Имя того или другого завоевателя или императора останется только темой для школьныхъ задачъ!.. Мой трупъ преданъ будетъ землѣ, чтобы сдѣлаться пищею червей. Вотъ что скоро случится съ великимъ Наполеономъ. Что жъ, умеръ ли Христосъ? Могъ ли умереть Богъ? Вы не думаете, что I. Христосъ есть Богъ. Ну, я неладно поступилъ, сдѣлавши васъ генераломъ"! Вотъ какъ радикально измѣнилось убѣжденie Наполеона послѣ обстоятельнаго вдумчиваго чтенiя Евангелiя! Великiй былъ умъ у философа Канта, и его сочиненie „Критика чистаго разума" произвела переворотъ въ наукѣ, а теперь?—уже знаменитыя его категорiи опровергаются, какъ ошибочныя, и отъ его сочиненiя останутся, можетъ-быть, обломки. А вотъ ученie англiйскаго философа Локка, изложенное въ исторiи философiи Льюиса [1]). Локкъ рѣшаетъ вопросъ: можемъ ли знать, каковы предметы per se, т. е. сами въ себѣ, по существу? Онъ говоритъ: „Очевидно, что умъ получаетъ познанie о предметахъ не непосредственно, но лишь при помощи тѣхъ идей, которыя онъ имѣетъ о нихъ. Поэтому наши знанiя истинны лишь настолько, насколько идеи наши соотвѣтствуютъ дѣйствительно природѣ предметовъ. Но какимъ критерiемъ мы должны руководиться въ этомъ случаѣ? Какимъ образомъ умъ, не воспринимающiй ничего, кромѣ собственныхъ идей, можетъ знать, что онѣ соотвѣтствуютъ предметамъ?" Онъ ясно и рѣшительно признаетъ субъективный характеръ нашихъ знанiй, а также невозможность воз-

---

1) Стр. 456—460.

выситься надъ сферою сознанія и проникнуть въ самую сущность предметовъ. Всякая человѣческая достовѣрность относительна. Идеи могутъ признаваться нами истинными, не будучи таковыми въ обсолютномъ смыслѣ". Философъ же Фихте говоритъ иное въ своемъ сочиненіи „Bestimmung des Menschen": „Я нашелъ органъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ познать реальное. Это не разумъ, ибо всякое знаніе предполагаетъ нѣкоторое высшее знаніе, служащее для него основой, и такому восхожденію не было бы конца. Это—вѣра. Вѣра разсматриваетъ наше знаніе, объявляетъ его пригоднымъ и обращаетъ его въ нѣчто несомнѣнное, въ убѣжденіе. Это не знаніе, но рѣшеніе воли принять данное знаніе. Всякое убѣжденіе мое есть только вѣра, и оно исходитъ изъ воли, а не отъ разума". Такъ обр. философы различно смотрятъ на разумъ, какъ органъ познанія. А я лично думаю, что наше познаніе получается и отъ разума, и отъ вѣры, да еще и отъ чувства: жизненный опытъ насъ убѣждаетъ, что весьма часто мы прежде инстинктивно чувствуемъ истину или ложь, а потомъ уже добираемся до сути умомъ. Чувство—это такая же могучая сила, какъ и разумъ, и оно нерѣдко предшествуетъ разуму въ отысканіи истины, даетъ пищу разуму, направляетъ его. Это подтверждаетъ самъ Толстой, сказавши: „Я понялъ не умомъ, а всѣмъ существомъ... Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила... совершенно иначе направила мой разумъ" [1]). Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ все подвести подъ оцѣнку одного разума. Вотъ и самъ онъ, сказавши, что единственное условіе для познанія есть разумъ, вскорѣ же утверждаетъ, что безъ вѣры жить нельзя.

Дарвинизмъ и наука. Еще доказательство погрѣшимости разума. Ученіе Дарвина и его послѣдователей, особенно Геккеля, утверждаетъ на основаніи научныхъ изслѣдованій, что человѣкъ произо-

---

[1]) стр. 11 и 30, т. XXIX изд. Сытина 1914 г.

шелъ отъ обезьяны путемъ естественнаго подбора. Это ученіе многихъ отвратило отъ христіанскаго ученія о сотвореніи міра Богомъ. Но что-же? новѣйшіе ученые нѣмецкіе—von Hohlbrugge, Bumüller, Steinman, Waagen, Meyer, Baûm, англійск. Oliver Lodge, русскій физикъ Хвольсонъ, профес. А. Тихомировъ также на основаніи научныхъ изслѣдованій доказываютъ полную несостоятельность теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка отъ обезьяны: Вагенъ-геологъ выводитъ изъ геологическихъ данныхъ, что развитіе формъ животнаго царства предполагаетъ не одинъ корень, а много, что родословное дерево Геккеля (основанное на теоріи Дарвина) есть не больше, какъ вымыселъ досужей фантазіи; Hohlbrugge говоритъ: „Дарвинизмъ напрасно думаетъ, что вопросъ о происхожденіи человѣка можно считать рѣшеннымъ"; Буммюлеръ отвергаетъ анатомическое сходство человѣка съ обезьяной, доказываетъ, что человѣкъ не представляетъ собою продолженія систематическаго рода приматовъ (обезьянъ); Штейнманъ говоритъ: „Дарвиновская теорія подбора есть неудачная и фальшивая попытка объяснить диффенцированіе организмовъ, происхожденіе животнаго и растительнаго царства отъ одного родоначальнаго корня"; профес. А. Тихомировъ положительно доказываетъ ложность теоріи Дарвина въ своихъ лекціяхъ: „Судьба дарвинизма, Умъ и воля животныхъ, Самообманъ въ наукѣ, Живыя существа и ихъ размноженіе, Происхожденіе живыхъ существъ, Положеніе человѣка въ природѣ, Допустимо ли предположеніе о животномъ происхожденіи человѣка?" и др. И дѣйствительно, дарвинизмъ—это только теорія, а не несомнѣнная истина, это—неправильный силлогисмъ, называемый въ логикѣ ficta universalitas, который заключается въ томъ, что „на степень общаго положенія возводится мысль, имѣющая характеръ частный" [1]), какъ въ данномъ случаѣ: на основаніи нѣкотораго физическаго сходства организма обезьяны и человѣка дѣлается умозаключеніе, что весь человѣкъ въ цѣломъ есть та же обезьяна, только путемъ эволюціи достигшій настоящаго умственнаго и физическаго развитія.

Такое несогласіе ученыхъ по вопросу о происхожденіи человѣка даетъ намъ полное основаніе признать ошибочность, погрѣшимость разума и,

---

1) Логика Владислав. стр. 201.

что особенно важно, не довѣрять разнымъ теоріямъ ученыхъ, когда они выходятъ изъ области наблюденій, изслѣдованій, опытовъ въ область метафизическую, когда они отрицательно рѣшаютъ вопросъ о Богѣ, о безсмертіи души и т. п., основываясь даже на научныхъ данныхъ. Напротивъ, наука, читающая книгу природы, все болѣе и болѣе открывающая ея тайны, не только не противорѣчитъ признанію бытія Бога, но подтверждаетъ, доказываетъ. Французученый Фламмаріонъ говоритъ: „съ развитіемъ понятій о природѣ... должно развиваться и очищаться понятіе и объ ея Творцѣ. Одно съ другимъ неразрывно и идетъ параллельно“ (—Богъ въ природѣ“); Кеплеръ, Ньютонъ, Коперникъ, Гершель, Либихъ, Шонбейнъ, геологъ Ляйелль, величайшій натуралистъ Линней, ботаникъ Гееръ, зоологъ Агассизъ, физикъ Майеръ, величайшій современный физикъ Томсонъ, извѣстный Пастеръ и мн. др. первоклассные ученые—всѣ они изъ изученія природы вынесли восторженное чувство благоговѣнія къ ея Творцу—Богу. Толстой же вотъ что утверждаетъ: „Наука не только не содѣйствуетъ ученію церкви, но нечаянно, невольно въ своемъ развитіи всегда враждебна церкви [1]). Но ученіе церкви—возразимъ Толстому—есть то же ученіе, что и въ Евангеліи, вообще въ священномъ писаніи. Это мы уже выяснили, а также доказали отзывомъ первоклассныхъ ученыхъ, что оно не расходится съ выводами науки. Самъ-то Толстой не былъ въ собственномъ смыслѣ мужемъ науки, а только диллетантомъ въ ней; такъ свидѣтельства выдающихся ученыхъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ для насъ несравненно большій авторитетъ, чѣмъ Толстого. Выдающихся ученыхъ—атеистовъ очень немного: такъ естествоиспытатель Деннертъ въ своемъ сочиненіи „Религія естествоиспытателей“ [2]) нашелъ, что изъ 300 извѣстнѣйшихъ великихъ естествоиспытателей и врачей всѣхъ временъ и народовъ 92% были вѣрующими, 6%—индифирентными и 2% невѣрующими, или 242 изъ 300 были вѣрующими, 5—атеистами, 15—индифирентными, о 38 Деннертъ не могъ достать свѣдѣній. Въ та-

1) Изд. Сыт. XXX, 164.
2) Переводъ см. въ журн. „Вѣра и Разумъ“ 1912 г.

комъ же духѣ (анкетно-статистическомъ) написано сочин. Табрумомъ „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ". Поэтому тѣ, которые ссылаются на науку, будто она идетъ вразрѣзъ съ религіею, съ вѣрою въ Бога, никакого не имѣютъ права такъ утверждать: науки, какъ цѣлаго компактнаго, нѣтъ, а есть отдѣльныя сужденія ученыхъ, изъ коихъ трехсотъ самыхъ знаменитыхъ, какъ мы видимъ, лишь 8°|о невѣрующихъ. Ученые становятся не вѣрующими потому, что, будучи спеціалистами какой-либо отрасли науки, или не имѣютъ достаточнаго религіознаго образованія, или уже заранѣе à priori предубѣждены противъ религіи, какъ будто не соотвѣтствующей наукѣ и здравому смыслу. Такъ Толстой заранѣе, еще въ молодыхъ лѣтахъ поставилъ себѣ задачею основать новую религію, написатъ матеріалистическое евангеліе, изобразить Христа, какъ матеріалиста 1), взялся, не зная основательно православнаго вѣроученія, критиковать догматы христіанской церкви въ своемъ сочиненіи „Критика догматическаго богословія"; на дѣлѣ же его критика оказывается критикою догматическаго богословія всего только митроп. Макарія (прот. Свѣтл. VI). Но эти немногіе не вѣрующіе ученые-люди науки, хотя и заблуждались, но все-таки на научныхъ основаніяхъ, лишь по ложнымъ умозаключеніямъ. А что же наше общество, которое все болѣе и болѣе заражается невѣріемъ и религіознымъ равнодушіемъ? Оно чѣмъ руководится?—Оно, „не имѣя достаточнаго религіознаго образованія часто до полнаго религіознаго невѣжества", говоритъ профес. Свѣтловъ, „смѣшивая въ одно и сущность религіи, и церковность, и духовенство, не обладая даже основательнымъ научнымъ образованіемъ, злословитъ то, чего не знаетъ, отрицаетъ съ чужого голоса"; особенно въ своемъ отрицаніи упорны недоучки.

Такъ можно ли согласиться съ Толстымъ, что разумъ непогрѣшимъ? Самъ же Толстой говоритъ: „Человѣкъ употребляетъ свой разумъ на то, чтобы спрашивать, зачѣмъ и отчего?—прилагая эти вопросы къ жизни своей и жизни міра... 2) Самое заданіе такихъ вопросовъ означаетъ заблужденіе ра-

1) См. Миссіон. Сборникъ 1909 г. № 1—2 ст. прот. Алфеева.
2) Стр. 275.

зума". [1]) Какъ же Толстой не обратилъ вниманія на самого себя, что онъ въ теченіе своей жизни не разъ измѣнялъ свои убѣжденія?— Въ этомъ онъ самъ сознался въ своей „Исповѣди": „Я наивно воображалъ, что я—поэтъ, художникъ и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу". Я понялъ ученіе Христа не такъ, какъ я понималъ его прежде". „Я понялъ, что я заблудился и какъ я заблудился". „Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви"[2]). И это съ очевидностью доказываетъ заблужденіе его разума; можетъ быть, и еще не разъ онъ измѣнилъ бы, если бы еще прожилъ нѣсколько лѣтъ. Толстому такія возраженія уже дѣлали, и онъ въ брошюрѣ „О разумѣ" старался оправдать измѣнчивость умозаключеній разума, но, по нашему мнѣнію, вполнѣ неудачно. Такъ онъ пишетъ: „Говорятъ: какъ же вѣрить разуму, когда мы видимъ, что люди, руководимые разумомъ, ошибаются? Люди, руководимые разумомъ—протестанты, расходятся на безчисленное количество вѣръ, и даже одинъ и тотъ же человѣкъ, довѣряясь своему разуму, переходитъ отъ одного ученія къ другому. Стало быть, говорятъ, разумъ можетъ ошибаться, и нельзя довѣрять ему. Почему же? Когда человѣкъ вѣрилъ въ одно что-нибудь, и разумъ его не указывалъ ему ничего болѣе истиннаго, онъ познавалъ высшую для него истину и былъ правъ, признавая ее. Точно также онъ былъ правъ, познавъ еще болѣе высокую или чистую истину. То, выше, яснѣе, истиннѣе чего человѣкъ не можетъ видѣть и представить себѣ,—то для него и есть истина"[3]). Разберемъ это его оправданіе. Во-1-хъ, словами: „когда человѣкъ вѣрилъ"—Толстой указываетъ не на разумъ, а на вѣру; во-2-хъ, словами: „познавалъ высшую для него истину"... потомъ „еще болѣе высокую или чистую истину"— онъ явно себя опровергаетъ: если человѣкъ въ данный моментъ признаетъ что-либо за истину, то еще не значитъ, что эта, по его

---

1) Стр. 725.
2) Стр. 9.
3) Стр. 9, 38, 54, 57, 63.

мнѣнію, истина есть дѣйствительно истина, а что она не истина, такъ это доказываютъ слова самого же Толстого: „познавъ еще болѣе высокую или чистую истину“; значитъ, прежнее убѣжденіе человѣка было невысоко и нечисто, или, иначе, истина, прежде кажущаяся таковою, въ дѣйствительности не истина. Здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о томъ, что человѣкъ въ данный моментъ считаетъ за истину, а о томъ, безошибочно ли познаетъ чистую истину. Истина не бываетъ ни выше, ни чище: солнце днемъ свѣтитъ, $2 \times 2 = 4$—эта истина всегда одинакова, разница въ пониманіи ея состоитъ въ томъ, что истину человѣкъ понимаетъ уже или шире, глубже; такъ это относится не къ самой истинѣ, которая всегда неизмѣнна, а къ объему пониманія, и если человѣкъ измѣнилъ свое убѣжденіе, то, значитъ, прежнее его мнѣніе было ложно, а не истинно. Этимъ своимъ оправданіемъ, а также своими словами въ брошюрѣ „О разумѣ“: [1]) „истина, познаваемая разумомъ, никогда совершенною быть не можетъ, а только болѣе или менѣе приближается къ совершенной истинѣ“, Толстой положительно опровергъ свое же утвержденіе, что разумъ „непогрѣшимъ“.

Изъ всего сказаннаго о разумѣ получается несомнѣнный выводъ, что разумъ человѣка несовершененъ, можетъ погрѣшать, заблуждаться, а потому Толстой, положивши въ основу своего ученія, какъ аксіому, непогрѣшимость разума, построилъ свою мораль на неустойчивомъ, зыбномъ фундаментѣ, и все воздвигнутое имъ громоздкое зданіе его ученія отъ этого имѣетъ трещины по всѣмъ направленіямъ, такъ что оно, несомнѣнно, рухнетъ даже въ недалекомъ будущемъ. Правда, зданіе это по виду очень изящно, красиво, отдѣльныя части художественны, но, какъ не связанныя крѣпкимъ цементомъ строгой логической послѣдовательности, при первомъ же напорѣ непогоды—здравой безпристрастной критики разваливаются и обнаруживаютъ свою непригодность, что еще ярче увидимъ изъ дальнѣйшаго разбора ученія Толстого.

---

1) Стр. 8.

Лекція II.

Въ первой лекціи мы выяснили, что Толстой признавалъ только то, что онъ постигалъ своимъ разумомъ, чего же разумъ его не могъ обнять, то онъ прямо рѣшалъ: этого нѣтъ—Христосъ не есть Богъ, чудеснаго въ Его жизни не было, Евангеліе искажено, ученіе же Христа божественно хорошо. Но мы уже отчасти видѣли, что и ученіе Христа не все имъ принято, принято только относящееся до нравственнаго ученія, догматическое же, какъ недоступное его разуму, имъ отвергнуто. Теперь мы и обсудимъ основанія, по которымъ Толстой отвергаетъ догматическую сторону христіанскаго вѣроученія: чудесное, троичность Лицъ Божества, искупленіе, первородный грѣхъ, таинства, молитву и обряды православной церкви.

Чудесное.

Толстой говоритъ: „Человѣкъ все-таки не будетъ свободенъ отъ обмана вѣры и не будетъ въ состояніи познать ученіе Христа, если не освободится отъ вѣры въ сверхъестественное, въ чудесное.“ „Чудеса будутъ мое представленіе, да еще неразумное“ 1). Итакъ Толстой отвергаетъ чудеса, сверхъестественное.

Допустимы ли чудеса вообще и особенно чудеса І. Христа, объ этомъ много основательныхъ трактатовъ въ духовной литературѣ, а потому не буду повторять сказанное прежде, а лишь обращу вниманіе на слѣдующее. Пусть каждый поживщій человѣкъ (молодежь жизненнаго опыта очень мало имѣетъ) углубится въ себя, не обманывая себя, безпристрастно прослѣдитъ свою жизнь вовнѣ и внутри себя, и, я увѣренъ, откроетъ много такое, предъ чѣмъ онъ остановится въ недоумѣніи и скажетъ: „Это—непостижимо, это—чудесное!“ Извѣстный профес. Погодинъ въ своей книгѣ „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“ приводитъ изъ жизни много фактовъ, причину

---

1) Стр. 41 „Исповѣдь.“

которыхъ разумъ никакъ не можетъ постичь, а также извѣстный астрономъ Камиллъ Фламмаріонъ въ своемъ сочиненіи: „Область невѣдомаго и психическія задачи“ (перев. Лачинова, помѣщ. въ журналѣ „Вѣстникъ иностранной литературы“ за 1900 годъ) разсказываетъ о такихъ случаяхъ, которые дѣйствительно составляютъ психическія задачи и выходятъ изъ ряда естественныхъ явленій. Интересно, какъ бы Толстой объяснилъ; интересно, какъ бы объяснили современные передовые люди, представляющіе себя настолько знающими, что безапелляціонно, съ апломбомъ рѣшаютъ неразрѣшимые вопросы.

Отвергая чудеса, Толстой тѣмъ не менѣе говоритъ: „Ученіе Іисуса было выполненіемъ пророчества Исаіи о томъ, что избранникъ Божій принесъ свѣтъ людямъ и побѣдилъ зло“ [2]). Итакъ Толстой призналъ пророчество Исаіи. Пророчества—это вѣрное предсказаніе по внушенію самого Бога за сотни, тысячи лѣтъ. Какъ же признать ихъ—за естественное явленіе или неестественное, т. е. чудо? Не вѣрующіе въ чудеса не признаютъ ихъ за дѣйствительные факты, хотя у нихъ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ, а лишь одно, что ихъ разумъ не допускаетъ; но не могутъ же они отвергнуть пророчества: они составляютъ историческій документъ! Возьмемъ псалмы 21 и 68 и сравнимъ предсказаніе въ нихъ о распятіи Христа съ ихъ исполненіемъ по Евангелію. Оказывается: Давидъ такъ точно предсказалъ весь процессъ распятія, какъ будто самъ стоялъ при крестѣ, а вѣдь его предсказаніе было за 1000 лѣтъ приблизительно. Если пророчество есть сверхъестественное, чудо, потому что знаніе будущаго не дано человѣку, то Толстой и всѣ не вѣрующіе въ чудеса противорѣчатъ себѣ, отвергая ихъ и не признавая промысла Божія. А Евангеліе—развѣ не чудо? Въ своемъ евангеліи Толстой повѣствуетъ, какъ мы это увидимъ при его разборѣ, что разслабленный, раньше не могшій подняться, послѣ словъ Спасителя всталъ, взялъ постель и пошелъ. Чудесъ по Толстому нѣтъ, а какъ же понять это событіе, разсказанное самимъ Толстымъ? Неужели

2) Стр. 150.

оно—дѣло естественное, обыкновенное? Какъ понять слова Іисуса, приведенные Толстымъ въ его евангеліи: „Я уже говорилъ вамъ, кто Я, но вы не вѣрите. Если не вѣрите Моимъ словамъ, то вѣрьте Моимъ дѣламъ: по нимъ поймете, кто Я и для чего Я пришелъ" [1]).—Какимъ дѣламъ? вѣдь по Толстому Іисусъ чудесъ не совершалъ: такъ что же особеннаго Онъ дѣлалъ? Что училъ хорошо? Такъ это—не дѣло. Так. обр. Толстой и въ данномъ случаѣ себѣ противорѣчитъ: отвергаетъ чудеса, и въ то же время признаетъ и пророчество, и выздоровленіе больного послѣ словъ Спасителя, и необычайныя дѣла Его, т. е. то, что мы понимаемъ, какъ сверхъестественное, чудо.

Нѣтъ основанія отвергать чудеса и съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія, такъ какъ чудеса не нарушаютъ законовъ природы. Въ чудесахъ высшая сила дѣйствуетъ посредствомъ самой природы, но не вноситъ чего-либо новаго въ міровой порядокъ, или, точнѣе, не производитъ нарушенія порядка, напр. летаніе тяжелыхъ предметовъ въ воздухѣ несвойственно ихъ природѣ и нарушаетъ законъ притяженія, тѣмъ не менѣе чугунное, стальное ядро, пуля, камень, аэропланъ летаютъ, будучи брошены постороннею силою, и это не называютъ чудомъ; тутъ дѣйствуетъ другая сила, бо́льшая силы притяженія. Такъ и въ чудесахъ: Богъ своею силою только направляетъ природу по необычному ей пути, но не нарушаетъ ея законовъ. Силу же Божію мы непремѣнно должны признать, если признаемъ существованіе самого Бога, какъ личнаго Существа, иначе Богъ не Богъ, если Онъ не можетъ распоряжаться природою, созданною Имъ же. Вѣдь человѣкъ своими дѣйствіями измѣняетъ природу: заставляетъ дѣйствовать дремлющія ея силы, напр. электричество, искусственно поднимаетъ плодородіе земли и т. п. Почему же Богъ не можетъ также влiять на нее? Непризнаніе чудесъ дѣлаетъ выраженіе Толстого: „Богъ руководитъ міромъ"—не имѣющимъ смысла, такъ какъ понятіе „руководитъ" означаетъ распоряженіе міромъ, направленіе дѣйствія силъ природы по Его произволенію видимо въ явленіяхъ, называемыхъ

---

1) Стр. 265.

нами чудесами, и невидимо, но ощутительно во внутреннемъ сознанiи человѣка. Ж. Ж. Руссо говоритъ, что вопросъ—можетъ ли Богъ творить чудеса—настолько нелѣпъ, что на него не стоитъ отвѣчать; чудеса признаютъ также ученые Карпентеръ, Гексли, Дж. Ст. Милль, Прюдонъ, Рейнке, зоологъ Роменсъ, Деннертъ, химикъ Шёнбейнъ, астрономъ Мэдлеръ, ботанинъ Геерь, физикъ Грове, геологъ Ляйель, Паскаль. Такъ Деннертъ въ статьѣ: „Законъ природы, случай, Промыслъ"—говоритъ: „Наука не страдаетъ чудобоязнью. Въ полномъ объясненiи мiра наука считаетъ невозможнымъ обойтись безъ сверхъестественнаго элемента, т. е. безъ признанiя Бога—творца и промыслителя, безъ чуда. Есть четыре пункта, гдѣ наука вынуждена въ полномъ объясненiи обратиться къ предположенiю сверхъестественнаго дѣйствiя Божества или къ чуду: происхожденiе мiровой матерiи, проявленiе въ ней перваго движенiя, происхожденiе жизни и происхожденiе человѣческаго духа". Паскаль сказалъ: „Невозможно возражать противъ чудесъ". Так. образомъ наука въ лицѣ этихъ первоклассныхъ ученыхъ признаетъ чудеса; тѣ же ученые, какъ Толстой, Штраусъ, Ренанъ и др., которые отвергаютъ чудеса, говорятъ не на основанiи несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ, а на основанiи заранѣе сложившагося предубѣжденiя въ невозможности чудесъ. Бываютъ же и теперь необыкновенные случаи исцѣленiя больныхъ по молитвѣ или самихъ болящихъ или ихъ близкихъ, отъ мощей, отъ иконъ (но Толстой ни мощей, ни иконъ не признаетъ), засвидѣтельствованные актами и ставящiе втупикъ докторовъ, которые, однако, видятъ неестественное, но не признаютъ въ этихъ исцѣленiяхъ силы Божiей. А вѣщiе сны, съ точностью сбывающiеся,—вѣдь они несомнѣнно бываютъ, и наука ихъ признаетъ. Приведу въ примѣръ статью изъ „Историческаго Вѣстника" за 1894 годъ въ январской книжкѣ подъ названiемъ „Сонъ Рылѣевой", матери декабриста Кондратiя Рылѣева, видѣвшей въ дремотномъ состоянiи послѣ отчаянной горячей молитвы о выздоровленiи ея больного сына всю послѣдующую его судьбу, въ точности исполнившуюся. Чудеса были, есть и будутъ, потому что существуетъ Богъ—промыслитель о человѣкѣ и о всемъ мiрѣ.

О догматахъ и таинствахъ.

Теперь разсмотримъ ученіе Толстого о догматахъ и таинствахъ. Толстой утверждаетъ: „По ихъ (какъ Филарета, Лютера и др.) ученію выходитъ, что Христосъ объявилъ то, что Онъ искупилъ своею кровію родъ человѣческій, павшій въ Адамѣ, что Богъ—Троица, что Духъ Святой сошелъ на апостоловъ и перешелъ чрезъ рукоположеніе на священство, что для спасенія нужны семь таинствъ, что причастіе должно быть въ двухъ видахъ... Выходитъ, что все это ученіе Христа, когда въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека ни о чемъ этомъ“ [1]). „Христіанскаго брака быть не можетъ и никогда не было“ [2]).

Искупленіе. Толстой категорично утверждаетъ, будто въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека на искупленіе, на троичность Божества и пр. Но вотъ что говоритъ Христосъ объ искупленіи своею кровію людей: „*Должно вознесену быть сыну человѣческому, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную*“ (Ін. 3, 14—15); „*Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы служили Ему, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ*“ (Мѳ. 20, 28; Марк.10, 45); „*Совершилось*“, т. е. искупленіе, воскликнулъ Христосъ предъ смертію“ (Ін. 19, 30); „*Ибо сія есть кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая въ оставленіе грѣховъ*“ (Мѳ.26,28). У апостоловъ же очень много мѣстъ свидѣтельствующихъ объ искупленіи (Римл. 3, 25, Еф. 1. 7, Кол. 1, 14, Евр. 9, 12 и др.), и вся христіанская вѣра, начиная со временъ апостоловъ и до сего времени, основывается именно на искупленіи, которое есть фундаментъ ея. Не понятно, поэтому, какъ могъ Толстой ложно утверждать, что въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека на искупленіе!

Первородный грѣхъ. Толстой отвергаетъ искупленіе, а искупленіе тѣсно связано съ первороднымъ грѣхомъ; поэтому онъ отвер-

---

1) стр. 218.

2) Брошюра „О половомъ вопросѣ“ ст. 15.

гаетъ и первородный грѣхъ. Толстой говоритъ въ „Критикѣ догматическаго богословія“: Люди подъ вліяніемъ вѣры въ свое нравственное безсиліе и въ благодать искупленія, замѣняющую имъ личную нравственную самодѣятельность, уклоняются отъ исполненія въ сущности удобоисполнимаго нравственнаго евангельскаго закона, хотя и знаютъ, что въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ (5 по счету графа) заключается все ихъ счастіе и спасеніе отъ зла. Вѣра въ первородный грѣхъ дѣлаетъ исполненіе евангельскихъ заповѣдей невозможнымъ, а вѣра въ искупленіе ненужнымъ. Вы всѣ исполнены грѣха, ваши стремленія ко злу не отъ вашей воли, а по наслѣдству. Спастись своими силами человѣкъ не можетъ. Есть одно средство: молитва, таинства и благодать. Можетъ ли быть изобрѣтено другое болѣе безнравственное ученіе? Ученіемъ о первородномъ грѣхѣ совершенно устраняется борьба между чувственною и разумною стороною человѣческой природы, неизбѣжная въ жизни каждаго человѣческаго существа. Эта борьба переносится на событіе, имѣвшее мѣсто въ раю съ Адамомъ при сотвореніи міра. Адамъ за меня согрѣшилъ, т. е. впалъ въ заблужденіе, и потому всѣ люди безвозвратно пали, и всѣ наши старанія жить разумно напрасны и даже безбожны. Я неисправимо дуренъ и долженъ знать, что я таковъ. И мое спасеніе заключается не въ томъ, чтобы своимъ разумомъ освѣщать свою жизнь и, познавши добро и зло, дѣлать лучше—нѣтъ, Адамъ за меня одинъ разъ навсегда поступилъ дурно, а Христосъ одинъ разъ навсегда загладилъ это злое дѣло Адама, и потому я только въ качествѣ зрителя постоянно долженъ огорчаться при мысли о паденіи Адама и радоваться спасенію чрезъ Христа“. Таково ученіе Толстого объ искупленіи и первородномъ грѣхѣ. Конечно, искупленіе ему ненужно: оно—въ его разумѣ; Христосъ для Толстого не Искупитель, а учитель.

Обсудимъ это ученіе Толстого о первородномъ грѣхѣ. 1) Люди дѣйствительно безсильны въ борьбѣ съ грѣховностью своей природы, но не подъ вліяніемъ вѣры. Это безсиліе невѣрующій Толстой на себѣ испыталъ: боролся съ собою и все-таки не одолѣлъ своей грѣховности (о чемъ будетъ сказано далѣе). Откуда же это безсиліе? Откуда же разладъ между разсудкомъ и чувствомъ до полнаго иногда безволія? Даже такой высоконравственный, сильный вѣрою человѣкъ, какъ ап. Павелъ, и тотъ сознавалъ свою слабость: „*Не понимаю, что дѣлаю, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю*“ (Римл. 7, 15 и 10); евангелистъ Іоаннъ писалъ: „*Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя*“ (1 посл. 1, 8); та же мысль проводится и въ „Дневникѣ“ знаменитаго Пирогова (стр. 5, 6, 159—160) и др. 2) Толстой говоритъ, что „люди, благодаря вѣрѣ въ первородный грѣхъ и искупленіе, уклоняются отъ исполненія въ сущности удобоисполнительнаго евангельскаго закона“; но это—клевета на христіанъ: Іоаннъ Предтеча, Христосъ и апостолы призывали къ покаянію и безгрѣшной жизни, и безчисленное множество вѣрующихъ всецѣло посвящали себя на служеніе Богу во Христѣ: первые христіане, святые, аскеты-отшельники, отказавшіеся отъ міра именно по этой причинѣ, и мн. др.; значитъ, вѣра въ первородный грѣхъ и искупленіе напротивъ привлекала этихъ людей къ исполненію евангельскаго закона, къ добродѣтельной жизни. 3) Грѣхъ вовсе не тожественъ съ заблужденіемъ или незнаніемъ: Толстой это на себѣ испыталъ: онъ хорошо сознавалъ, что дурно, что хорошо, однако дѣлалъ дурное, въ чемъ самъ признался; добродѣтель не есть только знаніе, и грѣхъ не есть слѣдствіе незнанія: хотя и бываютъ грѣхи невѣдѣнія, но еще больше грѣховъ вѣдѣнія. 4) Люди виновны не въ самомъ грѣхѣ Адама, а въ наклонности ко грѣху, входящей въ ихъ природу при рожденіи: даже грудные младенцы проявляютъ злость, ревность, капризы и т. п.; мы пріобщаемся ко грѣху Адама свободно. Младенцы, умершіе не крещенными, признаются православною

церковью не подлежащими осужденію и будутъ блаженствовать, какъ учитъ св. Григорій Нисскій, и искупленіе спасительно для насъ въ личномъ, свободномъ единеніи со Христомъ, а не по одной вѣрѣ въ искупленіе: „*царствіе Божіе нудится*", сказалъ Спаситель, и потому выводъ Толстого, что „я лишь въ качествѣ зрителя", не выдерживаетъ критики. Въ посл. къ Ефес. (2, 3) мы называемся „*чадами гнѣва Божія по естеству своему*": человѣкъ самъ себѣ собираетъ гнѣвъ Божій своимъ содѣйствіемъ къ развитію заразы грѣха, вошедшей въ его природу, недостаточнымъ противодѣйствіемъ злой наклонности, такъ что и „*язычники*", по ап. Павлу, „*не безотвѣтны за свое нравственное развращеніе вопреки указаніямъ совѣсти*" (Римл. 1—2), и так. об. безусловный, формально-юридическій характеръ вмѣненія намъ грѣха Адамова отрицается яснымъ мѣстомъ въ посл. ап. Павла къ Римл. (2, 5—10).

Троичность Божества. Толстой отвергаетъ троичность Божества. Что Богъ въ трехъ лицахъ,—это люди узнали именно отъ Христа и только отъ Него одного. Въ Ветхомъ Завѣтѣ хотя есть на это намеки, но туманные. Христосъ же сказалъ о себѣ: „*Я и Отецъ—одно*" (Ін. 10. 30). Іудеи на это сказали Ему: „*дѣлаешься Богомъ*", и Христосъ не разувѣрилъ ихъ, а положительно подтвердилъ: „*Я—Сынъ Божій*" (Ін. 10, 33, 36). Хотя слова: „*Я и Отецъ—одно*", приведенныя Толстымъ въ его евангеліи [1]), онъ прилагаетъ ко всякому человѣку: „если я исполняю Его волю, то Отецъ во мнѣ и я въ Отцѣ", т. е. всякій, исполняющій волю Отца, соединяется съ нимъ, но понятія „соединяется" и „одно" совершенно различны. Это и разъяснять не нужно. Толстой самъ же приводитъ слова Христа [2]): „Я то же, что вы называете Богомъ". Ни одинъ человѣкъ самой святой жизни, находящійся, поэтому, въ тѣсномъ общеніи съ Богомъ, не можетъ сказать о себѣ такія слова, лишь немногіе изувѣры изъ простого народа, какъ, напр., у хлыстовъ, объявляютъ себя богомъ. Одно изъ двухъ —или Христосъ ложно сказалъ о себѣ, что Онъ—Богъ, или дѣй-

---

1) стр. 158.

2) ibid.

ствительно Богъ; но мы уже доказали, что Хр. по своему нравственному совершенству не могъ говорить ложь; слѣд. остается признать, что Онъ—Богъ, Сынъ Божій по существу, а не по духу, по благодати, какъ всѣ истинные христіане, которые называются „сынами Божіими“ (Ін. 1, 12). Могъ ли человѣкъ, какъ только человѣкъ, сказать о себѣ: *„Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“* (Мѳ. 28, 18); *„Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“* (Мѳ. 28, 20)? А Христосъ сказалъ это о себѣ. Онъ также сказалъ апостоламъ: *„Итакъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святого Духа“* (Мѳ. 28, 19); *„Я пошлю вамъ отъ Отца Духъ истины“* (Ін. 15, 26); *„Утѣшитель же Духъ Святой, котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, васъ научитъ всему“* (Ін. 14, 26); *„Когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину“* (Ін. 16. 13). Полагаю, вполнѣ достаточно этихъ мѣстъ изъ Евангелія, чтобы доказать ложность утвержденія Толстого, будто въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека на троичность Божества. Не ясно ли, что Іисусъ отдѣльно представляетъ Отца и Себя—Сына Божія, а вмѣстѣ и нераздѣльно: *„едино есма“*; не ясно ли, что словами: *„пріидетъ Духъ истины, наставитъ васъ на всякую истину“* точно и опредѣленно предсказывается сошествіе Святого Духа на апостоловъ, какъ будущаго событія, которое дѣйствительно и совершилось? Значитъ, вопреки Толстому и о сошествіи Свят. Духа говорилъ І. Христосъ. Не сказано ли въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, что чрезъ рукоположеніе апостоловъ Духъ Св. явнымъ образомъ сходитъ на посвящаемыхъ (Дѣян. 6, 6; 8, 17—18 и др. мѣстн.)?

Обратимся къ разуму. Толстой отвергаетъ Бога въ трехъ лицахъ, потому что его разумъ не постигаетъ и говоритъ ему, что это не правда. Троичность въ Единомъ, дѣйствительно, для ограниченнаго человѣческаго ума непостижима, но она не противорѣчитъ ему, и разуму даже возможно до нѣкоторой степени уяснить себѣ этотъ догматъ, возможно немного приподнять край таинственной завѣсы, скрывающей сущность Божества. Три лица Пресвятой Троицы въ

одномъ Ея существѣ нѣсколько доступно пониманію изъ подобія человѣка Богу. Въ священномъ писаніи читаемъ: *„сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему“* (Быт. 1, 26). Съ одной стороны, слово „Нашему“ указываетъ не на одно Лицо, съ другой стороны, эти слова Бога наводятъ на мысль, что выясненіе образа Божія слѣдуетъ искать въ Его подобіи, въ человѣкѣ. Въ человѣкѣ мы видимъ троичность: во-1-хъ, все его существо, его „я“, во-2-хъ, проявленіе этого „я“ вовнѣ—въ дѣлахъ и словахъ, и, въ-3-хъ, индивидуальный „духъ“, духовный складъ, налагающій, такъ сказать, печать на дѣла и слова каждаго человѣка. Такъ и Троичность Божества: Богъ Отецъ—это все существо, это Божіе „Я“, выражаясь примѣнительно къ человѣку; Богъ Сынъ—это проявленіе Божества вовнѣ—въ словѣ, дѣлѣ, посему Сынъ Божій называется также Словомъ: *„Въ началѣ было слово и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово“* (Ін. 1, 1), читаемъ въ Евангеліи, и дѣлателемъ, творцомъ: *„Имъ же вся быша“*, читаемъ въ Символѣ вѣры; Духъ Святой—это податель жизни, такъ сказать, душа каждаго творенія. Сынъ Божій предвѣчно рождается отъ Отца подобно тому, какъ мои слова, дѣла постоянно происходятъ изъ меня, изъ моего „я“; Духъ Святой исходитъ отъ Отца, посылается Сыномъ (Ін. 14, 26; 15, 26) подобно тому, какъ отъ моего „я“ чрезъ мои дѣла и слова выражается присущая каждому индивидуальность, свой геній, стиль, личное вліяніе на другихъ людей и всю природу. Так. обр. нѣсколько уясняется, какъ можетъ быть троичность въ одномъ; но, повторяю, по существу Единое Божество въ трехъ Лицахъ для насъ непостижимо, и подобіе это лишь даетъ намъ понять, что ученіе о Троицѣ допустимо и для разума человѣческаго.—А вотъ недопустимо со стороны логики основное умозаключеніе Толстого, который учитъ: „все, чего разумъ не постигаетъ, то не существуетъ“: его разумъ не постигаетъ Троичности Божества, слѣд., по его умозаключенію, Ея нѣтъ. Такое умозаключеніе называется нелѣпостью. Оно подобно тому, какъ если бы я сталъ утверждать, что аэроплановъ нѣтъ, потому что я ихъ не видѣлъ, и мой разумъ не постигаетъ, какъ можетъ человѣкъ

летать по воздуху. Так. обр. и въ ученіи о Троицѣ разумъ Толстого оказался несостоятельнымъ.

Таинство причащенія. Какъ Толстой рѣшился отвергать учрежденіе самимъ Спасителемъ таинства Причащенія въ двухъ видахъ, когда самъ Христосъ сказалъ: *„Пріимите и ядите, сіе есть тѣло Мое... пейте изъ нея вси: ибо сія есть кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая“* (Мѳ. 26, 26-28); *„Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ“* (Ін. 6, 56)! Цѣлыхъ 11 стиховъ отъ 48 до 56 6-й гл. Еванг. Іоанна передаютъ слова Христа о таинствѣ Причащенія въ двухъ видахъ, и самъ Толстой въ своемъ евангеліи передаетъ слова Іисуса такъ: „далъ каждому изъ двѣнадцати апостоловъ по куску (хлѣба) и сказалъ: берите, ѣшьте—это мое тѣло... пейте изъ этой чаши: это моя кровь“. Почему же Толстой не объяснилъ эти странныя, повидимому, слова Іисуса?

Таинство покаянія. Таинство покаянія учреждено Христомъ словами, сказанными апостоламъ: *„Пріимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи—отпустятся, имъ же держите—держатся“*, а также и другія таинства. Эти слова Христа должны были быть извѣстны Толстому.

Бракъ и женскій вопросъ.

Христіанскаго брака Толстой не признаетъ: „Христіанскаго брака“, говоритъ онъ, „быть не можетъ и никогда не было“ [1]); въ брошюрѣ „О половомъ вопросѣ“ [2]) говоритъ: „Христосъ не только никогда не устанавливалъ брака, но... скорѣе отрицалъ его“. „Да, въ Евангеліи нѣтъ указанія на бракъ, есть отрицаніе его; объ учрежденіи брака, какъ говоритъ это церковь, нѣтъ и помина, ничего, кромѣ нелѣпаго чуда Каны“ [3]). „Христосъ не только не запрещаетъ

1) См. выше
2) Стр. 14.
3) Стр. 44.

бракъ, но запрещаетъ разводъ. Христосъ и въ бракѣ требуетъ наибольшаго цѣломудрія" [1]). „Въ Евангеліи вѣдь сказано ясно и безъ возможности какого-либо перетолкованія, во-первыхъ, то, что женатому не должно разводиться съ женою съ тѣмъ, чтобы взять другую, а должно жить съ тою, съ которою сошелся; во-вторыхъ, то, что человѣку вообще, и слѣд. какъ женатому, такъ и не женатому, грѣшно смотрѣть на женщину, какъ на предметъ наслажденій" [2]) и т. д.—Въ этихъ словахъ Толстого не явное ли противорѣчіе: то нѣтъ христіанскаго брака, то Христосъ въ бракѣ „требуетъ", а слово „требуетъ" означаетъ, что не признаетъ только, а закрѣпляетъ, учреждаетъ. А слова Спасителя: *„Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ"* (Мѳ. 19, 6), *„Посему оставитъ человѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей"* (Мѳ. 19, 5)—развѣ не говорятъ о бракѣ, какъ божественномъ учежденіи: *„Богъ сочеталъ"*? *„Тайна сія велика есть"*, говоритъ ап. Павелъ. Кажется, ясенъ смыслъ словъ Христа и апостола, и потому совсѣмъ не понятно, какъ могъ Толстой толковать, что нѣтъ христіанскаго брака.

Все же по справедливости слѣдуетъ признать, что вообще основное ученіе Толстого о бракѣ, и цѣломудріи въ согласіи съ ученіемъ Христа, что и выразилъ онъ въ своей второй заповѣди: „не прелюбодѣйствуй". Дѣйствительно, прекрасны его разсужденія [3]) о цѣломудріи, что „пробудившееся въ человѣкѣ разумное сознаніе требуетъ отъ него... полнаго воздержанія, полнаго цѣломудрія, и что чѣмъ больше онъ будетъ предаваться блуду, тѣмъ меньше онъ получитъ не только истиннаго, но и временнаго животнаго блага и тѣмъ болѣе онъ доставитъ страданія и себѣ и другимъ людямъ",—о назначеніи мужчины, которому „данъ законъ труда", и женщины, для которой—„законъ рожденія дѣтей",

1) Стр. 35.
2) Стр. 16.
3) Стр. 629—646 и 819.

„мужчинѣ предназначено увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, женщинѣ продолженіе самаго человѣчества“. Еще Толстой говоритъ: „Ахъ! если бы женщины поняли свое значеніе, свою силу и употребили бы ее на дѣло спасенія своихъ мужей, братьевъ и дѣтей—на спасеніе всѣхъ людей! Жены—матери богатыхъ классовъ! Спасеніе людей нашего міра отъ этихъ золъ, которыми онъ страдаетъ, только въ вашихъ рукахъ! Не тѣ женщины, которыя заняты своими таліями, турнюрами, прическами и плѣнительностью для мужчинъ и противъ своей воли, по недоглядкѣ, съ отчаяніемъ рождаютъ дѣтей и даютъ ихъ кормилицамъ, и не тѣ тоже, которыя ходятъ на разные курсы и говорятъ о психомоторныхъ центрахъ и дифференціаціи, тоже стараются избавиться отъ рожденія дѣтей съ тѣмъ, чтобы не препятствовать своему одуренію, которое они называютъ развитіемъ,—а тѣ женщины и матери, которыя, имѣя возможность избавиться отъ рожденія дѣтей, прямо, сознательно подчиняются этому вѣчному, неизмѣнному закону, зная, что тягость и трудъ этого подчиненія есть назначеніе ихъ жизни... Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющіяся закону Бога, вы однѣ знаете въ нашемъ несчастномъ, изуродованномъ, потерявшемъ образъ человѣческій кругу, вы однѣ знаете весь настоящій смыслъ жизни по закону Божію“ [1]).—Но, высказавши такія прекрасныя вообще мысли, Толстой остается вѣренъ себѣ, доводитъ свое ученіе до крайности: въ „Крейцеровой сонатѣ“ онъ проводитъ ту мысль, что всякое даже законное супружество неестественно, есть развратъ, бракъ есть паденіе, есть разрѣшеніе на развратъ, и предлагаетъ, поэтому, полное цѣломудріе для всѣхъ, а что чрезъ это родъ человѣческій долженъ прекратиться, такъ Толстой этого именно и желаетъ. „За-

1) 641.

чѣмъ жить"? говоритъ графъ. Мысли эти собственно не его, а Шопенгауера, Гартмана, буддистовъ, но тѣ въ своемъ умозаключеніи послѣдовательны: ибо они утверждаютъ, что благо въ томъ, чтобы не жить; Толстой же въ полномъ противорѣчіи самому себѣ: то доказываетъ, что дѣторожденіемъ женщина исполняетъ волю Бога, исполняетъ высокое назначеніе, то говоритъ: совсѣмъ не нужно продолженіе рода человѣческаго. Нелѣпость послѣдняго ученія столь очевидна, что считаю излишнимъ останавливаться на разсмотрѣніи его.—А еще болѣе удивительно слѣдующее предлагаемое имъ примѣненіе на практикѣ заповѣди: „не прелюбодѣйствуй". Толстой говоритъ: „Для того же, чтобы противодѣйствовать привычкѣ грѣха (блуда), человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать въ себѣ того грѣха блуда, въ которомъ онъ находится. Если человѣкъ цѣломудренъ, пусть не нарушаетъ своего цѣломудрія; если онъ женатъ, пусть остается вѣренъ своему супругу; если онъ имѣетъ общеніе со многими, пусть продолжаетъ жить такъ, не придумывая неестественныхъ пріемовъ разврата... Пусть знающій многихъ женщинъ и женщина, знающая многихъ мужчинъ, станутъ вѣрны избраннымъ супругамъ"[1]).—По этому ученію Толстого выходитъ, что я вовсе не прелюбодѣйствую и не развратничаю, если одновременно сожительствую съ пятью женщинами и говорю себѣ: теперь я желаю не прелюбодѣйствовать, и уже съ шестою женщиною не буду сходиться. Да это лучше магометова рая: дадутъ ли тамъ правовѣрному мусульманину столько гурій, пожалуй, нѣтъ, а здѣсь—завелъ себѣ многихъ, да и поживай—грѣха нѣтъ, я не прелюбодѣйствую, только нужно себѣ сказать: довольно съ меня этихъ женъ! Если бы Толстой сказалъ: если кто пожелаетъ избавиться отъ привычки блуда, но сразу цѣломудреннымъ сдѣлаться не можетъ, такъ начинай съ того положенія, въ какомъ находишься, но постепенно сокращай до сожительства съ одною женщиной или женщины съ однимъ мужчиною, а затѣмъ, если въ силахъ,

---

1) Стр. 819 и 820.

совсѣмъ будь цѣломудренъ,—тогда ученіе его было бы логично; но онъ сказалъ: „пусть остается вѣренъ избраннымъ супругамъ, пусть продолжаетъ жить такъ, какъ жилъ“,—это уже никоимъ образомъ не можетъ назваться цѣломудріемъ и не удовлетворяетъ заповѣди: „не прелюбодѣйствуй“ и уже совсѣмъ нелогично. А вотъ Толстой умолчалъ: какъ же быть въ такихъ случаяхъ съ сердечною любовью, если одна изъ моихъ женъ страстно любитъ меня, а я долженъ раздѣляться между нѣсколькими, или, обратно, я люблю жену, а она живетъ съ нѣсколькими? Стало-быть, Толстой низводитъ женщину до самки и мужчину до самца и въ бракѣ допускаетъ одно животное чувство. Насколько же бракъ по Толстому отличается отъ брака по Христу, Который очистилъ супружество отъ животнаго развращенія, отъ похотливости къ другимъ женщинамъ даже въ мысляхъ, возвративши ей человѣческое достоинство, такъ сказать, одухотворилъ бракъ, указавши въ немъ не одну тѣлесную сторону, но и сліяніе душъ, что разъясняетъ ап. Павелъ: бракъ *„во образъ союза Христа съ церковью“!* Для такого брака разводъ невозможенъ. А дѣти? При сожительствѣ съ нѣсколькими какъ же быть съ ними?—оставить всецѣло на попеченіе матери, а отецъ свободенъ отъ заботъ и расходовъ на содержаніе и воспитаніе ихъ? Неужели у насъ мало горя и несчастія: можно еще заводить и мужскіе и женскіе гаремы, да еще хуже гаремовъ? Мало ли въ нашемъ обществѣ мужчинъ, которые съ спокойною совѣстью соблазняютъ дѣвушекъ, искренно полюбившихъ избранника своего сердца, и которые потомъ безжалостно бросаютъ, а тѣ несчастныя нерѣдко съ отчаянія прибѣгаютъ къ самоубійству или погружаются въ развратъ? Воръ обокрадетъ, пожаръ разоритъ—несчастіе; но можетъ ли сравниться съ этими несчастіями несчастіе обманутой дѣвушки? Вѣдь это—драма, трагедія! А кто виноватъ?—Все общество, которое не клеймитъ позоромъ такого соблазнителя, а, напротивъ, предъ нимъ открыты всѣ двери, онъ—милый человѣкъ, чѣмъ же онъ виноватъ?—онъ мужчина, а она, говорятъ, куда смотрѣла, сама виновата, и женщины первыя втопчутъ ее въ грязь, а къ нему относятся очень благосклонно. А что за ужасъ въ семьѣ, когда замужняя бросаетъ мужа, дѣтей, или мужъ бросаетъ семью!

Какова судьба Анны Карениной!? Каковы же и женщины, когда онѣ съ спокойною совѣстью увлекаютъ женатаго мужчину и разбиваютъ семейное счастіе! Очень и очень женщины виноваты! Пусть всѣ женщины будутъ нравственны, и тогда мужъ будетъ привязанъ къ своему дому—къ женѣ, дѣтямъ, и потому Толстой правъ, сказавши: „чѣмъ больше человѣкъ будетъ предаваться блуду, тѣмъ меньше онъ получитъ не только истиннаго, но и временнаго животнаго блага и тѣмъ больше онъ доставитъ страданія и себѣ и другимъ людямъ". Герой Крейцеровой сонаты потому возненавидѣлъ свою жену и убилъ, что раньше растратилъ свои чувства со многими женщинами. Поэтому вполнѣ присоединяюсь къ ученію Толстого: „женщины, спасеніе людей нашего міра... въ вашихъ рукахъ!" Да, современное общество очень виновато. Литературный успѣхъ гг. Вербицкой, Арцыбашева и под.—вѣдь это позорное клеймо на челѣ всего общества: „продается съ публичнаго торга", какъ сказалъ поэтъ Некрасовъ. И эти писатели-христіане, и общество называетъ себя христіанскимъ!! А тутъ еще такое ученіе Толстого, разрѣшающее сожительство со многими. Вѣдь это ученіе совсѣмъ близко къ ученію о свободной любви.

Итакъ Толстой вообще высоко ставитъ бракъ, усиленно настаиваетъ на замужествѣ женщинъ, вмѣняетъ имъ въ высокую заслугу дѣторожденіе и собственное воспитаніе дѣтей и отъ нихъ ожидаетъ спасенія человѣчества, но и допускаетъ нелѣпое разрѣшеніе на сожительство со многими и еще болѣе нелѣпое ученіе о совершенномъ уничтоженіи рода человѣческаго чрезъ полное безбрачіе.

Посмотримъ теперь, какъ онъ рисуетъ брачную жизнь въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ: „Анна Каренина, Крейцерова соната, Живой трупъ"? Въ этихъ произведеніяхъ Толстой весь свой геній направилъ именно противъ брака, обрисовавши его съ самой мрачной стороны: во всѣхъ ихъ одинъ изъ супруговъ кончаетъ убійствомъ или самоубійствомъ: такъ невыносимо тяжелъ гнетъ брачной жизни. Прочитавши ихъ, невольно задумаешься: ужъ не лучше ли не жениться и не выходить замужъ? И такое мнѣніе въ настоящее время функціонируетъ въ нашемъ обществѣ, отчего много-

у насъ холостяковъ, старыхъ дѣвъ. Но какъ же быть съ своею натурою, вѣдь рѣдко кто можетъ быть цѣломудренъ? Такъ что-жъ?— свободно говоритъ наше общество—можно сойтись и безъ брака, не связывая себя, или, иначе, по необходимости разрѣшается развратъ. А дѣти?—вотъ стоитъ объ нихъ думать, и не думаютъ! Доктора на Пироговскомъ съѣздѣ въ 1913 году даже додумались до узаконенія оборта—до безнаказанности за уничтоженіе плода. Вотъ до какой безнравственности дошло наше образованное общество—до признанія необходимости разврата и умерщвленія людей въ зародышѣ, и это во имя гуманности, будто изъ сочувствія къ тяжелому положенію дѣвушекъ и женщинъ, къ трудному положенію многосемейныхъ недостаточныхъ людей! Таковъ практическій результатъ яркой иллюстраціи семейной жизни въ романахъ Толстого. Такимъ образ. между моральнымъ его ученіемъ и картиной брачной жизни въ романахъ лежитъ непроходимая пропасть: въ романахъ бракъ—тяжкое иго, въ морали—призывъ къ дѣторожденію въ цѣломудренномъ бракѣ; въ романахъ разводъ неизбѣженъ, въ морали Толстой его запрещаетъ. Такъ въ драмѣ „Живой трупъ" словами героя Протасова князю Абрезкову выражается неизбѣжность развода: „Какая-то тѣнь лежала на нашей семейной жизни. Отъ этого-то я и не могъ удовольствоваться той семейной жизнью, которую давала мнѣ жена, и поэтому-то я чего-то искалъ и увлекался" (Дѣйст. 3, явл. 2); въ моральныхъ же своихъ произведеніяхъ Толстой запрещаетъ его: такъ въ брошюрѣ „О половомъ вопросѣ" [1]) говоритъ: „Жениться—это значитъ, избравъ супруга, рѣшить быть ему вѣрнымъ, не покидать его до гроба и стараться вмѣстѣ съ нимъ возстановить потерянное цѣломудріе." Почему же въ противовѣсъ картинѣ несчастнаго брака вслѣдствіе нравственной растрепанности одного изъ супруговъ Толстой не изобразилъ картины счастливой, любящей четы? Неужели онъ такихъ браковъ не встрѣчалъ въ жизни? Вспомнимъ Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну у Гоголя, какъ они душевно слились

---

[1]) Стр. 31.

въ одно цѣлое, какъ ихъ жизнь была полна другъ другомъ. А вѣдь такихъ браковъ много. Раздоръ и слѣдствіе его—разводъ происходятъ отъ нежеланія и отъ неумѣнія супруговъ сдерживать себя, ограничивать свои порывы, приспособляться одинъ къ другому, причиною чего отчасти прирожденный характеръ, а болѣе всего блудная жизнь до брака и фальшивое воспитаніе, которое не пріучило подчинять свои желанія, капризы требованіямъ здраваго смысла, а развило своеволіе, невыдержанность, слабоволіе въ сдерживаніи своей страстности, а иногда и похотливости. Вѣдь бываютъ случаи, когда молодые супруги, будучи неуравновѣшены въ своемъ нравѣ, легкомысленно расходятся, а потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, сознавши неправоту своихъ поступковъ, опять сходятся и живутъ прекрасно. Вотъ въ такихъ случаяхъ особенно цѣнна пословица: „десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь". Нѣтъ, не десять разъ, а сто, тысячу разъ примѣрь. Разводъ бываетъ также слѣдствіемъ разочарованія въ созданномъ заранѣе, до брака супругами идеалѣ; поэтому-то и необходимо понять желающимъ вступить въ бракъ всю его важность, свои обоюдныя обязанности, всѣ тернія и нерѣдко страданія въ супружеской жизни, чтобы потомъ не разочаровываться. Ошибка супруговъ состоитъ въ томъ, что брачущіеся большею частью имѣютъ воззрѣніе другъ на друга съ плотской стороны, а не душевной, что и высказалъ Толстой въ „Крейцеровой сонатѣ"; поэтому и важно до брака уяснить себѣ свои обязанности: жена для мужа—это то же, что и его собственная плоть, которую питаетъ и грѣетъ, какъ учитъ Христосъ и апостолы, слѣд. исключается всякая грубость, а предписывается ласка, лелѣяніе, жена—помощница, участница во всѣхъ его заботахъ и работахъ, совѣтница, поддерживающая въ немъ энергію, бодрость, а мужъ для жены—опора въ жизни, устроитель благосостоянія семьи, жена должна *„бояться"* мужа, но не какъ звѣря, а должна бояться огорчить его, нарушить семейный покой. Если сходятся по любви, да еще потомъ образуется взаимное уваженіе чрезъ взаимную уступчивость, тогда и рѣчи не можетъ быть о разводѣ, тогда супружеская жизнь есть полнота жизни, полное счастіе, а не тяжелое ярмо, какъ таковую мысль проводитъ Толстой въ своихъ романахъ. Имѣть искренняго

друга мужу въ женѣ и женѣ въ мужѣ—вѣдь это величайшее счастіе на землѣ! Бракъ не иго, а счастіе. Правда, бываютъ въ бракѣ и страданія, иногда и тяжелый крестъ: уходъ, заботы о дѣтяхъ вообще и особенно въ ихъ болѣзняхъ, страхъ за судьбу ихъ, ужасныя душевныя страданія родителей, когда дѣти несчастны или испорчены нравственно; но это горе облегчается взаимною любовію, теплымъ чувствомъ между супругами: поплачутъ вмѣстѣ, и легче станетъ на душѣ. Одиночество—вотъ тяжелый крестъ. Что за жизнь стараго холостяка, старой дѣвы, и какой тяжелый камень постоянно давитъ сердце вдовца и вдовы, потерявшихъ любимаго супруга—друга, съ которымъ жили душа въ душу! Нѣтъ, бракъ великое счастіе на землѣ, когда супруги соединяются въ одно не тѣлесно только, а душевно по образу соединенія Христа съ церковью. Такъ наша христіанская церковь и понимаетъ бракъ.

Толстой въ своей брошюрѣ „О половомъ вопросѣ" коснулся и моднаго теперь вопроса о равноправіи женщинъ съ мужчинами. Онъ отнесся къ этому вопросу очень неодобрительно. „Мода умственная", говоритъ Толстой, восхвалять женщинъ, утверждать, что онѣ не только равны по духовнымъ способностямъ, но выше мужчинъ,—очень скверная и вредная мода... Теперь жены требуютъ не только равенства, но главенства... Нелѣпость нашей жизни происходитъ отъ власти женщинъ... Что можетъ быть глупѣе и вреднѣе для женщинъ модныхъ толковъ о равенствѣ половъ, даже и превосходствѣ женщинъ надъ мужчинами... Учрежденія во власти мужчины, а общественное мнѣніе во власти женщины, и общественное мнѣніе въ милліонъ разъ сильнѣе всякихъ законовъ и войскъ... Женщины дѣлаютъ общественное мнѣніе, и женщины особенно сильны въ наше время" [1]. Въ данномъ случаѣ Толстой правъ: современная женщина, мнящая себя интеллегентною, въ сущности требуетъ совершенной независимости отъ мужчины и даже власти надъ нимъ. Чего же искать, ко-

---

[1]) стр. 61.

гда она итакъ властвуетъ и двигаетъ всю жизнь человѣчества? Какъ по физіологической природѣ, такъ и умственной женщина существенно отличается отъ мужчины: физическая ея природа предназначена спеціально къ семейной жизни,—то же говоритъ Толстой,—умственная направлена главнымъ образомъ къ тому же: она особенно наблюдательна надъ мелочами жизни, удивительно вынослива въ уходѣ за дѣтьми и больными, у нея болѣе развитъ инстинктъ, умъ ея индуктивный, т. е. наблюдательный, она живетъ болѣе чувствомъ, у нея сильна впечатлительность. Мужчины обладаютъ этимъ въ значительно меньшей степени, умъ ихъ дедуктивный, т. е. обобщающій, надъ чувствомъ преобладаетъ болѣе спокойная разсудительность. Исключенія, конечно, бываютъ: Екатерина Великая имѣла мужской-дедуктивный умъ; есть и мужчины мелочные, какъ говорится въ простонародіи, хуже бабы. Отсюда общій выводъ таковъ: женщина гораздо скорѣе мужчины инстинктомъ почувствуетъ правду или ложь въ повседневныхъ явленіяхъ, но она менѣе способна къ обобщенію, къ умозаключенію, и въ этомъ она уступаетъ мужчинѣ, который спокойнѣе, шире и глубже можетъ усвоить себѣ сущность явленій, а потому въ обычной домашней жизни болѣе женщина руководитъ мужчиною, а въ общественной и научной (въ отысканіи законовъ природы)—мужчина женщиною. Слѣд. мужчина и женщина—это двѣ равныя, но разныя половины, взаимно дополняющія другъ друга, составляющія одно цѣлое. Такимъ образ. сама природа разграничила значеніе мужчины и женщины, чтобы они дѣлали одно общее дѣло лишь съ разныхъ сторонъ. Назначеніе женщины—семья, какъ настаиваетъ на этомъ и Толстой, а это высокая святая ея миссія, основа всего человѣчества. Идеаломъ женщины можетъ служить мать Гракховъ Корнелія, которая на вопросъ знатныхъ римлянокъ—матронъ, хвалившихся нарядами, драгоцѣнностями: „чѣмъ же ты можешь похвалиться“?—отвѣтила имъ: „вотъ мое сокровище“! указавши на двухъ своихъ сыновей, и эти дѣти потомъ прославили свою мать на всѣ времена. Поэтому преступленіе совершаютъ и предъ дѣтьми и предъ всѣмъ обществомъ тѣ женщины, которыя оставляютъ дѣтей своихъ на руки кормилицамъ, боннамъ, чтобы изъ тщеславія или по

другимъ побужденіямъ фигурировать въ качествѣ общественныхъ дѣятелей или наслаждаться жизнью. Собственно жена дѣлаетъ семейный очагъ и въ 9 случаяхъ изъ 10 семейное счастіе зависитъ отъ нея: нѣжная, любящая, добрая женщина, какъ благоухающій весенній воздухъ, оживляетъ, смягчаетъ грубоватую отмосферу мужчинъ; но зато сварливая, упрямая, капризная, сплетница—женщина дѣлаетъ цѣлый адъ изъ семейнаго очага. Не всѣ женщины, конечно, могутъ отдаться семьѣ, таковы: бездѣтныя вдовы, незамужнія, т. е. свободныя отъ семейныхъ обязанностей. Этимъ, а также женщинамъ съ мужскимъ складомъ ума по справедливости слѣдуетъ предоставить возможность работать на общественномъ поприщѣ рядомъ съ мужчинами на одинакихъ правахъ и трудъ оплачивать по достоинству работы, а не въ зависимости отъ пола. Только женщинъ съ мужскимъ умомъ мало; между тѣмъ въ послѣднее время большинство изъ интеллегентныхъ женщинъ мнятъ о себѣ именно таковыми къ семейному и общественному несчастію.

Общій выводъ такой: женщина должна сознать свое назначеніе и не искать несвойственнаго ей, должна прежде всего обратить вниманіе на себя, сама возвыситься нравственно, чтобы заслужить полное уваженіе отъ мужчины, а для этого должна быть серьезно и, главное, правильно, т. е. сообразно съ ея природою и назначеніемъ, быть образованною, подготовленною и къ семейной жизни и общественной дѣятельности, чтобы чрезъ себя возвысить и усовершенствовать весь родъ человѣческій. Главная сфера ея служенія—семья и благотворное вліяніе на окружающихъ; лишь свободная отъ семьи можетъ занимать общественныя должности. Повторяю опять: самая высшая мораль—въ христіанскомъ ученіи; такъ и будемъ искать въ немъ разрѣшенія женскаго вопроса.

Посредничество.

Толстой отвергаетъ посредничество между Богомъ и людьми, т. е. отвергаетъ духовную іерархію и вообще церковь, свящ. писаніе и преданіе. Онъ говоритъ: „Какъ только человѣкъ допустилъ вѣру въ какое бы то ни было посредничество, такъ

онъ лишилъ себя единственной возможности достовѣрности знанія и открылъ возможность воспринятія всякой лжи, вмѣсто истины. Только благодаря посредничеству людей могли совершаться и совершаются тѣ страшные обманы, вслѣдствіе которыхъ разумные и добрые люди молятся, какъ Богу, Христу, Богородицѣ, Буддѣ, святымъ мощамъ, иконамъ. Чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что Богъ открывается только непосредственно сердцу человѣка, и что всякое посредничество, будетъ ли то одно лицо, собраніе лицъ, книга или преданіе, не только скрываетъ Бога отъ человѣка, но дѣлаетъ самое страшное зло, которое можетъ постигнуть человѣка, а именно то, что человѣкъ считаетъ Богомъ то, что не есть Богъ [1]). По христіанскому ученію человѣкъ непосредственно познаетъ Бога своимъ сознаніемъ въ самомъ себѣ [2]). „Не можетъ быть ни христіанскаго богослуженія, ни христіанскихъ учителей и отцовъ“ (Мѳ. VI, 5—12, Ік, IV, 21, Мѳ. 23, 8—10) [3]).

Толстой отвергаетъ церковь, будто Христосъ не учреждалъ ни ея, ни учителей, ни отцовъ церкви, отвергаетъ посредничество между Богомъ и людьми, которое будто производитъ грубый обманъ и пр. Если принять опредѣленіе Толстымъ Бога, какъ проявленіе Его въ нашемъ сердцѣ, какъ наше разумѣніе, то онъ, пожалуй, до нѣкоторой степени логиченъ: не нужны посредники, когда Богъ открывается непосредственно сердцу человѣка чрезъ разумѣніе. Только нужно поправить: разумѣніе не въ сердцѣ, а въ головѣ, слѣдовало бы, поэтому, Толстому сказать: Богъ въ головѣ; здѣсь же у него выходитъ противорѣчіе: Толстой признаетъ для познаванія одно разумѣніе, а слово „въ сердцѣ“ указываетъ на познаніе Бога чувствомъ. Но толстовское понятіе о Богѣ и о познаваніи Его человѣкомъ приводитъ къ слѣдующему абсурдному выводу. Во-1-хъ, къ чему тогда

1) Стр. 789.
2) Стр. 766.
3) Брошюра „О половомъ вопросѣ“, стр. 15.

слова Христа: „*Созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ее*, „*Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду церковь Мою*“, „*Научите вся языки, крестяще ихъ*“..., *Имъ же отпустите грѣхи—отпустятся*“ и пр.? т. е. Спаситель велитъ учить,—значитъ, учреждаетъ учительство; даетъ власть апостоламъ отпускать грѣхи и вязать,—значитъ, учреждаетъ церковь, какъ общество, организованное съ своими порядками, или, иначе, созидаетъ общество вѣрующихъ съ іерархіею. Во-2-хъ, зачѣмъ училъ І. Христосъ, зачѣмъ велѣлъ учить апостоламъ, зачѣмъ же самъ Толстой взялъ на себя учительство, если Богъ открывается непосредственно сердцу человѣка, т. е. каждаго учитъ Богъ непосредственно? Въ-3-хъ, Толстой сказалъ, что „ученіе Христа дало ему жизнь, и онъ старался слѣдовать ему“, слѣд. научило его, и, так. обр., Евангеліе, изъ котораго онъ почерпнулъ ученіе Христа, стало для него посредничествомъ, открыло ему Бога, а не скрыло, а какъ всякое посредничество—лицо, книга, преданіе, по его ученію, вводитъ въ обманъ, скрываетъ Бога, то Толстой, принявши ученіе Христа, впалъ въ заблужденіе, въ обманъ, не открылъ Бога: ибо не Богъ его научилъ непосредственно, а Евангеліе. Таковъ логическій выводъ, обнаружившій полный абсурдъ его ученія о посредничествѣ. Въ-4-хъ, какъ же въ этомъ случаѣ понять и объяснить происхожденіе разныхъ сектъ, ересей, разныхъ ученій о Богѣ, объ отношеніи человѣка къ Богу и т. п., если самъ Богъ учитъ каждаго? Выходитъ, Богъ одного учитъ такъ, другого иначе, Толстого научилъ будто правильно, а меня ложно: ему вложилъ понятіе, что І. Христосъ былъ хотя геніальный, но простой человѣкъ, а милліоны людей научилъ вѣрить въ Его Божество; выходитъ, меня, съ одной стороны, учитъ самъ Богъ, съ другой, учатъ посредники—писаніе, священство, и каждая сторона по-своему, но Богъ-то учитъ слабѣе, потому что я Его не слушаю, а слушаю посредниковъ. Посредниковъ-то кто же учитъ? Въ-5-хъ, тогда совершенно излишне нравственное воспитаніе: къ чему мать будетъ говорить своему ребенку: „это не хорошо, не дѣлай такъ!“ вѣдь самъ Богъ непосредственно владываетъ въ сердце каждаго нравственныя понятія! Вотъ къ какому абсурду приводитъ уче-

ніе Толстого! Въ-6-хъ, если действительно такъ, какъ говоритъ Толстой, то почему онъ не представилъ ни одного доказательства справедливости своего ученія?

Мы, вѣрующіе Христу, слѣдуя точному смыслу Его словъ, понимаемъ Бога въ сердцѣ иначе: Богъ не у каждаго въ сердцѣ, а у того, кто смиренно проситъ Его объ этомъ: *„да пріидетъ царствіе Твое... Пріиди и вселися въ ны“*, читаемъ въ молитвахъ; кто по своимъ дѣламъ угоденъ Ему, въ сердцѣ того Господь Богъ *„сотворитъ вечерю„* (Ін. 14, 23), научитъ, какъ научилъ пророковъ, апостоловъ, такъ что они не отъ себя говорили и писали (Ін. 16, 13; 14, 26); *„Близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ“*, а не ко всякому. *„По хлѣбѣ вошелъ въ Іуду сатана“*, сказано въ Евангеліи; значитъ, въ сердце Іуды вселился не Богъ, а дьяволъ. „Библія понятна“, говоритъ профес. Свѣтловъ, „когда читается, такъ сказать, совѣстью, сердцемъ, а не однимъ только разсудкомъ, головою“. Толстой же читалъ свящ. писаніе только головою да безъ помощи Христа, поэтому и понялъ его по-своему. *„Безъ Меня ничего не можете творить“*, сказалъ Спаситель (Ін, 15, 5), и *„Я на судъ пришелъ въ міръ сей, чтобы невидящіе видѣли, а видящіе стали слѣпы“* (Ін. 9, 39). Почему же Наполеонъ I совсѣмъ иначе понялъ Евангеліе, а вѣдь онъ, пожалуй, былъ не глупѣе Толстого? Да потому, что читалъ и умомъ и сердцемъ. Припомните, что я говорилъ о значеніи чувства. Отсюда станетъ понятно: почему Толстой, хорошо изучившій Евангеліе, совершенно иначе понялъ его, чѣмъ, напр., Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій или мы—вѣрующіе, а также теперь понятно: почему нѣкоторые, учившіеся въ духовныхъ семинаріяхъ, академіяхъ и, конечно, изучившіе Евангеліе, оказываются даже атеистами. Толстой на основаніи того, что люди различно понимаютъ ученіе Христа, даже отвергаетъ Божество Его. Онъ кощунственно говоритъ: „Если Богъ сошелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что Онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же Онъ этого

не сдѣлалъ, то Онъ не былъ Богъ" [1]). Ошибается Л. Ник. и очень ошибается: ученіе Христа всѣми одинаково, просто понимается, если изучается, какъ я уже разъяснилъ, не разумѣніемъ только, но сердцемъ и вѣрою, да еще съ смиренною мольбою къ Господу о дарованіи истиннаго пониманія. Эти же заражены высокоуміемъ, а Толстой чрезмѣрно, думаютъ сами постигнуть превышающее разумъ. Не безъ основанія церковь молится предъ чтеніемъ Евангелія: *„о сподобитися намъ къ слышанію"*, т. е. пониманію, *„чтенія св. Евангелія"*, и если мы со смиреніемъ, съ сознаніемъ своего слабоумія такъ молимъ Бога, то Богъ и научаетъ насъ. Насильно же Онъ никого не учитъ—это противорѣчило бы ученію о свободной волѣ. Толстой и не признаетъ свободной воли. Такъ онъ говоритъ: „Свободная воля есть не только иллюзія—это есть слово, не имѣющее никакого значенія" [2]). Но, отвергая свободу воли, онъ этимъ себѣ противорѣчитъ: безъ свободной воли невозможно самоусовершенствованіе своими собственными силами, чего требуетъ Толстой: „Нѣтъ болѣе безнравственнаго и вреднаго ученія", говоритъ онъ, „какъ то, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами" [3]).

---

1) Стр. 216.

2) „Въ чемъ моя вѣра?", стр. 14.

3) Брошюра о молитвѣ.—Ученіе, отвергающее свободную волю въ человѣкѣ, называется *детерминизмъ*. Свободная воля—спорный вопросъ въ философіи и богословіи отъ временъ Сократа и доселѣ. Аристотель, Эпикуръ, Цицеронъ, Пелагій, блаж. Августинъ, Ѳома Аквинатъ, Эразмъ Роттердамскій, Боссюэтъ, въ позднѣйшее время Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Шеллингъ, Шопенгауэръ и др. занимались выясненіемъ вопроса о свободной волѣ—одни были за, другіе противъ. Лютеръ и Кальвинъ—двѣ главы протестантства утверждаютъ о полной пассивности человѣческой воли, будто „свобода воли есть вымыселъ или пустое названіе безъ дѣйствительнаго предмета". Католическая же и православная церкви признаютъ и свободу воли человѣка и дѣйствіе благодати Божіей—Августинъ утверждаетъ свободу воли въ смыслѣ психической самостоятельности самаго акта хотѣнія: „безъ свободной воли не возможно было бы вмѣнять человѣку никакого поступка и произносить осужденіе". Человѣкъ воленъ дѣлать выборъ между добромъ и зломъ, рѣшать, куда слѣдовать по пути добра или зла; самое же достиженіе добра возможно лишь при дѣйствіи помощи благодати Божіей. Приговоръ Христа, что праведные пойдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшные въ муку вѣчную, Его призывъ соблюдать заповѣди, чтобы быть совершенными, вполнѣ подтверждаютъ, что человѣкъ воленъ самостоятельно направлять себя въ ту или другую сторону. Это доказывается и самонаблюде-

Толстой утверждаетъ, что Христосъ словами: *„Не называйтесь наставниками: ибо одинъ у васъ наставникъ Христосъ“* (Мѳ. 23, 10)—запретилъ учительство, посредничество, и потому наша церковь будто неправильно поступаетъ, имѣя у себя учителей, посредниковъ, т. е. священство. Онъ, видимо, не понялъ значенія священства въ православной церкви, которая признаетъ наставникомъ именно одного Христа, Его одного считаетъ краеугольнымъ камнемъ вѣры; объ апостолахъ она понимаетъ такъ, что они лишь передали Его ученіе, а не свое собственное, также и наши пастыри лишь разъясняютъ ученіе Христа, сообразуясь съ толкованіемъ апостоловъ, а не свое предлагаютъ. Поэтому приведенныя слова Христа въ полномъ согласіи съ Его же словами: *„шедше научите вся языки“*, иначе Христосъ противорѣчилъ бы себѣ. Вселенскіе соборы ничего новаго не внесли въ христіанское вѣроученіе, а лишь яснѣе, опредѣленнѣе раскрыли, формулировали истины, данныя въ Откровеніи. Посредничество между Богомъ и отдѣльными людьми составляетъ

ніемъ и наблюденіемъ надъ другими; у каждаго человѣка бываетъ внутренняя борьба нерѣдко очень сильная, и если онъ болѣе склоненъ къ добру, то побѣждаетъ въ немъ нравственное начало, если ко злу—его грѣховность; въ жизни мнѣ пришлось наблюдать нѣсколько случаевъ проявленія сильной личной воли: глава семьи по временамъ сильно пилъ, и это было великимъ несчастіемъ для всей его семьи, но слезы жены, дѣтей однажды такъ на него подѣйствовали, что онъ далъ женѣ предъ образомъ клятву больше не пить, и съ тѣхъ поръ не пилъ, несмотря на постоянные соблазны. Къ несчастію, детерминизмъ сталъ проникать въ [illegible]ссіи [illegible]ъ саму жизнь: адвокаты защищаютъ, присяжные нерѣдко оправдываютъ явнаго преступника по мотивамъ невмѣняемости, аффекта; нѣкоторые юристы толкуютъ, что человѣкъ есть продуктъ воспитанія, среды, обстоятельствъ, и потому не отвѣтственъ за свои поступки, и такой взглядъ очень разлагающе дѣйствуетъ на все общество: хулиганства при существованіи прежде тѣлеснаго наказанія, какъ общаго явленія, не было. Примѣръ: одинъ молодой крестьянинъ въ своемъ буйномъ поведеніи не поддавался никакимъ и ничьимъ убѣжденіямъ, а какъ въ волостномъ правленіи ему дали розогъ 25, такъ словно переродился, даже другихъ сталъ удерживать. Этотъ фактъ—я лично знаю. Поэтому не могу согласиться съ Оскаромъ Уайльдомъ, что „число преступленій возрастаетъ по мѣрѣ усилія наказаній“ (О соціализмѣ стр. 29). Не обратно ли? число наказаній возрастаетъ по мѣрѣ усилія преступленій. Правда, бываютъ моменты, когда воля какъ-бы поралиэуется, слабѣетъ, и человѣкъ совершаетъ поступки вопреки даже сознанію и совѣсти. Съ этимъ, конечно, нужно считаться. Но если человѣкъ постоянно слѣдитъ за собою, борется съ своими дурными наклонностями, то онъ такъ крѣпнетъ, закаляетъ свою волю, что уже не поддается слабостямъ. Въ этомъ-то и цѣнность христіанской морали.

вся въ совокупности церковь вселенская, которая и разъясняетъ, устанавливаетъ истинное пониманіе Откровенія Божія, такъ что даже частные, помѣстные соборы, какъ, напр., Флорентинскій, не признаются рѣшающими несомнѣнно какой-либо вопросъ, а тѣмъ болѣе мнѣнія отдѣльнаго лица не могутъ быть признаны непогрѣшимыми, и потому произвольное толкованіе св. писанія и вообще христіанскаго вѣроученія совершенно отвергается православною церковью. Доказательство правильности этого положенія въ словахъ Спасителя: *„Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ее“*, т. е. только церковь вселенская есть вѣрная носительница и хранительница истины, такъ что она одна остается въ своемъ вѣрованіи непоколебимою, неизмѣнною, непогрѣшимою, несмотря на яростныя нападенія враговъ христіанства, и лишь она одна опредѣляетъ догматы, отдѣльные же члены—пастыри и міряне должны свое пониманіе христіанскихъ истинъ согласовать съ толкованіемъ всей церкви, и правильно: Толстой взялся толковать Евангеліе по своему разумѣнію, и что же получилось? протестанты, разныя секты взялись безъ руководства церкви уяснять свящ. писаніе, и всѣ разбрелись въ разныя стороны, какъ овцы безъ пастыря. Одно божественное безусловно истинно, таковы догматы; все же человѣческое, даже богословскія мнѣнія истинны условно, измѣнчивы въ соотвѣтствіи степени развитія и общества и отдѣльныхъ лицъ. Не даромъ Спаситель не разъ восклицалъ: *„имѣющій уши слышать, да слышитъ“*. Пророкъ Исаія сказалъ: *„слухомъ услышите. и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите“* (6, 9—10). Эти слова приводитъ Христосъ въ Евангеліи (Мѳ. 13, 14—15, Марк. 4, 12 и Ін. 12, 40). Въ притчѣ о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ Авраамъ отвѣтилъ умершему богатому, мучившемуся въ огнѣ: *„если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ,—не повѣрятъ“* (Лук. 16, 31). Это прямо относится къ Толстому и его послѣдователямъ: вѣдь Спаситель ясно, точно сказалъ, что *„Я—Мессія, Сынъ Божій“*, а Толстой говоритъ: неправда—это попы сочинили; Спаситель прямо сказалъ: *„Я вѣченъ“*, а Толстой подъ Христомъ понимаетъ разумѣніе (Это выяснимъ дальше). Вотъ почему и нужно

учительство въ церкви, чтобы научить правильно понимать ученіе Христа при руководствѣ Св. Духа, который сообщается священству чрезъ рукоположеніе; вотъ почему даже пастыри, если не согласуютъ свое толкованіе христіанскихъ истинъ съ толкованіемъ вселенской церкви, признаются заблуждающимися.

Общественная молитва.

Толстой подвергъ критикѣ ученіе церкви о молитвѣ общественной въ храмѣ и вообще о молитвѣ и пришелъ къ такому заключенію: „Богу нужно служить не въ какомъ-либо извѣстномъ мѣстѣ. Совершаться молитва не можетъ ни въ собраніяхъ, ни при внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, а непремѣнно при совершенномъ уединеніи и свободѣ отъ всякаго внѣшняго, разсѣивающаго вліянія“ [1]. „Храмъ не нуженъ“ [2]. „Не можетъ быть христіанскаго богослуженія“ [3]. Отрицаю молитву просительную и молитву общественную“.

Итакъ Толстой не признаетъ христіанскаго общественнаго богослуженія, а одну тайную, одиночную молитву въ затворѣ. Дѣйствительно, Спаситель сказалъ: *„Войди въ комнату твою, помолися Отцу твоему, который втайнѣ“* (Мѳ. 6,6); но эти слова относятся къ домашней молитвѣ и нисколько не исключаютъ общественной въ храмѣ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, по повелѣнію самого Бога, устроенъ былъ сначала походный храмъ—скинія, а потомъ постоянный въ Іерусалимѣ, и евреи совершали какъ общественное богослуженіе, такъ и каждый отдѣльно молился. Христосъ значеніе храма ставилъ очень высоко; Онъ самъ ходилъ въ храмъ молиться. *„Домъ мой“*, т. е. храмъ, *„домъ молитвы есть“* (Лук. 19,46), сказалъ Спаситель. Тайная вечеря—то же общественное богослуженіе, общественная молитва, духовная бесѣда въ кругу близкихъ. Слова Хри-

---

1) Стр. 797.
2) Стр. 148.
3) „О половомъ вопросѣ“ стр. 15.

ста, сказанныя самарянкѣ: *„Наступаетъ время, когда не на горѣ сей, не въ Іерусалимѣ поклонитесь Отцу... истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ* (Ін. 4, 21 и 23). [1])—означаютъ, во-1-хъ, что настанетъ время, когда молитва не будетъ пріурочена къ одному мѣсту, а будетъ совершаться вездѣ, во-2-хъ, что молитва будетъ сердечная, духовная, истинная, но нисколько не указываетъ на ненужность храмовъ: о нихъ здѣсь и намека нѣтъ, и совершенная клевета на Іисуса, будто Онъ сказалъ: „Храмъ не нуженъ", во всемъ Евангеліи нѣтъ этихъ словъ. А вотъ слѣдующія слова Христа прямо указываютъ на значеніе и силу общественной молитвы: *„Если двое изъ Васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго; ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ"* (Мѳ. 18, 19—20). Въ Дѣяніяхъ апостольскихъ и посланіяхъ много разъ говорится о собраніи вѣрующихъ для молитвы, напр., въ день сошествія Св. Духа на апостоловъ, во время заключенія ап. Петра въ темницѣ, при избраніи Матѳія на мѣсто Іуды, вечери любви. Если бы Христосъ не признавалъ общественной молитвы, общественнаго богослуженія, развѣ апостолы осмѣлились бы совершать ихъ? Они исполняли въ точности наставленія Христа, Духъ Св. руководилъ ими. Так. обр. Толстой неправъ, сказавши, что нѣтъ христіанскаго богослуженія.

Потребность въ общественной молитвѣ вытекаетъ изъ самой духовной природы человѣка. Всякій знаетъ, насколько бываетъ сильно, могущественно вліяніе толпы, чѣмъ-либо возбужденной—оно приводитъ человѣка въ какое-то гипнотическое состояніе, такъ что каждый невольно поддается общему настроенію массы и самъ заражается общимъ увлеченіемъ. Такъ бываетъ и въ общественныхъ моленіяхъ: церковная обстановка, порядокъ совершенія богослуженія, общее религіозное настроеніе—все это настраиваетъ на молитву, возбуждаетъ

---

1) Разборъ ученія Толстого „О поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ" см. Миссіон. Сборн. 1910 г. № 6—7 врот. Алфеевъ.

религіозное чувство. Нерѣдко случается, что человѣкъ вошелъ въ храмъ безъ расположенія къ молитвѣ, а затѣмъ незамѣтно поддается вліянію окружающихъ молящихся, вліянію богослуженія, и самъ начинаетъ молиться, входитъ въ молитвенное настроеніе. Обыкновенно у людей, мало привычныхъ къ молитвѣ, недолго держится молитвенное настроеніе, мысли разсѣиваются; здѣсь же и чтеніе, и пѣніе, и моленіе окружающихъ отрезвляетъ умъ, направляетъ мысли къ небесному. „Не самъ ли Толстой", говоритъ профессоръ Свѣтловъ, „далъ доказательство красотѣ, возвышенности и величію богослуженія православной церкви, которое такъ приводитъ въ восторгъ, изумляетъ и трогаетъ даже иновѣрцевъ и невѣрующихъ, на многихъ страницахъ безсмертныхъ своихъ произведеній („Война и міръ, Дѣтство, отрочество и юность" и др.) художественнымъ изображеніемъ могущественнаго дѣйствія православнаго богослуженія на душу человѣческую въ горѣ, сомнѣніяхъ, скорби и уныніи? Вѣдь все это видѣлъ и самъ Толстой, прежній Толстой—художникъ, чуткій къ правдѣ, но не нынѣшній Толстой, узкій доктринеръ—фанатикъ, убившій въ себѣ чутье духовное фанатическимъ доктринерствомъ и мертвящей разсудочностью" [1]). Так. обр. и съ этой стороны нѣтъ основанія признавать безполезность общественной молитвы. Поэтому дурно дѣлаютъ тѣ, которые, считаясь христіанами, не ходятъ въ храмъ, ссылаясь на то, что у нихъ въ данное время нѣтъ желанія молиться, и ожидая, когда оно придетъ, или говорятъ: „я дома помолюсь". Такіе и дома-то мало молятся—все ждутъ молитвеннаго настроенія, и, будучи отвлекаемы домашнею жизнью, рѣже и рѣже прибѣгаютъ къ молитвѣ и, наконецъ, совсѣмъ перестаютъ молиться.

Наконецъ литургія, на которой происходитъ чудо превращенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя, не можетъ совершаться единолично дома всякимъ, не посвященнымъ. О значеніи же и необходимости таинства Евхаристіи сказали и Спаситель и апостолы, что мы уже выяснили; иначе ап. Іаковъ не составилъ бы первой ли-

1) Профес. Свѣтловъ „христіанское вѣроученіе" т. I, стр. 230.

тургіи, и Спаситель не повелѣлъ бы *„творить сіе въ Его воспоминаніе“*.

Так. обр. совершенно неосновательно утверждаетъ Толстой, что не можетъ быть христіанскаго богослуженія, что Спаситель будто бы сказалъ: „храмъ не нуженъ“, что общественная молитва ненужна. Это клевета на Христа, на христіанскую религію, и не оправдывается самою природою человѣка.

Самая молитва. Толстой признаетъ только одиночную въ уединеніи молитву. Посмотримъ, какъ онъ понимаетъ самую молитву. Вотъ что онъ говоритъ о молитвѣ: „Узнавать себя и помнить о томъ, кто такое человѣкъ—есть одно могущественное средство. Средство это есть молитва... Для людей прежняго времени молитва была и теперь остается для большинства людей обращеніемъ къ Богу или богамъ для умилостивленія ихъ. Христіанское ученіе не знаетъ такихъ молитвъ... Молитва „Отче нашъ“ такъ же, какъ и молитва, которой Христосъ молился въ Геѳсиманскомъ саду, показываетъ намъ, какъ надо молиться и въ чемъ должна состоять та истинная временная молитва, которая, уясняя сознаніе человѣка объ истинѣ его жизни, объ отношеніи къ Богу и его назначеніи въ мірѣ, укрѣпляетъ его духовныя силы. Для борьбы съ грѣхами и нужна молитва ежечасная. Съ первыхъ же попытокъ преодолѣть грѣхъ человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе: грѣхъ влечетъ къ себѣ всею сладостью привычки грѣха; противопоставить же грѣху человѣкъ ничего не можетъ, кромѣ сознанія того, что грѣшить нехорошо, и человѣкъ, зная, что то, что онъ дѣлаетъ, дурно, продолжаетъ дѣлать это дурное. Выходъ изъ этого положенія одинъ. Одни религіозные учители видятъ его въ томъ, что существуетъ особенная сила, называемая благодатью, поддерживающая человѣка въ его борьбѣ съ грѣхомъ, которая пріобрѣтается черезъ извѣстныя дѣйствія, называемыя таинствами; другіе учители выходъ изъ этого положенія видятъ въ вѣрѣ въ искупленіе, совершившееся

смертью за людей Христа Бога; третьи видятъ этотъ выходъ въ молитвѣ къ Богу о подкрѣпленіи силъ человѣка въ борьбѣ его съ грѣхомъ. Но ни то, ни другое, ни третье средство не облегчаетъ человѣку борьбу съ грѣхомъ. Безнадежность борьбы сразу освоботиться отъ грѣха... освобожденіе отъ грѣха и приближеніе къ совершенству совершается только медленнымъ противодѣйствіемъ грѣху. Суевѣріе, что человѣкъ не собственными, медленными усиліями приближается къ совершенству, а можетъ сразу очиститься и стать святымъ. Не во власти человѣка избавиться отъ грѣха, набиравшаго привычку въ продолженіе многихъ годовъ, но совершенно во власти человѣка не дѣлать поступки, которые вовлекаютъ во грѣхъ. Я писалъ о безполезности молитвы какъ для осуществленія нашихъ желаній по отношенію событій внѣшняго міра, точно такъ же и для внутренняго міра—для своего усовершенствованія. Отрицаю я молитву просительную и молитву общественную. Христосъ прямо и положительно сказалъ, что молиться должно уединенно и что просить ни о чемъ не нужно, потому что прежде чѣмъ откроешь ротъ, Отецъ вашъ знаетъ, что вамъ нужно. Просить Бога намъ не о чемъ. Нѣтъ болѣе безнравственнаго и вреднаго ученія, какъ то, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами" [1]).

Разберемся въ этомъ ученіи Толстого о молитвѣ, которое распадается на положительное и отрицательное. Положительное, во-1-хъ, то, что Толстой признаетъ молитву, она нужна, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее христіанское ученіе, что молитва есть возношеніе ума и сердца къ Богу и бываетъ трехъ видовъ: просительная, благодарственная и хвалебная, а въ томъ, что молитва есть лишь углубленіе въ себя, познаваніе себя и вызываніе божественнаго начала, которое въ насъ, т. е. „познай самого себя", какъ говорилъ Сократъ. По этому толкованію Толстого молитва не есть обращеніе къ Богу: человѣкъ въ молитвѣ лишь разбираетъ свои нравственныя

[1]) Стр. 821—833 и въ брошюрѣ „О молитвѣ" стр. 6. 8, 11, 13 и 14.

убѣжденія и соотвѣтствіе ихъ съ своими дѣлами, вызываетъ въ себѣ то доброе, что заложено въ душѣ его Богомъ; так. образ. уже нѣтъ мѣста молитвѣ, какъ обращенію къ Богу съ просьбою или благодареніемъ. Во-2-хъ, Толстой признаетъ молитву „*Отче нашъ*", называетъ ее самою лучшею и молится ею съ прибавленіемъ отъ себя своихъ желаній. Но для чего нужна ему эта молитва? Для познанія себя или вызыванія въ себѣ божественнаго начала? Вѣдь эта молитва просительная, „Бога же просить не о чемъ", говоритъ Толстой, между тѣмъ какъ съ первыхъ же словъ обращается къ Богу, какъ Отцу: „*Отче нашъ!*" Въ ней, всѣмъ извѣстно, семь прошеній. О 4-мъ прошеніи, гдѣ просимъ насущнаго хлѣба, замѣтимъ, что „*хлѣбъ нашъ*" Толстой понимаетъ такъ: „пища моя въ томъ, чтобы творить волю пославшаго меня и сотворить волю Его... отвергнись себя, возьми крестъ" и пр. Толстой, очевидно, не понялъ смысла этого прошенія: такое толкованіе его относится къ прошенію: „*да будетъ воля Твоя*", а не къ хлѣбу, необходимому для существованія, какъ здѣсь разумѣется, и вообще къ матеріальнымъ благамъ для тѣла, при чемъ слѣдуетъ просить и духовной пищи: „дай намъ хлѣба вещественнаго, дай намъ хлѣба и духовнаго для ума, сердца и воли", но послѣднее будетъ уже свое прибавленіе. Неужели эта молитва не просительная и не умилостивительная? Неужели эти семь прошеній не прошенія? а что же по Толстому—только углубленіе въ себя? Вѣдь словами: „дай намъ хлѣба", очевидно, мы просимъ, а не углубляемся въ себя. Отвергать молитву и читать „Отче нашъ", просить ея словами Бога и въ то же время говорить, что Бога не о чемъ просить, и что въ христіанскомъ ученіи нѣтъ просительной и умилостивительной молитвы—это не только не логично, но положительно нелѣпо.—Въ-3-хъ, Толстой говоритъ, что молитва нужна для борьбы съ грѣхомъ. Для этой цѣли молитва въ пониманіи Толстого, какъ углубленіе въ себя, познаваніе себя, дѣйствительно нужна: она, какъ и покаяніе, признаваемое церковью, заставляетъ безпристрастно, критически отнестись къ самому себѣ, а безъ этого исправить себя нельзя. Съ этимъ нужно согласиться, только слово

„молитва“ не подходитъ къ этому понятію. Но какъ же примирить ученіе Толстого: „молитва нужна для борьбы съ грѣхомъ“ съ его же ученіемъ: „молитва безполезна для усовершенствованія человѣка“? Итакъ въ ученіи Толстого о молитвѣ съ положительной стороны непримиримое противорѣчіе: то молитва нужна, то безполезна; то молитва есть углубленіе въ себя съ устраненіемъ Бога: „зачѣмъ Его просить“, говоритъ Толстой, „когда Онъ заранѣе знаетъ наши нужды“, то самъ же Толстой читаетъ просительную молитву съ обращеніемъ къ Богу, называя Его „Отче“.

Но еще ярче выступаетъ противорѣчіе Толстого съ самимъ собою при разсмотрѣнія его ученія о молитвѣ съ отрицательной стороны. Онъ говоритъ, что молитва нужна, ко кому—Богу? Толстой отвѣчаетъ! „нѣтъ“: „во-1-хъ, Бога просить намъ не о чемъ“, и это „Христосъ (будто?) положительно сказалъ“; во-2-хъ, преодолѣть грѣхъ—человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе, и человѣкъ долженъ совершенствоваться своими силами, безнравственно и вредно ученіе, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами, человѣкъ сразу не можетъ освободиться отъ грѣха“, и потому „благодать въ таинствахъ, искупленіе, помощь Божія для укрѣпленія силъ въ борьбѣ съ грѣхомъ не нужны“. Толстой, говоря это, упустилъ изъ виду много фактовъ, что великіе грѣшники, какъ Марія Египетская, а также блаж. Августинъ, и вообще первые христіане изъ язычниковъ, сразу оставляли свою многолѣтнюю грѣховную привычку, мгновенно перерождались и дѣлались нравственными, благодаря именно благодати Божіей. Затѣмъ и въ самомъ отрицаніи молитвы Толстой впалъ въ непримиримое противорѣчіе: „человѣкъ“, по его ученію, „можетъ и долженъ совершенствоваться своими силами“, но онъ „приближается къ совершенству медленнымъ противодѣйствіемъ“, и—„человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе въ борьбѣ съ грѣхами, свободная воля—иллюзія“ [1]). Так. образ., съ одной стороны, человѣкъ долженъ своими силами

---

1) О свободной волѣ сказано раньше, см. „Посредничество“ стр. 75—76.

совершенствоваться, съ другой—человѣкъ бозсиленъ въ борьбѣ съ грѣхами, не можетъ бороться. Какъ тутъ быть? Какъ человѣкъ самъ можетъ усовершенствоваться, когда безсиленъ, когда не имѣетъ свободной воли? Обратимся теперь къ Евангелію: правду ли Толстой говоритъ о молитвѣ, не искажаетъ ли словъ Христа? Въ Евангеліи читаемъ: „Христосъ самъ много разъ молился, самъ просилъ Отца своего до кроваваго пота, чтобы чаша мученій миновала Его, если можно, просилъ Отца своего за ап. Петра, чтобы не оскудѣла вѣра его (Лк. 22, 32), за всѣхъ апостоловъ, чтобы Отецъ соблюлъ ихъ во имя свое" (Ін. 17, 9, 11) и о мн. другомъ; Христосъ заповѣдалъ и ученикамъ своимъ непрестанно молиться, чтобы имъ не впасть въ искушеніе, въ напасть (Лк. 18, 1; 22, 40), обѣщалъ имъ: *„то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ"* (Ін. 15, 7), *„о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ"*... *„просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна"* (Ін. 16, 23 и 24), въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ указалъ молитву просительную и умилостивительную: мытарь просилъ прощенія у Бога своихъ грѣховъ: *„Боже, будь милостивъ мнѣ грѣшному"*, и вышелъ изъ храма оправданнымъ, или въ притчѣ о женщинѣ, неотступно просящей неправеднаго судью. Апостолы и сами постоянно молились о своихъ нуждахъ, заповѣдали и всѣмъ христіанамъ такъ молиться. Что же касается до словъ Христа: *„знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него"* (Мѳ. 6, 8), то они направлены Христомъ противъ молитвы многословной, но безсодержательной: *„Моляся, не говорите лишняго, какъ язычники"* (Мѳ. 6, 7), сказалъ Спаситель. Богъ, конечно, знаетъ заранѣе, что намъ нужно и о чемъ будемъ просить, но Онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы сами всѣ свои силы направляли къ Нему, неустанно, настойчиво молились, какъ Христосъ показалъ намъ на примѣрѣ хананеянки, которая лишь послѣ долгой, упорной просьбы объ исцѣленіи ея дочери получила удовлетвореніе (Мѳ. 15, 22—28), и это необходимо не для полученія только просимаго: Богъ, какъ любящій Отецъ, даетъ и даромъ, безъ просьбы, когда это полезно человѣку, но и для образованія привычки въ

насъ стремиться къ Богу, чрезъ что мы постепенно усовершенствуемся, иначе получится охлажденіе души и даже омертвеніе и забвеніе Бога. Такъ наша молитва не Богу нужна, а намъ самимъ, молитва заставляетъ насъ познать себя, разобраться въ своихъ качествахъ, войти въ тѣсное общеніе съ Богомъ, болѣе и болѣе любить Его, и тѣмъ очищаетъ нашу душу, возвышаетъ ее, укрѣпляетъ и умъ и волю и даже благотворно дѣйствуетъ на здоровье, какъ это научно, по медицинѣ доказалъ нижегородскій докторъ Апраксинъ въ брошюрѣ о вліяніи молитвы и поста на здоровье. Изъ приведенныхъ мѣстъ изъ Евангелія и писаній апостоловъ не очевидно ли, что Христосъ и апостолы учили совершенно иному, чѣмъ училъ Толстой. Удивительно, какъ такой умный, высокоталантливый человѣкъ, какъ графъ Левъ Н., безцеремонно, произвольно обращался съ Евангеліемъ!

Также иначе Христосъ учитъ и о средствахъ въ борьбѣ съ грѣхами, именно: мы одни безъ помощи Бога не можетъ усовершенствоваться, избѣжать бѣдъ: „*молитеся, да не внидите въ напасть;*" но это не значитъ, какъ учитъ Толстой, что мы сами останемся бездѣятельными, если будетъ ждать помощи отъ Бога [1]): напротивъ, люди сами должны напрягать свои силы въ борьбѣ съ своею грѣховною природою, какъ я это выяснилъ раньше, сами должны искать царствія Божія, стучать, толкать въ дверь, если изнемогаютъ по слабости силъ, падаютъ, опять вставать, и Богъ, видя ихъ усердіе, борьбу съ собою, желаніе усовершенствоваться изъ любви къ Нему, приходитъ на помощь, поддерживаетъ, укрѣпляетъ, помогаетъ исполнять Его волю и приближаться къ совершенству, и этотъ путь тернистъ, медленъ: Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: „*въ мірѣ скорбни будете*" (Ін. 16, 33), и апостолы въ своихъ посланіяхъ говорятъ, что страданія необходимы для очищенія души и спасенія, и Толстой то же говоритъ въ соч. „Война и миръ": „Ежели бы не было страданья, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самого". Богъ такого человѣка поддерживаетъ подобно тому, какъ поддерживаетъ мать, нянька ребенка, начина-

---

1) стр. 824 п. 386.

ющаго учиться ходить: мать допускаетъ, чтобы ребенокъ самъ ходилъ, и чрезъ то укрѣплялись бы его ножки, а не носитъ его постоянно на рукахъ, иначе ребенокъ никогда самъ не научится ходить, и ноги его будутъ слабы; так. обр. для укрѣпленія духовныхъ силъ, какъ и физическихъ, необходима самодѣятельность, но какъ силы человѣка слабы, какъ у ребенка ноги, то и поддерживаетъ Господь, не даетъ расшибить носъ при паденіи до крови. Что это такъ, доказывается словами Спасителя: *„безъ Меня ничего не можете дѣлать; Я— виноградная лоза, а вы кисти на ней“*, *„Чтобы избавиться отъ напасти, нужно молиться Богу о помощи“*.

Полагаю, вы, слушатели, ясно видите, какъ Толстой запутался въ своемъ мудрствованіи, радикально противорѣчитъ себѣ самому, видите, что, желая показать, что онъ въ согласіи съ ученіемъ Христа, въ дѣйствительности въ противорѣчіи съ Нимъ: отвергаетъ то, что Христосъ положительно утверждаетъ, вы видите, что, признавая за молитву познаваніе себя самого, а не обращеніе къ Богу, Толстой говоритъ безсмыслицу. Никто, думаю, не станетъ оспаривать, что тотъ имѣетъ право съ увѣренностью высказывать свои убѣжденія, взгляды, кто вполнѣ въ курсѣ дѣла и теоретически и практически; Толстой же, какъ видно изъ признанія его самого, не былъ молитвенникомъ: такъ какъ же онъ рѣшаетъ вопросъ о молитвѣ, не зная внутренней ея силы, не испытавши всѣхъ психическихъ движеній во время молитвы? Прочитайте наставленія о молитвѣ и трезвеніи св. Василія Великаго, Іоан. Златоуста, Іоан. Лѣствичника, Исаака Сирянина [1]), брошюру затворника еп. Ѳеофана „Четыре слова о молитвѣ“ и др. отцовъ церкви и увидите, что не Толстому рѣшать вопросъ о молитвѣ. О молитвѣ хвалебной и благодарственной Толстой ничего не говоритъ; поэтому и я не буду касаться этого рода молитвы.

1) Издан. Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря.

Обряды.

Вообще о таинствахъ и о богослуженіи въ христіанской церкви Толстой въ отвѣтъ Синоду отзывается такъ: „Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, не соотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній Евангелія. Въ православной церкви все передѣлано въ грубое колдовство купанья, мазанья масломъ, тѣлодвиженій, заклинаній, проглатыванія кусочковъ“ и т. п.

Мы уже видѣли изъ Евангелія, что таинства не передѣланы въ колдовство, а учреждены по словамъ самого Христа. Необходимость ихъ и вообще православныхъ обрядовъ, какъ внѣшнихъ знаковъ проявленія, съ одной стороны, внутренняго душевнаго состоянія человѣка, съ другой, благодати Божіей, доказывается, кромѣ евангельскихъ словъ, самою природою человѣка: человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ тѣсно связанныхъ между собою, что грани между ними провести нельзя: больное тѣло дѣлаетъ больнымъ и духъ, больной духъ (горе, угнетенное состояніе) необходимо вліяетъ на тѣло, и всѣ наши душевныя состоянія отражаются въ тѣлесныхъ движеніяхъ: пожатіе руки, поднятіе рукъ или вставаніе въ собраніяхъ въ знакъ согласія, киваніе головою, поклоны и пр., употребляемые въ повседневной жизни, развѣ не обряды? Насъ влечетъ потребность выразить намъ духовный міръ въ образахъ: поэзія, картины, музыка, театръ есть выраженіе нашихъ идей, чувствъ во внѣшнихъ формахъ. Мы, напр., много разъ читали Шекспира, Островскаго, „Ревизора“ Гоголя, однако идемъ въ театръ „посмотрѣть“. Это значитъ, что въ насъ есть потребность видѣть въ дѣйствительности, въ формахъ воспринятое умомъ. Всѣмъ намъ извѣстно, насколько сильно въ природѣ человѣка стремленіе къ эстетическому наслажденію, которое получается отъ вліянія прекрасныхъ формъ съ одухотворяющею ихъ идеею, чего лишены животныя, и мы очень цѣнимъ людей съ высокимъ эстетическимъ дарованіемъ, такъ что люди, лишенные эстетическаго чувства, живущіе однимъ разсудкомъ, соста-

вляютъ аномальное явленіе, и они сравнительно рѣдки. Христіанская же религія вліяетъ на всѣ стороны человѣческой природы—и разумъ, и чувство, и волю, урегулируетъ и тѣлесныя наши потребности, словомъ, приводитъ въ стройную гармонію всю нашу природу, разстроенную грѣхами, страстями; поэтому человѣкъ не можетъ молиться только однимъ умомъ: мы и Бога, чистаго Духа, безтѣлеснаго, непремѣнно представляемъ себѣ въ какомъ-либо видѣ. Отсюда понятна необходимость религіозной обрядности, какъ выраженія во внѣшнихъ образахъ нашего духовнаго міра: крестное знаменіе, поклоны, возведеніе глазъ къ небу выражаютъ наше чувство; литургія напоминаетъ наглядно всю жизнь Спасителя—мы сами можемъ переживать, участвовать въ земной жизни I. Христа, если съ полнымъ вниманіемъ и благоговѣйнымъ чувствомъ будемъ слѣдить за смысломъ молитвословій и богослужебныхъ дѣйствій; напоминаніе св. лицъ и священныхъ событій вещественными знаками, дѣйствіями возбуждаетъ въ молящихся особое молитвенное настроеніе, возвышающее душу человѣка надъ земнымъ и возносящее къ небесному. Мы же цѣлуемъ фотографическія карточки отсутствующихъ дорогихъ намъ людей, портретъ напоминаетъ намъ близкаго человѣка и возбуждаетъ въ насъ и воспоминаніе о немъ и горячее къ нему чувство! Такъ почему же Толстой и вообще раціоналисты не признаютъ иконъ, какъ изображенія дорогихъ намъ существъ: Богъ для истиннаго христіанина—самое дорогое, самое милое существо, дороже, милѣе отца съ матерью, и желаніе имѣть у себя изображеніе дорогого лица такъ естественно, такъ раціонально, а потому Толстой и раціоналисты, отвергая иконы, обряды, не раціональны. Вѣдь самъ Спаситель въ молитвѣ „палъ“ на землю (Мѳ. 26, 29), преклонялъ колѣни, возводилъ глаза къ небу (Ін. 11, 41), исцѣлилъ слѣпорожденнаго грязью отъ плюновенія и умовенія глазъ въ купели, самъ умылъ ноги учениковъ своихъ въ знакъ примѣра смиренія, самъ крестился въ водѣ и установилъ погруженіе въ воду при крещеніи (Лк. 3, 5 и 22—23; Мѳ. 28, 19); вѣдь апостолы употребляли и воду для купанья, т. е. крещенія, и масло (Марк. 6, 13; посл. ап. Іакова 5, 14): ап. Павелъ *„желаетъ, чтобы на всякомъ мѣстѣ про-*

износили молитвы мужи, воздѣвая руки" (1 Тимоѳ. 2, 8); вѣдь по Божьему повелѣнію учреждены были скинія и храмъ, порядокъ совершенія богослуженія съ его обрядами въ Ветхомъ Завѣтѣ! Все это доказываетъ необходимость и тѣлодвиженій при молитвѣ и обрядовъ при богослуженіи. Поэтому неправы тѣ, которые отвергаютъ обрядовую сторону церкви и говорятъ, что обряды противны духу христіанскому. Истинная молитва и богослуженіе—это молитва „въ духѣ и истинѣ", выражаемая во внѣшнихъ тѣлесныхъ движеніяхъ и обрядахъ: молитва въ одномъ духѣ вообще несвойственна природѣ человѣка, и одни внѣшнія тѣлодвиженія и обряды безъ внутренняго движенія души безсодержательны и даже противны Богу: „*приближаются ко Мнѣ*", сказано въ Евангеліи, „*люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня, но тщетно чтутъ Меня*" (Мѳ. 15, 8; Исаіи 29, 13).

Наши православные по отношенію къ церковнымъ обрядамъ по своимъ убѣжденіямъ распались на двѣ противоположности: одни, причисляющіе себя къ „сознательнымъ", не видятъ смысла въ нихъ, какъ и Толстой: нужно, говорятъ, молиться духомъ, непосредственно обращаться къ Богу; другіе, въ большинствѣ простой народъ, также, не понимая смысла обрядовъ, всю суть видятъ въ нихъ однихъ безъ внутренняго содержанія. Тѣ и другіе, безспорно, неправы, потому что судятъ односторонне. Первые отвергаютъ ихъ еще потому, что видятъ иногда небрежное совершеніе богослуженій священнослужителями, и наружное, только внѣшнее исполненіе ихъ переносятъ на самое значеніе обрядовъ, обвиняютъ всю православную церковь въ уклоненіи въ обрядность, даже говорятъ: если обряды совершаются небрежно, то ихъ совсѣмъ ненужно. Смѣшивать исполненіе съ самымъ, такъ сказать, произведеніемъ не разумно. Это все равно, если бы я, прослушавши плохую игру музыканта, сказалъ, что соната Бетховена никуда не годна. Несправедливо обвинять всю церковь за дурное, небрежное исполненіе богослуженій лишь нѣкоторыми священнослужителями: есть много таковыхъ, которые всецѣло погружаются въ молитву, съ полнымъ благоговѣніемъ совершаютъ таинства, проникновен-

но произносятъ каждое слово молитвы, однимъ словомъ, въ это время живутъ въ Богѣ. А когда сами священнослужители проникаются высокимъ молитвеннымъ чувствомъ, а не отправляютъ богослуженіе механически, какъ повинность, тогда неотразимо сильно дѣйствуютъ и на присутствующихъ. Литература выставляетъ много примѣровъ, какъ такое богослуженіе заражаетъ людей, даже равнодушныхъ къ религіи и отрицательно относящихся къ богослуженію православной церкви, и какъ таковые, случается, уходятъ изъ храма съ новымъ чувствомъ, съ размягченіемъ окаменѣлаго сердца. Покойный о. Іоаннъ Кронштадтскій весь жилъ въ молитвѣ при совершеніи богослуженій до забвенія всего мірского, всего окружающаго, и это его внутреннее духовное состояніе передавалось молящимся и охватывало ихъ: слышались всхлипыванія, слышалась горячая вслухъ молитва. Случалось мнѣ бывать въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ: захудалый старикъ-священникъ, ветхій псаломщикъ съ надтреснутымъ, дребезжащимъ голосомъ поютъ, читаютъ, молятся, но какъ?—чувствуешь, что они бесѣдуютъ лицомъ къ лицу съ Отцомъ своимъ небеснымъ, повѣдаютъ ему свое горе, нужды, и такъ исполняютъ обряды, что становятся ясными смыслъ и значеніе ихъ, и самъ я проникался такимъ же чувствомъ, благодаря ихъ вліянію, и во мнѣ возникала сердечная молитва. Но, къ несчастію, дѣйствительно нѣкоторые изъ пастырей очень повинны въ томъ, что, благодаря ихъ формально холодному отношенію къ богослуженію, внѣшнему исполненію обрядовъ безъ проникновенія чувства, міряне все болѣе и болѣе охладѣваютъ къ церкви; такіе пастыри очень повинны въ ослабленіи религіи въ народѣ.— Да проститъ имъ Господь!—Можетъ-быть, и Толстой отрицательно отнесся къ православному богослуженію съ его обрядами именно потому, что въ большинствѣ видѣлъ одно только внѣшнее, формальное выполненіе ихъ. Значитъ, какой же тяжкій грѣхъ берутъ на себя тѣ священно-служители, которые своимъ небрежнымъ исполненіемъ богослуженій способствуютъ отпаденію православныхъ въ невѣріе или иновѣріе!

Такимъ образомъ, съ одной стороны, непониманіе смысла и значенія церковныхъ обрядовъ, съ другой, иногда небрежное совершеніе

ихъ служатъ причиною отрицательнаго къ нимъ отношенія многихъ слабовѣрныхъ. Нужно всегда судить по существу, а не по внѣшности; не нужно и порицать тѣ или другіе недостатки совершителей обрядовъ: почемъ мы знаемъ внутреннее ихъ состояніе и обстоятельства, понуждающія ихъ къ этому? Мы привыкли къ осужденію, особенно духовенства, порицаніе вошло у насъ въ обычай, и этимъ будто высказываемъ свою прогрессивность; а подсчитаемъ: много ли во всѣхъ другихъ слояхъ общества исполняющихъ свою должность добросовѣстно?—вѣдь, право, лишь единицы. Такъ и здѣсь: изъ-за нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ осуждаемъ все духовенство и даже переносимъ на самое богослуженіе.

Лекція III.

Евангеліе Толстого.

Изъ предыдущихъ моихъ лекцій, полагаю, достаточно выяснилось, насколько непогрѣшимъ Толстой въ своемъ ученіи, насколько здраво онъ понялъ и истолковалъ ученіе Христа, которое признавалъ высокочистымъ и истиннымъ, но искаженнымъ и затемненнымъ грубымъ суевѣріемъ. Но на этомъ онъ не остановился: чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ подвергъ критикѣ не одно ученіе Христа, а всѣ евангельскія сказанія о Немъ и составилъ свое матеріалистическое евангеліе, въ которомъ изобразилъ Христа хотя мудрымъ, но простымъ человѣкомъ, и потому передѣлалъ по своему или отвергъ всѣ разсказы, въ которыхъ заключалось что-либо чудесное. Такой пріемъ толкованія не новъ: до него раціоналисты развѣнчали Іисуса въ простого человѣка и чудесныя евангельскія сказанія причислили къ естественнымъ событіямъ или къ миѳамъ, таковы были Штраусъ (его соч. „Das Leben Jesü“), Ренанъ, Гарнакъ, Ревилль и др.; до него раціоналисты употребляли разные пріемы для низведенія сверхъестественныхъ чудесныхъ событій въ естественныя: а) визіонерную теорію, которая объясняетъ чудесныя явленія галлюцинаціями апо-

столовъ, напр. хожденіе Христа по водѣ, явленіе Его послѣ воскресенія, б) физическое объясненіе, которое видитъ, напр., въ исцѣленіи больныхъ Спасителемъ естественное лѣченіе или внушеніемъ или лѣкарствомъ, хожденіе Христа по морю переиначиваетъ въ хожденіе при морѣ, т. е. по берегу, в) символическую или аллегорическую теорію и г) миѳическій пріемъ. И всѣ эти враждебные Евангелію пріемы толкованія сводятся собственно къ двумъ далеко ненаучнымъ методамъ: 1) предвзятому отрицанію сверхъестественнаго элемента или чудесъ въ евангельской исторіи и 2) примѣненію эволюціоннаго метода. Для примѣра возьмемъ толкованіе Ревилля, который говоритъ (I, 255—257), что „Логосъ—свѣтъ міру для духовно-слѣпыхъ", также и Толстой объясняетъ, какъ увидимъ далѣе, чудо исцѣленія слѣпорожденнаго не дарованіемъ тѣлеснаго зрѣнія, а просвѣтленіемъ духовныхъ очей, просвѣщеніемъ разума. Обратите вниманіе на методъ, употребленный Толстымъ въ изложеніи евангельскихъ событій, и вы увидите, что онъ совершенно игнорировалъ научные историческіе методы объясненія и основался только на своемъ разумѣ. Евангеліе его построено на предвзятомъ взглядѣ. Но обратимся къ самому тексту евангелія Толстого и сдѣлаемъ изъ него выдержки.

„Блажени нищіе—бездомные, потому что они—въ волѣ Отца. Если они поголодаютъ, они насытятся; если они погорюютъ и поплачутъ,—они утѣшатся" [1]).

Въ Евангеліи сказано: *„нищіе духомъ"*, а не бездомные, т. е. не имѣющіе имущества, пристанища. По Толстому выходитъ, что только бѣдные—блаженны, а имѣющіе достатокъ—не блаженны. Впрочемъ онъ не всѣхъ бездомныхъ, нищихъ считаетъ блаженными, а тѣхъ, которые—„нищіе по душѣ". А что значитъ „по душѣ",—это видно изъ его дальнѣйшихъ словъ: „Вы блаженны, если вы знаете, что истинное счастіе въ томъ, чтобы быть бездомнымъ, нищимъ". Слѣд., блаженны не только не имѣющіе никакихъ средствъ, но и сознающіе при этомъ, что нищенство—счастіе. Толстой не понялъ мысли Христа, что нищіе духомъ суть смиренные, а

---

1) 237.

не бѣдные. Какъ правильно понять это выраженіе, Христосъ объяснилъ въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ. Толстой еще большее значеніе придаетъ нищенству: „только нищіе", говоритъ онъ, „могутъ благовѣствовать, научить разумной жизни" [1]). Въ такомъ смыслѣ и Толстой не могъ научить разумной жизни, потому что онъ не былъ нищимъ, однако взялся учить. Что-то странно и даже дико.

Читаемъ въ евангеліи Толстого: „Іисусъ увидѣлъ, что онъ (разслабленный) старъ, и сказалъ ему: хочешь выздоровѣть? Тотъ сказалъ: хочу, да нѣтъ у меня человѣка, чтобы ввести въ воду во́время... Сказалъ ему Іисусъ: проснись, забери постель и иди" [2]).

Сцена эта по Толстому совсѣмъ не понятна: лежитъ слабый старикъ, не можетъ двинуться; Іисусъ съ нимъ разговариваетъ и сказалъ: „хочешь выздоровѣть? проснись"! и старикъ всталъ, взялъ постель и пошелъ. По точному смыслу сказанія Толстого—человѣкъ былъ слабъ отъ старости, а не отъ болѣзни разслабленія, и Іисусъ возвратилъ ему крѣпость силъ, бодрость; но къ чему здѣсь „проснись?—вѣдь больной не спалъ, и почему послѣ словъ Христа онъ могъ подняться, взять даже постель и итти? и зачѣмъ понадобилось Толстому и на какомъ основаніи обратить разслабленнаго, т. е. больного, а не слабаго, о лѣтахъ котораго въ Евангеліи не сказано, въ слабаго старика? Какъ ни старался Толстой избѣгать чуда, все-таки пришлось: изъ его же словъ видно, что больной выздоровѣлъ тотчасъ же послѣ словъ Спасителя.

Толстой говоритъ: „Іисусъ сказалъ ученикамъ: никакъ нельзя быть богатымъ и исполнить волю Отца" [3]).

Въ Евангеліи сказано: „*трудно*", а не „нельзя". По Толстому выходитъ, что всѣ богатые не могутъ исполнять волю Божію. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же самъ Толстой стремился исполнять волю Божію, какъ онъ постоянно говорилъ, когда ему, какъ богатому,

---

1) 843.
2) 244.
3) Стр. 257.

нельзя этого сдѣлать? А Авраамъ, а Давидъ—царь? вѣдь они были богаты.

Читаемъ въ евангеліи Толстого: „Авраамъ, вашъ отецъ, видѣлъ и радовался на Мое разумѣніе. Іудеи сказали: Тебѣ 30 лѣтъ; какъ же Ты могъ жить при Авраамѣ? Онъ сказалъ: прежде чѣмъ былъ Авраамъ, было разумѣніе добра, то, что я говорю“ 1).

Въ Евангеліи сказано: „*Рѣша убо іудеи къ нему: пятьдесятъ лѣтъ не у имаши*“. Зачѣмъ же Толстой перефразировалъ: „Тебѣ 30 лѣтъ“? Въ Евангеліи Христосъ говоритъ: „*прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*“, т. е. Я существую раньше Авраама, и за эти именно слова іудеи „*взяли камни, чтобы бросить въ Него*“. Ни о какомъ „разумѣніи“ здѣсь и рѣчи нѣтъ. Ясенъ смыслъ, что Христосъ говорилъ о своей вѣчности. Иначе было бы не понятно, за что же евреи хотѣли побить Его камнями. Самое выраженіе Толстого „Мое разумѣніе“ указываетъ, что Авраамъ видѣлъ разумѣніе Христа; но какъ онъ могъ видѣть Его разумѣніе, когда Его самого не видѣлъ: Христосъ жилъ на землѣ позднѣе Авраама на 2000 лѣтъ? 2). Да и евреи поняли не такъ, какъ Толстой, именно поняли, что І. Христосъ говорилъ имъ о своемъ существованіи еще до Авраама. Почему слово „Христосъ“ означаетъ „разумѣніе“, а не самого Іисуса, какъ человѣка, Толстой не привелъ никакихъ основаній. Онъ въ другомъ мѣстѣ своего евангелія болѣе опредѣленно высказалъ, будто самъ Іисусъ подъ Христомъ понималъ разумѣніе. Читаемъ въ его евангеліи: Тогда Христосъ сказалъ имъ: какъ же Давидъ называетъ Христа своимъ Господомъ? Христосъ не сынъ Давида и ничей сынъ (по плоти), а Христосъ—это тотъ самъ Господь, Владыка нашъ, котораго мы знаемъ въ себѣ, какъ жизнь нашу. Христосъ—это то разумѣніе, которое есть въ насъ“. Прочитайте въ Евангеліи отъ Марка г. 12 ст. 35—37 и увидите, что Іисусъ

---

1) Стр. 263.
2) Авраамъ родился за 2040 лѣтъ до Р. Хр.

совсѣмъ иначе говорилъ, и Толстой все это сочинилъ. Итакъ по Толстому „Христосъ—это самъ Господь, прославляющiйся въ насъ, какъ наше разумѣнiе, или Господь—это наше разумѣнiе; так. образ. Толстой отожествляетъ наше разумѣнiе съ Господомъ, Владыкою. Ставимъ въ его текстѣ на мѣсто слова „Христосъ“ разумѣнiе, получаемъ: „Тогда разумѣнiе сказало намъ“. Еще въ его евангелiи: „Христосъ молился въ саду Геѳсиманскомъ“, т. е. разумѣнiе молилось въ саду. Въ Евангелiи Спаситель говоритъ: „*Христосъ есть Сынъ Давидовъ*“, значитъ, разумѣнiе есть сынъ Давидовъ. Ну не абсурдъ ли? Если Христосъ—разумѣнiе, то Толстой никакъ не долженъ былъ называть Iисуса Христомъ.

Въ евангелiи Толстого читаемъ: „По дорогѣ увидѣлъ Iисусъ человѣка, темнаго отъ рожденiя. И спросили ученики: кто виноватъ въ томъ, что человѣкъ этотъ отъ рожденiя темный? Онъ или родные его за то, что не научили его?.... Спрашивали его правовѣрные, какъ онъ сталъ понимать все, когда прежде былъ темный“? [1])

Въ Евангелiи сказано: „*слѣпого отъ рожденiя*“, а не „темнаго.“ Удивительно выходитъ по Толстому: какъ могли апостолы, евреи, синедрiонъ знать, что этотъ человѣкъ неразумный, не просвѣщенный, а потомъ вдругъ просвѣтился? чему удивился синедрiонъ, и почему было цѣлое судебное разслѣдованiе такого естественнаго случая? если Iисусъ научилъ, то что тутъ особеннаго, что всѣхъ взволновало? если этотъ человѣкъ былъ идiотъ (такъ нужно понимать слова Толстого потому, что сказано: „отъ рожденiя“), то какъ могли родные его научить и какъ могъ самъ Iисусъ мгновенно его просвѣтить? развѣ отъ грязи, образовавшейся отъ плюновенiя, и отъ умовенiя глазъ въ купели могъ просвѣтиться умъ этого человѣка? Странный способъ Христа грязью учить людей. Впрочемъ Толстой объ этомъ умалчиваетъ. Вотъ вопросы, возникающiе изъ разсказа Толстого. Удивительное извращенiе факта, не имѣющее даже здраваго смысла.

---

1) Стр. 263.

Въ евангеліи Толстого читаемъ: „Отманивать ребенка отъ добра, соблазнить его такъ же дурно, какъ повѣсить такому ребенку жерновъ на шею и бросить въ воду. Трудно, чтобы выплылъ, а скорѣе потонетъ[1])“.

Смыслъ совершенно извращенъ: въ Евангеліи (Мѳ. 18, 6) говорится, что *соблазнившему* лучше надѣть жерновъ на шею да броситься въ море, а не ребенку, т. е. Спаситель учитъ: „кто соблазнитъ одного отъ малыхъ сихъ, тотъ понесетъ страшное наказаніе“. Смыслъ словъ Христа совершенно ясенъ, и не понятно: зачѣмъ понадобилось Толстому иначе представить, да и на какомъ основаніи онъ влагаетъ въ уста Христа свои собственныя слова? Въ словахъ Христа страшная угроза соблазнителю, а въ словахъ Толстого никакой угрозы ему нѣтъ, лишь только сказано, что онъ „дурно“ дѣлаетъ; угроза собственно соблазненному ребенку. Так. образ. виновникъ остается безнаказаннымъ, а потерпитъ одинъ соблазненный.

Въ евангеліи Толстого сказано: „Оброчникъ пошелъ домой и увидѣлъ мужика. Долженъ былъ ему этотъ мужикъ 50 копеекъ... позвалъ царь оброчника и говоритъ ему: я тебѣ, злая собака, весь оброкъ простилъ... и прогнѣвался царь и отдалъ оброчника своего на пытку.“

Въ Евангеліи (Мѳ. 18, 28—34) сказано: „*долгъ, должника*“, а у Толстого: „оброкъ, мужика“. Толстой вложилъ въ уста царя, подъ которымъ разумѣется Богъ, низкую брань: „злая собака“, что недостойно и даже кощунственно. Какъ величава притча Христа и какъ вульгаренъ разсказъ Толстого!

Въ евангеліи Толстого читаемъ: „Вѣдь сами знаете, какъ завяжетесь на землѣ, таковы будете передъ Отцомъ. А какъ развяжетесь на землѣ, будете развязаны и передъ Отцомъ“. [2])

Въ Евангеліи (Мѳ. 18, 18) иначе сказано: „*аще свяжете на земли, разрѣшите*“, а не свяжетесь сами. Свяжете по-гречески

---

1) Стр. 273.

2) Стр. 274.

δήσητε, разрѣшите- -λύσητε—залогъ дѣйств., а не возвратный; поэтому смыслъ совершенно другой: въ Евангеліи Спаситель даетъ право апостоламъ разрѣшать, прощать грѣхи, а Толстой говоритъ о каждомъ, какъ каждый на землѣ „себя“ поведетъ. Переводъ сдѣланъ имъ, какъ видите, невѣрно или намѣренно,съ предвзятою мыслью, чтобы оправдать словами Христа свое ученіе о непризнаніи іерархіи, власти апостоловъ, таинства покаянія, или по незнанію греческаго языка. Та или другая причина, но суть въ томъ, что переводъ невѣренъ, и Толстой, так. образ., не имѣлъ права похваляться, что онъ только правильно перевелъ Евангеліе.

Подати.

Въ евангеліи Толстого читаемъ: „Подошли разъ сборщики податей къ Петру и спросили его: что же учитель вашъ, или не платитъ подати? Петръ сказалъ: нѣтъ, не платитъ. Тогда Іисусъ сказалъ ему: царь вѣдь не беретъ съ своихъ сыновей подати, и. кромѣ царя, они никому не обязаны платить. Такъ? Такъ вотъ также и мы. Если мы сыновья Бога, то мы никому, кромѣ Бога, ничѣмъ не обязаны и свободны отъ всякихъ обязанностей, и если потребуютъ съ тебя подати, то отдай. но не потому, что ты обязанъ, но потому, что нельзя противиться злу. А то противленіе злу произведетъ худшее зло“ 1).

У Толстого выходитъ, что Спаситель не признаетъ податей, и въ этомъ смыслѣ спрашиваютъ Петра и евреи; затѣмъ Спаситель будто говорилъ, что „мы никому, кромѣ Бога, ничѣмъ не обязаны, что подати—зло“. И всѣ эти слова, во-1-хъ, самого Толстого, а не Іисуса—Іисусъ такъ не говорилъ, во-2-хъ, совершенно извращаютъ смыслъ словъ Христа по Евангелію (Мѳ. 17, 24—27). Кромѣ этого, Толстой опустилъ разсказъ о чудѣ извлеченія монеты изъ пойманной рыбы, грубо поддѣлалъ слова Петра и сборщиковъ: Петръ отвѣтилъ: „*ей*“, въ греческомъ текстѣ Евангелія „ναί“, въ латин-

---

1) Стр. 275.

скомъ „etiam“, во французскомъ „oui“, а по-русски „да“, а не „нѣтъ“—опять переводъ невѣренъ; слова сборщиковъ: *„не дастъ ли дидрахмы“*—не обозначаютъ: „или не платитъ подати“. Какая клевета на Христа, будто Онъ противъ податей и считаетъ ихъ зломъ! Толстой упустилъ, видимо, изъ виду слова Христа: *„воздадите кесареви кесарю“*. Смыслъ спрашиванія Христа у Петра тотъ, чтобы подтвердить Петру, что Онъ—Сынъ Божій, Сынъ Царя небеснаго, а не тотъ, что подати считалъ зломъ. Итакъ Христосъ и Петръ ничего такого не говорили, что имъ приписалъ Толстой.

Отказываемся понимать: почему Толстой считаетъ подати зломъ? Что такое подати? Это—складчина членовъ общества или цѣлаго государства на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ. Я одинъ не въ состояніи устроить водопроводъ, мостовую, мосты, электрическое освѣщеніе, защитить себя отъ враговъ и пр. и пр., и вотъ всѣ жители общества или государства понемногу удѣляютъ отъ себя на всѣ государственныя нужды, и получается общее благосостояніе—и покойная жизнь, и удобства, и вообще культура, которая постепенно улучшаетъ условія жизни людей. Какое же это зло? А вотъ зло, что многіе, въ этомъ числѣ и Толстой, сами пользуясь благами культуры, общегосударственными заботами о ихъ благосостояніи, считаютъ подати излишними, зломъ. Тогда не можетъ быть культуры, вся общественная жизнь замретъ.

Государство.

На томъ же основаніи невозможно себѣ представить, какъ можно жить внѣ государства не имѣть войска, суда, собственности,какъ объ этомъ учитъ Толстой въ брошюрѣ „О половомъ вопросѣ“. [1]) „Не можетъ быть“, говоритъ онъ, „ни христіанской собственности, ни христіанскаго войска, ни суда, ни государства“. Толстой никакого не имѣлъ основанія такъ говорить; прибавленіе слова „христіанскаго“ здѣсь—клевета на христіанство: Спаситель призналъ царя,

1) стр. 15.

призналъ власть правителя Пилата, слѣд. призналъ и государство; апостолы учредили общественную столовую, собирали добровольныя жертвованія на общественныя нужды, а это не то же ли христіанское государство только маленькое? апостолы писали: *„повинуйтесь властямъ, почитайте пастырей“*, а отвергать апостоловъ значитъ отвергать Христа, какъ это уже раньше выяснено.

Толстой говоритъ: „нѣтъ христіанскаго государства“,—это значитъ, что нѣтъ самаго христіанства, и такое ученіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и вотъ почему: какъ каждый въ отдѣльности человѣкъ, такъ и цѣлое общество живутъ сообразно своимъ убѣжденіямъ: если человѣкъ—христіанинъ, то онъ и устраиваетъ свою жизнь по духу ученія Христа, если магометанинъ, то по ученію Магомета, еврей — по Талмуду, толстовцы—по ученію Толстого; каковы убѣжденія, такова и жизнь. Это не требуетъ доказательствъ. Религія —это цементъ, крѣпко связывающій людей одного вѣрованія, это—живительная влага, соки, проникающіе въ почву и дающіе жизнь растеніямъ. Слѣд., если государство состоитъ изъ христіанъ, то оно есть христіанское по духу и образу жизни. Владим. Соловьевъ, извѣстный философъ, говоритъ: „Внѣшняя государственная жизнь основывается на внутренней духовной сторонѣ человѣка... Какъ только государство и общество признали себя христіанами, такая теократическая точка зрѣнія становится для нихъ нравственно-обязательною“ (т. IV стр. 83). И самъ Толстой высказалъ: „основа всякой человѣческой жизни есть религіозное жизнепониманіе. На основаніи религіи складывается вся жизнь человѣка, направляется вся его дѣятельность“ (V 382). Такъ какъ же онъ могъ сказать, что нѣтъ христіанскаго государства!

Но онъ отвергаетъ не только христіанское государство, а и всякое, проповѣдуетъ космополитизмъ. Такъ онъ учитъ: „Человѣкъ не долженъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ предпочитать людей своего народа или государства людямъ другого народа или государства“ (стр. 805). Нужно ли говорить, что космополитизмъ уже получилъ оцѣнку и признанъ не соотвѣтствующимъ ни природѣ человѣка, ни реальному его значенію?

Космополитизмъ вытекаетъ изъ сознанія единства человѣческаго рода, въ силу чего интересы частные подчиняются общему благу человѣчества, какъ цѣлаго. Съ этой точки зрѣнія космополитизмъ имѣетъ рѣшительное значеніе: благо цѣлаго человѣчества, конечно, стоитъ выше блага частей его. Современная политика Австріи, какъ эгоистическая, осуждается всѣми честными, справедливыми людьми, бурская война, какъ слѣдствіе эгоизма Англіи, возбудила недовольство почти всего свѣта. Благо болѣе мелкой части—семьи должно стоять ниже блага всего государства. Такъ до сихъ поръ смотрѣли высокіе любовью къ отечеству граждане: патр. Гермогенъ, Сусанинъ, Мининъ, Пожарскій и безчисленное число другихъ патріотовъ, положившихъ „животъ свой“ за отечество. Возможно ли вырвать у человѣка такую любовь, не противно ли всей его природѣ? Какимъ ореоломъ величія окруженъ подвигъ Жанны д'Аркъ, Сусанина, патр. Гермогена и подобныхъ имъ! и какимъ позоромъ клеймятся измѣнники отечеству, а космополиты въ сущности измѣнники ему! Что же? Толстой и природу человѣка хочетъ переработать по-своему? Вспомнимъ статью Карамзина „О любви къ отечеству и народной гордости“. Эта статья ясно доказываетъ ложность положенія Толстого. Христосъ, правда, училъ всѣхъ любить и на себѣ эту любовь показалъ: умеръ за „весь“ родъ человѣческій, хотя Толстой и отвергаетъ это, и апостолъ говоритъ, что во Христѣ нѣтъ ни іудея, ни еллина, ни раба, ни свободнаго, но это относится къ царству Христову, которое не отъ міра сего, и мы—христіане должны любить всѣхъ, какъ братьевъ и сестеръ во Христѣ. Спаситель и апостолы различаютъ личное отношеніе къ людямъ отъ отношенія къ цѣлому государству, урегулируютъ любовь семейную, отечественную и ко всѣмъ людямъ—это выяснимъ далѣе, увидимъ, что Христосъ допускаетъ войны, какъ неизбѣжное, допускаетъ суды и наказаніе за преступленіе, а все это принадлежитъ государству съ его строемъ. Такъ понимаетъ и Вл. Соловьевъ, который истинную идею патріотизма выводитъ изъ сущности христіанскаго начала: „Въ естественной любви и нравственныхъ обязанностяхъ къ своему отечеству“, говорилъ онъ, „полагать его интересъ и достоинство главнымъ образомъ въ тѣхъ высшихъ благахъ, которыя не

раздѣляютъ, а соединяютъ людей и народы". Отсюда ясна несостоятельность космополитическихъ взглядовъ Толстого, а тѣмъ болѣе космополитизмъ не примѣнимъ къ современному положенію государствъ. Пусть Толстой сдѣлаетъ всѣхъ людей всего міра агнцами, тогда примемъ его ученіе; но пока существуютъ овцы и волки, не можетъ быть космополитическаго строя жизни, будетъ лишь безцѣльное страданіе однихъ и еще большее озвѣреніе другихъ.

Судъ.

Какъ же нѣтъ христіанскаго суда, когда Спаситель самъ подчинился суду, самъ сказалъ: *„Повѣждь церкви, если и церкви не послушаетъ, да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь"* (Мѳ. XVII, 17), т. е. такой человѣкъ долженъ быть удаленъ изъ общества христіанъ по приговору членовъ его, —когда апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳ. (6, 10) *„не велитъ судиться у нечестивыхъ, а велитъ судиться лишь у святыхъ"*, когда апостолъ Петръ осудилъ Ананію съ женою за обманъ, и тѣ оба были наказаны смертью?

Слова Христа: *„Не судите и не будете судимы, не осуждайте, и не будете осуждены"* (Мѳ. VII, 1, Лук. VI, 37) Толстой относитъ къ суду, а не къ злословію: „сердце и здравый смыслъ" его такъ ему отвѣтили, и „это его поразило" (7, V, 382). Въ заграничномъ изданіи онъ такъ и перевелъ: „не судись", и такое пониманіе будто бы вытекаетъ изъ точнаго перевода греческихъ словъ χρίνω—сужу и καταδιχάξω—осуждаю. Но χρίνετε —2-е лицо множ. числа дѣйств. залога, а не взаимнаго, поэтому точный переводъ: „не судите", а не „не судись", и означаетъ, какъ и самъ Толстой говоритъ, и судъ и злословіе. Καταδιχάξω дѣйствительно означаетъ только „приговаривать по суду", и это особенно подчеркиваетъ Толстой; но въ греческомъ Евангеліи Buttmann'a съ исправленнаго Ватиканскаго у Матѳея слова καταδιχάξω совсѣмъ нѣтъ, у Луки употреблено διχάξω (διχάξετε) безъ предлога κατα, διχάξω же означаетъ и приговаривать по суду и осуждать въ смыслѣ злоречія; то же двойное значеніе имѣетъ слово „judico"—судить,

„condemno“—осуждать въ латинскомъ Евангеліи. Так. обр. утвержденіе Толстого, что слова: „не судите, не осуждайте“ при переводѣ съ греческаго имѣютъ значеніе только суда юридическаго, не выдерживаетъ критики. Если даже примемъ слово καταδικάζω въ толкованіи Толстого, то и въ этомъ значеніи не нарушается толкованіе христіанской церкви въ смыслѣ злословія: осуждающій беретъ на себя роль судьи и, какъ судья, постановляетъ свой приговоръ. Почему же Толстой въ заграничномъ изданіи переводитъ: „не судись“, а въ соч. „Въ чемъ моя вѣра“—„не судите“?

Его сердце и здравый смыслъ такъ отвѣтили ему, а мое сердце и мой здравый смыслъ, а также всѣхъ христіанъ въ теченіе почти 2-хъ тысячъ лѣтъ говорятъ иное. Мой здравый смыслъ даетъ такое толкованіе этимъ словамъ Христа: „не судите“, значитъ, не разбирайте поступковъ другого, и по разборѣ ихъ, если они окажутся, по вашему мнѣнію, дурными, не злословьте, не налагайте своего приговора, потому что, говоритъ Спаситель въ другомъ мѣстѣ, вы сами имѣете больше недостатковъ: *„въ чужомъ глазу соринку видите, а въ своемъ не видите и бревна“*. Эти два изреченія Христа взаимно дополняютъ одно другое. Что такъ нужно понимать, видно, во-1-хъ, изъ того, что Христосъ сказалъ эти слова всему народу, а не судьямъ, а говорить, напр., мнѣ: „не суди“, когда я не судья, не имѣетъ смысла, и эта заповѣдь находится въ связи съ ученіемъ Его, обращеннымъ ко всему народу, о милосердіи, о воздаяніи добромъ за зло, какъ и Толстой понимаетъ; во-2-хъ, Христосъ на просьбу одного еврея, чтобы сказалъ его брату раздѣлить съ нимъ имѣніе, отвѣтилъ: *„кто Меня поставилъ судьею*? (Лук. 12, 13—14) и этимъ отвѣтомъ указалъ, что только судья имѣетъ право судить, а не частный человѣкъ, и, так. обр., призналъ судъ государственный; въ—3-хъ, если бы эти слова имѣли значеніе „приговаривать по суду“, то враги Христа непремѣнно поставили бы ихъ Ему въ вину, что Онъ отвергаетъ суды и тѣмъ подрываетъ власть правителя Пилата, однако въ этомъ никто Его не обвинялъ. Так. обр. слова Спасителя: *„не судите, и не судимы будете“*—имѣютъ нравственное значеніе, а не юридическое, судеб-

ное.—Мой здравый смыслъ доказываетъ необходимость суда также и практическою необходимостью: судъ вызывается насиліемъ, обидою, и если обидчиковъ, насильниковъ не сдерживать судомъ, то ихъ дерзость, алчность будетъ все усиливаться; судъ же ставитъ ихъ въ должныя границы, и, так. об., съ одной стороны, уничтожаетъ зло и не даетъ ему болѣе развиваться, съ другой, избавляетъ слабыхъ отъ страданій, горя. Слѣдов. судъ вноситъ въ жизнь одно добро, и Толстой тѣмъ, что отвергаетъ судъ, ратуетъ противъ добра.

Къ вопросу о судѣ придется намъ вернуться при обсужденіи вопроса о войнѣ, непротивленіи злу, какъ имѣющихъ связь между собою, а потому перехожу къ войнѣ и смертной казни.

Война и смертная казнь.

Толстой отвергаетъ войну, отвергаетъ христіанское войско, смертную казнь, какъ несогласныя съ заповѣдью о любви къ ближнему, противныя заповѣди: „*не убій*“, „непротивленія злу“. Обсудимъ эти весьма серьезные вопросы.

Изъ исторіи мы знаемъ, что христіане съ первыхъ же вѣковъ несли военную службу, не уклонялись отъ нея, сражались. Припомнимъ историческій разсказъ, какъ въ 312 г. Константинъ императоръ въ войнѣ съ Максентіемъ, увидѣвши предъ закатомъ солнца на небѣ сіяющій крестъ и надъ нимъ слова изъ звѣздъ: ἐν τοῦτῳ νικᾶ („симъ побѣждай“), а ночью во снѣ Христа съ тѣмъ же свѣтлымъ знаменіемъ, повелѣлъ устроить знамя (labarum) на подобіе креста, и воины—христіане, бывшіе въ его войскѣ, такъ этимъ воодушевились, что войско Константина разбило болѣе многочисленное войско Максентія [1]). Корнелій, сотникъ изъ Италійскаго полка, за свою добродѣтельную жизнь сподобился видѣнія ангела, даже изліянія на него Духа Святого послѣ крещенія его ап. Петромъ (Дѣян. гл. 10); слѣдов., военная служба не препятствуетъ быть истиннымъ христіаниномъ и получать благодать Божію: ап. Петръ не сказалъ ему, что онъ, какъ обра-

---

1) Лѣтопись церковныхъ событій—архим. Арсенія.

щенный въ христіанство, долженъ оставить военную службу. Значитъ, христіанское войско было.

Обратимся къ Евангелію. Іоаннъ Креститель отвѣтилъ воинамъ: *„никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ“* (Лук. 3,14), но не сказалъ: „не воюйте, на войну не ходите, не убивайте“. Спаситель пророчествуетъ о будущихъ войнахъ, по поводу которыхъ добавляетъ: *„подобаетъ бо всѣмъ симъ быти“* (Мѳ. 24, 6). Значитъ, самъ Богъ такъ заранѣе предузналъ и предопредѣлилъ. Въ притчѣ о виноградаряхъ (Марк. 12, 9) Христосъ уже прямо утверждаетъ, что хозяинъ виноградника придетъ и предастъ смерти виноградарей, а въ этой притчѣ заключается пророчество Христа о преданіи смерти евреевъ черезъ римлянъ за убіеніе сына хозяина—Сына Божія, что въ 70-мъ году и исполнилось; то же Христосъ сказалъ въ притчѣ о талантахъ, то же въ Евангеліи Іоан. гл. 18 ст. 36: *„если бы отъ міра было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня“*, т. е. оружіемъ защитили бы Его. Что Богъ караетъ людей смертью за нечестіе иногда не самъ непосредственно, а чрезъ другихъ людей, которые являются исполнителями Его воли,—это высказано Спасителемъ по поводу умерщвленія Пилатомъ галилеянъ, кровь которыхъ онъ смѣшалъ съ жертвами ихъ: *„если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“* (Лук. 13, 3), т. е. Богъ опредѣлилъ Пилату быть исполнителемъ наказанія смертью. А еще опредѣленнѣе и яснѣе Христосъ высказалъ эту мысль въ своемъ предсказаніи о судьбѣ евреевъ, что Богъ пошлетъ на нихъ войною римлянъ за то, что тѣ не приняли Его, какъ Мессію: такъ въ Евангеліи отъ Луки читаемъ (гл. 19, ст. 43—44): *„Придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружатъ тебя, и стѣснятъ тебя отвсюду, и разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“*. Это предсказаніе Спасителя, какъ и притча о виноградаряхъ, въ точности исполнившееся вскорѣ послѣ Его воскресенія, положительно утверждаетъ, что Богъ самъ посылаетъ враговъ войною на другой народъ убивать, разорять въ наказаніе

за нечестіе. Так. обр. Спаситель говоритъ о войнѣ въ положительномъ смыслѣ; въ Евангеліи нѣтъ отрицательнаго отвѣта. Апостолы Петръ и Павелъ прямо признаютъ царскую и правительственную власть *„для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“*, какъ сказано въ 1-мъ посланіи Петра (2—13—14) и ап. Павла къ Римл. (13, 4). Искупительная казнь Христа, пролитіе Его крови на крестѣ было предопредѣлено Богомъ, и это есть свидѣтельство о признаніи самимъ Богомъ необходимости смертной казни во исполненіе Его правосудія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ еще яснѣе утверждается, что Богъ помогалъ евреямъ истреблять враговъ, даже повелѣлъ истребить окончательно амаликитянъ за ихъ нечестіе (первая кн. цар. 15, 3), и осудилъ Саула за то, что тотъ пощадилъ жизнь царя ихъ Агава; читаемъ въ книгѣ числъ (25, 4—5): *„сказалъ Господь Моисею: возьми всѣхъ начальниковъ народа, и повѣсь ихъ“*... И сказалъ Моисей судьямъ израилевымъ: *„убейте каждый людей своихъ, прилѣпившихся къ Ваалъ-Фегору*, и (ст. 11—13) Богъ наградилъ Финееса за то, *„что онъ показалъ ревность по Богѣ“*—убилъ блудодѣйствовавшихъ еврея Зимри и мадіанитянку Хазву; во времена судей Богъ посылалъ евреямъ избавителей отъ порабощенія иноземцами, и эти судьи „съ помощью Божіею“ истребляли враговъ, какъ, напр., Гедеонъ, Іеффай; Богъ опредѣлилъ казнь за нѣкоторые тяжкіе грѣхи. Нѣтъ надобности перечислять всѣ доказательства изъ Библіи—достаточно приведенныхъ, что самъ Богъ учредилъ суды, наказывающіе преступниковъ даже смертью, самъ Богъ повелѣвалъ вести войны и истреблять людей. Если бы война, смертная казнь были не съ Божьяго соизволенія, тогда Спаситель не сказалъ бы: *„безъ воли Божіей даже волосъ съ головы не падетъ“*. Ясно, что все совершается по волѣ Бога, а тѣмъ болѣе по праведному суду Божьему и Его предопредѣленію на основаніи предвѣдѣнія отнимается жизнь людей. Так. обр. и Евангеліе и Ветхозавѣтная Библія убѣждаютъ насъ, что Господь или самъ непосредственно наказываетъ смертью за беззаконіе, какъ, напр., Онъ умертвилъ Ананію и Сапфиру, Корея, Дафана и Авирона, или посредственно черезъ людей; слѣд. казнь и войны на осно-

нованіи словъ І. Христа и апостоловъ и повелѣній Божіихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ признаются христіанскою религіею.

Толстой и его послѣдователи говорятъ, что людямъ убивать людей противно заповѣди: *„не убій“*, противно ученію Христа о любви къ ближнимъ, противно ученію Толстого о непротивленіи злу. Нѣтъ, убійство на войнѣ, казнь за преступленіе не противорѣчатъ любви къ ближнему: любовь безъ правосудія не есть христіанская любовь, а слабосердечіе, сантиментальность: уничтожьте наказаніе смертью, и увеличатся страданія невинныхъ и жестокость и безсердечіе злыхъ; погибнетъ отъ казни одинъ,—спасутся многіе; погибнетъ тѣло преступника, но можетъ спастись его душа тѣмъ, что прекращены будутъ дальнѣйшія его злодѣянія, все болѣе и болѣе отягчающія его душу; чрезъ покаяніе предъ смертью могутъ быть прощены прежніе его грѣхи: Спаситель за одно слово раскаянія ввелъ разбойника въ рай. Богъ, по ученію христіанской церкви, иногда лишаетъ жизни даже не какъ въ наказаніе, а въ предупрежденіе будущей порочной жизни человѣка, чтобы тѣмъ спасти его душу. По ученію Христа цѣль существованія человѣка на землѣ есть приготовленіе къ будущей небесной жизни; такъ смерть, съ этой точки зрѣнія, не есть даже несчастіе. Ап. Павелъ говоритъ: *„желаю разрѣшиться отъ тѣла, чтобы быть со Христомъ“* (Филип. 1,23). Такъ казнь вызывается любовью ко многимъ жертвамъ преступленія, состраданіемъ и къ самому преступнику, правосудіемъ и безусловнымъ нравственнымъ принципомъ правосуднаго возмездія или справедливости. Законъ возмездія и наказанія отъ природы начертанъ въ душѣ человѣка, въ его разумѣ и совѣсти. Божественный законъ правды неумолимо властвуетъ надъ всѣми: угрызененія совѣсти преступника бываютъ столь мучительны, что нерѣдко преступники предпочитаютъ имъ смерть—самоубійство, отдаютъ себя въ руки правосудія, сходятъ съ ума. Исторія указываетъ случаи, когда отецъ осуждалъ на смерть своихъ сыновей во имя закона, во имя справедливости, хотя душевныя его муки при видѣ казни дѣтей были тяжки до отчаянія. Таковъ былъ, напр., Люцій Брутъ, кото-

рый присудилъ двухъ собственныхъ сыновей къ смерти за заговоръ и самъ присутствовалъ при исполненіи приговора.

Противники войны, казни обыкновенно ссылаются еще на слова Христа: *„Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злу; но кто тебя ударитъ въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“* (Мѳ. 5, 38—39). Но сопоставьте съ этими Его словами Его же слова: *„какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить“* (Мѳ. 7, 2), и *„всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ и погибнутъ“* (Мѳ. 26, 52). Повидимому, здѣсь противорѣчіе: съ одной стороны, полное непротивленіе злу, прощеніе обидъ, съ другой, возмездіе тѣмъ же въ равной мѣрѣ, а выраженіе: *„тою же мѣрою возмѣрится“* —въ сущности то же, что и око за око. Но мы поймемъ, что никакого противорѣчія нѣтъ, когда уяснимъ себѣ смыслъ того и другого ученія Христа. Обратимъ вниманіе, что Богъ запрещаетъ убійство, тотъ же самый Богъ приказываетъ наказывать смертію, истреблять враговъ, Христосъ повелѣваетъ не противиться злу, и тотъ же Христосъ указываетъ на возмездіе. Ясно, что здѣсь разный смыслъ: *„не убій, не противься злу“*—относится къ каждому въ отдѣльности человѣку, каждому лично запрещается убійство, мщеніе изъ разныхъ личныхъ побужденій—ревности, корысти и пр. и пр.,—въ этомъ смыслѣ и заповѣдь Христа: *„не судите, да не судимы будете“*, которою запрещаются сплетни про ближнихъ, пересуды, отъ которыхъ очень много бываетъ горя, чѣмъ особенно страдаютъ женщины; убійство же на войнѣ, суды (но не пересуды) относятся къ цѣлому государству въ интересахъ безопасности всего народа и, какъ таковые, допустимы и непротивны волѣ Божіей. Что именно такъ слѣдуетъ это понимать, доказывается словами Христа, сказавшаго Пилату: *„ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше“* (Ін. 19, 11). Смыслъ отвѣта Іисуса ясенъ: Пилатъ не имѣлъ бы права убивать людей, если бы онъ былъ частный человѣкъ, но онъ былъ облеченъ властью свыше, и потому Спаситель призналъ за нимъ это право.

Не было бы судовъ, если бы не было преступленій, не было бы войнъ, если бы не было корыстолюбія, властолюбія, эгоизма, жестокости и развращенности сердецъ. Тогда бы и ученіе Толстого имѣло значеніе. Но развѣ когда-либо это будетъ, развѣ испорченная природа человѣка передѣлается, особенно помимо Христа? Не такъ давно былъ съѣздъ германскихъ и австрійскихъ выдающихся юристовъ, которые высказались за смертную казнь. Видно, сама жизнь вынудила ихъ къ этому рѣшенію, какъ необходимому. На Западѣ и въ Америкѣ практикуется и смертная казнь и тѣлесныя наказанія, потому что тамъ смотрятъ на жизнь трезвѣе, практичнѣе, меньше увлекаются фантастическими идеями; мы же, русскіе, рубимъ съ плеча, хотимъ быть гуманными вовсю, не считаясь ни съ психологіею человѣка, ни съ реальною жизнью, ратуемъ противъ тѣлесныхъ наказаній, за отмѣну смертной казни, въ доказательство анализируемъ душевное состояніе осужденнаго преступника, картинно рисуемъ ужасное его состояніе—замѣтьте, воображаемъ только, но не знаемъ—и вотъ поднимаемъ крикъ: это ужасно, это варварство! Но вотъ что удивительно: почему же эти гуманные, сердобольные люди, такъ сострадающіе преступнику, ни словомъ не обмолвятся о несчастныхъ загубленныхъ жертвахъ этого преступника? въ какомъ онѣ были состояніи, когда ихъ мучали, убивали? почему нисколько не входятъ въ положеніе родителей, мужа, жены, дѣтей, лишившихся близкаго, дорогого человѣка отъ руки убійцы, закрываютъ глаза на тѣ страданія, какія эти переживаютъ? У насъ на Руси словъ о гуманности, возвышенности чувствъ цѣлое море, даже океанъ, а на дѣлѣ?—эгоистическое я, забронированное отъ нѣжныхъ чувствъ къ страждущему человѣчеству. Требуютъ отмѣны смертной казни, но по чувству ли состраданія къ преступнику?—вѣрнѣе, для того, чтобы выставить на показъ свою гуманность, свою будто высокую культурность. Изъять человѣка—звѣря изъ общества необходимо: бываютъ люди кровожаднѣе звѣря. Это всѣ сознаютъ, и человѣкъ-звѣрь удаляется въ каторгу, крѣпость; но удаленіе лишь временно избавляетъ общество отъ злодѣя: потомъ нерѣдко опять убійства, жертвы. Далеко не всѣхъ вразумляетъ каторга, иныхъ еще болѣе ожесточаетъ. Указываютъ на непоправимыя судебныя ошибки. Это, дѣйствительно, вѣскій аргументъ; но

таковыя ошибки требуютъ только весьма осторожнаго осужденія на смерть, а не отмѣны казни. Смертная казнь, безъ сомнѣнія, нежелательна, противна гуманному чувству, и, слава Богу, начиная съ конца XVIII в., во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ наблюдается постоянное и систематическое ограниченіе области примѣненія смертной казни; но при современномъ состояніи народовъ съ ужасающими у нихъ преступленіями отмѣна смертной казни теперь несвоевременна и еще больше внесетъ зла. Объ этомъ много спорятъ, но окончательнаго разрѣшенія о допустимости смертной казни на практической почвѣ еще нѣтъ. Много противниковъ смертной казни и у насъ въ Россіи и въ западныхъ государствахъ, много и сторонниковъ ея: сторонники казни въ Германіи Кантъ, Гегель, Гейбъ, во Франціи—Росси, Тиссо, въ Англіи Дж. Ст. Милль, въ Италіи Ламброзо, Гарофало и многіе другіе выдающіеся мыслители во всѣхъ странахъ; существуетъ и значительная литература по этому вопросу—Беккарія, Таганцева, Кистяковскаго и др.; но у насъ въ Россіи необычайное явленіе, какого, вѣроятно, нѣтъ въ Западной Европѣ: одно и то же знаменитое лицо является и ярымъ противникомъ смертной казни и всякаго насилія, а вмѣстѣ и сторонникомъ тѣлеснаго наказанія и смертной казни, и это лицо—Л. Н. Толстой. Вотъ что онъ написалъ въ романѣ „Воскресеніе“: „Я хочу сказать, что, собственно, разумныхъ наказаній есть только два—тѣ, которыя употреблялись встарину: тѣлесное наказаніе и смертная казнь... Да, разумно дѣлать больно человѣку, чтобы онъ впредь не дѣлалъ того же, за что ему сдѣлали больно, и вполнѣ разумно вредному, опасному для общества члену отрубить голову,—оба эти наказанія имѣютъ разумный смыслъ! Какой смыслъ имѣетъ то, чтобы человѣка, развращеннаго праздностью и дурнымъ примѣромъ, запереть въ тюрьму“ [1]). Значитъ, по Толстому, для такихъ людей не нужно никакое заключеніе—ни тюрьмы, ни крѣпость, ни каторга, а прямо—рубить головы! Вотъ и поймите Толстого!

---

1) Т. 12, стр. 1779; изъ Саблина 1911 г. т. 12, стр. 179—180; изд. Клюкина ром. „Воскресеніе“ ч. 2, стр. 448.

Но возвратимся къ войнѣ. Въ 1611 году монахи Троице-сергіевой лавры и истинно-русскіе люди упорно защищали монастырь отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, многіе изъ нихъ пожертвовали своею жизнью, и тѣмъ способствовали спасенію и всего государства и православной вѣры. Что же, съ точки зрѣнія Толстого, они дурно поступили, не должны были противиться злу? Удивительное вотъ въ настоящее время противорѣчіе: почти вся русская интеллегенція сочувствуетъ славянамъ, что они возстали на защиту имущества, чести, жизни своей, своихъ женъ, дочерей, на защиту всего народа отъ многовѣковового угнетенія турокъ, а между тѣмъ послѣдователи Толстого говорятъ, что войны не нужно. Выходитъ, по ихъ мнѣнію, пусть турки продолжаютъ свои звѣрства. Это что же? вытекаетъ изъ любви къ ближнему, т. е. славяне должны любить турокъ—звѣрей и имъ отдавать на жертву, какъ барановъ, и себя и своихъ близкихъ? А гдѣ же въ этомъ случаѣ любовь къ своимъ домашнимъ, къ своему народу? Толстой, впрочемъ, такъ и учитъ: любить враговъ больше, чѣмъ своихъ семейныхъ, не противиться ихъ звѣрству. Вотъ что онъ говоритъ: „Если пришли Зулу (дикое негритянское племя), чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать, это постараться внушить Зулу, что ему невыгодно и нехорошо, внушить, покоряясь ему по силѣ“ [1]). Прямо непостижимо это ученіе Толстого! Обратите вниманіе на психическое состояніе отца, матери, видящихъ, что дикари хотятъ рѣзать, жарить ихъ дѣтей: въ состояніи ли они въ этотъ моментъ читать имъ нравоученіе?! Господь признаетъ правительства, суды, слѣд. признаетъ и защиту своихъ ближнихъ. Для чего же царь и правительство, какъ не для того, чтобы упорядочить жизнь—не давать воли злымъ, защищать добрыхъ отъ злыхъ? Отсюда ясно, что Толстой идетъ въ разрѣзъ съ Христомъ: Толстому не нужны суды, войско, правительство, а Христосъ ничего этого не отвергаетъ, а напротивъ признаетъ. Тогда ужъ пусть бы Толстой не ссылался на Христа. Но ему нужно было придать особую силу своему ученію, въ корень подорвать авторитетъ христіанскаго ученія о войнѣ, о смертной казни, и вотъ онъ злоупотребляетъ именемъ Христа, а это

[1]) стр. 842.

очень на руку соціалистамъ, которые кричатъ противъ войны, смертной казни, а сами—съ браунингами и бомбами въ окровавленныхъ рукахъ; Толстой отвергаетъ судъ, государство, частную собственность, и этимъ оказалъ помощь соціализму въ своемъ стремленіи стать подъ флагъ христіанства и именемъ Христа санкціонировать свою программу, и благодарные соціалисты именно за это-то и прокричали о Толстомъ, какъ о великомъ учителѣ, и раздули славу о немъ по всему міру, несмотря, какъ мы видимъ, на полную несостоятельность его моральнаго ученія и на его ложное христіанство.

Резюмируя сказанное, сдѣлаемъ выводъ о войнѣ. Въ Евангеліи нѣтъ, чтобы Христосъ одобрялъ войны, но Онъ допускалъ ихъ, признавалъ, какъ неизбѣжное зло, вслѣдствіе развращенности людей, вслѣдствіе уменьшенія любви между ними: „*подобаетъ бо всѣмъ симъ быти*“, сказалъ Христосъ. Поэтому и христіанскія государства всячески должны стараться избѣгать войны, какъ нашъ Государь правильно понялъ, учредивши Гаасскую конференцію; но когда враги, забывши Бога и совѣсть, захотятъ внести ужасы войны, тогла самъ Богъ разрѣшаетъ защищаться оружіемъ. Все болѣе и болѣе раздаются голоса противъ смертной казни, войны. Нельзя не сочувствовать такому гуманному движенію. Дай Богъ, чтобы ихъ не было, и нужно стремиться къ этому! Но онѣ всегда будутъ вопреки чаянію соціалистовъ, потому что слишкомъ глубоко развращена природа человѣка, и никакая культура не уничтожитъ этого зла, одна лишь религія, но ее-то соціалисты и отвергаютъ. Спаситель хорошо зналъ человѣка, а потому и сказалъ, что войнамъ надлежитъ быть, и онѣ предъ концемъ міра усилятся. Это ужасно, но неизбѣжно.

Заповѣди.

Въ заключеніе разбора евангелія Толстого укажу на основное нравственное его ученіе, взятое имъ изъ Христова Евангелія и заключающееся въ 5-ти его заповѣдяхъ: 1) не противься злу или злому, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись. 4) не судись и 5) не воюй. Почему онъ взялъ у Христа только 5 заповѣдей? Если перечислить всѣ Христовы заповѣди, то ихъ насчитаемъ намного больше 5. Эти пять заповѣдей Толстого только отрицательныя: говорятъ, чего не должно дѣлать, а что должно дѣ-

лать, онъ не обозначилъ ни одною заповѣдью: такъ онъ и религію и идеалъ всей человѣческой жизни выразилъ въ одномъ словѣ „любовь" и на ней особенно настаиваетъ, а между тѣмъ эту основу своего нравственнаго ученія и не внесъ въ число заповѣдей; слѣд. его заповѣди далеко не обнимаютъ всей морали, и исполненіе только этихъ пяти заповѣдей не дастъ полнаго смысла жизни, вопреки его утвержденію. О второй, четвертой и пятой его заповѣдяхъ я уже говорилъ, теперь подвергну обсужденію остальныя.

Непротивленіе злу. Первая заповѣдь „*Непротивленіе злу*" по смыслу тѣсно связана съ 4-ю и съ 5-ю: „*не судись*" „*не воюй*", различается лишь тѣмъ, что въ заповѣди: „*не противься злу*"— разумѣется зло по отношенію къ каждому въ отдѣльности человѣку, а не „воюй"—зло по отношенію къ цѣлому государству, обществу. Личныя обиды, конечно, нужно прощать, иначе Господь не приметъ нашихъ молитвъ, какъ сказано въ Евангеліи: „*остави долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*„... „*Если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный*" (Мѳ. 6, 14), и затѣмъ въ 5-й гл. Мѳ. ст. 23—24, въ притчѣ о милосердномъ царѣ и безжалостномъ слугѣ и мн. др. мѣстахъ, и церковь начинаетъ свои моленія на литургіи словами: „*миромъ*", т. е. въ мирѣ, въ согласіи, „*Господу помолимся*", да и жизненный опытъ насъ научаетъ: зло рождаетъ зло, плоды добра—добро; но насильниковъ нужно устранять—это дѣло суда, или даже итти противъ нихъ войною, если насильникомъ оказывается цѣлое государство, о чемъ я только что говорилъ. Таковъ двоякій смыслъ по отношенію къ насилію. Но не то по отношенію къ нравственному злу: тутъ нужна, во-1-хъ, сильная борьба съ самимъ собою—ее проповѣдуетъ Толстой—а это—самая тяжелая и непрерывная борьба до смерти, или, иначе, итти къ усовершенствованію себя можно только „*узкими вратами* (Мѳ. 7, 13), *несеніемъ креста своего и даже отреченіемъ отъ себя*" (Мѳ. 16, 24), т. е. своей грѣховной природы, а это—весьма тяжелый подвигъ; во-2-хъ, Спаситель пришелъ на землю, чтобы уничтожить зло и направить людей къ добру, и мы стремимся къ нравственному улучшенію людей,

насаждая и просвѣщеніе и благотворительность, устраивая разныя общества, учрежденія, цѣль которыхъ заботиться о поднятіи уровня нравственнаго развитія и пр. и пр., т. е. мы боремся со зломъ, стараясь обратить его въ добро, и на этой цѣли основывается вся культура, цивилизація, воспитаніе, а тѣмъ болѣе религія. И Толстой къ этому же стремился, проповѣдовалъ необходимость нравственнаго улучшенія людей; но только къ достиженію этого онъ указалъ одно средство—увѣщаніе, убѣжденіе безъ всякихъ мѣръ къ устраненію зла, безъ охраненія отъ соблазновъ людей, некрѣпкихъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какова въ общемъ масса народа и особенно молодежь, безъ „противленія злу" и въ этомъ отношеніи.

Воспитаніе.

Вотъ какъ онъ учитъ поступать на практикѣ: „Я не буду удалять моего шестнадцатилѣтняго сына насильно отъ пьянаго ухаря, который хочетъ втянуть его въ свой развратъ... Я буду стараться наполнить душу своего сына такимъ содержаніемъ, чтобы соблазны молодца не захватывали его" [1]). Но этотъ практическій примѣръ Толстого противорѣчитъ и словамъ Христа: *„Горе міру отъ соблазнъ"!* (Мѳ. 18, 7)... *„Удали изъ своей среды дурного человѣка, если онъ не слушаетъ ни увѣщанія отдѣльныхъ лицъ, ни всей церкви"* (такъ церковь и поступила съ Толстымъ: отлучила отъ себя, какъ не послушавшаго увѣщаній ея и дурно, вредно вліявшаго на другихъ), противорѣчитъ и словамъ ап. Павла, который не совѣтуетъ сообщаться съ явными грѣшниками, чтобы не соблазниться, и въ Псалтири сказано: *„Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ... со строптивымъ развратишься"*, и вся наша педагогика, за исключеніемъ, впрочемъ, теоріи гг. модныхъ новѣйшихъ просвѣтителей юношества въ духѣ Вербицкой, основана на томъ, чтобы устранять отъ незрѣлыхъ впечатлительныхъ дѣтскихъ натуръ соблазны, искоренять пороки разными мѣрами, если они уже появились въ нихъ, да и самъ Толстой то же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: Всякій изъ насъ дѣлаетъ только малую часть

---

1) стр. 835.

своихъ поступковъ сознательно, и поступаетъ по своему или чужому внушенію. Чѣмъ сильнѣе человѣкъ духовно,... чѣмъ старше,... тѣмъ менѣе подчиняется чужимъ вліяніямъ, и чѣмъ моложе, тѣмъ больше онъ воспріимчивъ къ чужимъ внушеніямъ. Сознательное внушеніе... называется образованіемъ, безсознательное... воспитаніемъ (просвѣщеніемъ). На образованіе въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія, просвѣщеніе же невольно... находится въ пренебреженіи. Важнѣе и для отдѣльныхъ личностей и для общества людей—безсознательное, нравственное просвѣщеніе" [1]. Этими словами Толстой явно себѣ возражаетъ. Да развѣ можно не замарать души, если она соприкасается съ нравственною сажею? Когда человѣкъ окрѣпнемъ, тогда онъ самъ различаетъ добро отъ зла, если только у него выработался критическій взглядъ на жизнь, если онъ имѣетъ волю слѣдовать указаніямъ своего ума и совѣсти; юношескій же умъ не обладаетъ критическою способностью, не всегда можетъ трезво разобраться, а живая, быстро воспламеняющаяся натура увлекаетъ юношей, воля которыхъ не окрѣпла, и—молодежь падаетъ и нерѣдко погибаетъ. Тысячи погибло ихъ именно отъ неокрѣпшаго ума и слабой воли подъ вреднымъ вліяніемъ вредныхъ людей. Сердце кровью обливается, когда вспомнишь, сколько юныхъ жертвъ пало отъ чужого вліянія!

Рѣчь наша коснулась воспитанія, такъ я, какъ старый педагогъ, считаю долгомъ, по обсужденіи взгляда Толстого на воспитаніе, попутно высказать и свой взглядъ по этому весьма важному вопросу, самому больному и самому животрепещущему: какъ правильно воспитывать юношество? гдѣ искать положительный отвѣтъ въ виду разнообразныхъ мнѣній и педагоговъ и родителей? Вопросъ этотъ я предлагалъ и учителямъ, и учительницамъ, и родителямъ. Одни говорили, что нужно воспитывать на раціональныхъ свободныхъ началахъ внѣ религіи: будто можно нравственнымъ быть и безъ религіи; другіе говорили, что необходимо религіозно-нравственное воспитаніе. Каждая сторона остается, конечно, при своемъ; между тѣмъ кто-либо изъ нихъ неправъ. Гдѣ же несомнѣнный критерій? Мы должны

1) стр. 383.

обратиться за отвѣтомъ къ самому высокому авторитету, признанному и всѣми знаменитыми учеными и милліонами болѣе простыхъ людей. Такой авторитетъ имѣетъ одно только Евангеліе: его нравственное ученіе, какъ мы видѣли изъ отзыва Толстого и другихъ ученыхъ, такой высоты, до какой не достигалъ умъ человѣческій. Если такова христіанская мораль, такъ какую же мы поставимъ вмѣсто нея?— свою собственную, раціональную? Какое непростительное высокоуміе, какое самообольщеніе! Какое несомнѣнное ручательство мы можемъ представить, что наша новомодная теорія воспитанія есть дѣйствительно правильная? Дѣлать же эксперементы надъ юными душами гораздо преступнѣе, чѣмъ испытывать лѣкарство надъ больными. Вотъ и Толстой пришелъ къ этому же убѣжденію, что „основа всякой человѣческой жизни есть религіозное жизнепониманіе. На основаніи религіи складывается вся жизнь человѣка и направляется вся его дѣятельность, и потому понятно, что воспитаніе, т. е. приготовленіе людей къ жизни и дѣятельности, должно быть основано на религіи. У насъ же, въ нашемъ такъ называемомъ культурномъ мірѣ, религія не только не признается основой воспитанія, не только не признается важнымъ и нужнымъ между другими предметами, но считается однимъ изъ самыхъ послѣднихъ, ненужныхъ предметовъ, который, какъ пережитокъ старины, кое-какъ передается въ школахъ“ [1]). Въ своемъ соч. „Воспитаніе и образованіе“ онъ категорически утверждаетъ: „Религія есть единственное законное и разумное основаніе воспитанія“ [2]). Въ статьѣ „О свободной школѣ“ говоритъ: „Въ основу всего должно стать то, что заброшено въ нашихъ школахъ—религіозное пониманіе жизни“.—Так. образ. и Толстой одного съ нами мнѣнія, что основою воспитанія должна быть религія. Но какая религія? Вѣдь Толстой (на стр. 382) отвергаетъ всѣ религіи—

1) ч. V, 382.
2) стр. 77.

и католическую, и православную, и протестантскую, и магометанскую, и еврейство, и буддизмъ. Толстовской религіи собственно нѣтъ: вся его религія заключается „въ единеніи всего живого, для людей прежде всего выражающаяся въ братствѣ ихъ между собою, въ служеніи другъ другу, единеніе же и служеніе другъ другу составляетъ смыслъ и дѣло жизни“ [1]), да въ 5 его заповѣдяхъ; но здѣсь только указывается отношеніе людей между собою, т. е. религія человѣческая, хотя онъ и говоритъ, что „Религіозная основа жизни состоитъ въ томъ, что жизнь наша не имѣетъ другого смысла, какъ исполненіе воли безконечнаго Начала [2]), а мы уже видѣли, каково это Начало, каковъ Богъ по Толстому. Итакъ Толстой признаетъ воспитаніе, и только религіозное. А вотъ въ его статьѣ „Воспитаніе и образованіе“ онъ совершенно отвергаетъ воспитаніе, признаетъ лишь образованіе. Читаемъ: [3]) „Школа не должна вмѣшиваться въ воспитаніе“. „Образованіе—свободно, и потому законно и справедливо; воспитаніе—насильственно, и потому незаконно и несправедливо,—не можетъ быть оправдываемо разумомъ, и потому не можетъ быть предметомъ педагогики“. Но, признавши воспитаніе незаконнымъ и несправедливымъ, онъ тотчасъ продолжаетъ: „Семейныя, религіозныя и правительственныя основанія воспитанія естественны и имѣютъ за себя оправданіе необходимости; общественное же воспитаніе не имѣетъ основаній, кромѣ гордости человѣческаго разума, и потому приноситъ самые вредные плоды—каковы университеты и университетское образованіе [4]). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: Воспитаніе и образованіе нераздѣльны“ [5]). Какъ же согласить: съ одной стороны, воспитаніе не можетъ быть оправдываемо разумомъ, съ другой, семейныя, религіозныя и правительственныя основанія воспитанія естественны? Если естественны, то оправдываются разумомъ. Какъ же вести образова-

---

[1] и [2]) стр. 382.
[3] и [4]) стран. 93.
[5]) стр. 28 „Объ образованіи“.

ніе въ школѣ безъ воспитанія, когда, по его же словамъ, воспитаніе и образованіе нераздѣльны? Какъ тутъ разобраться?

Разсмотримъ, какъ Толстой понимаетъ религіозное воспитаніе и проводитъ его на практикѣ, и какіе оно принесло плоды.—Исходя изъ своего основного положенія—„не противиться злу и не употреблять какого бы то ни было принужденія", Толстой основываетъ воспитаніе на полной неограниченной свободѣ учащихся: „Критеріумъ педагогики", говоритъ онъ въ статьѣ о „Народномъ образованіи" [1]), есть только одинъ—свобода", и эта теорія съ его легкой, но несчастной руки нашла себѣ многихъ послѣдователей. Онъ говоритъ: „Мнѣ представляется такъ: преподаватели распредѣляютъ часы, но ученики вольны приходить или нѣтъ. Только при полной свободѣ можно вести учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти [2]). Такова и была устроенная имъ въ Ясной Полянѣ школа, которая принадлежитъ къ числу самыхъ оригинальныхъ педагогическихъ попытокъ, когда-либо сдѣланныхъ. Толстой рѣшительно возсталъ противъ всякой регламентаціи и дисциплины въ школѣ; никакого метода не признавалъ: „лучшая метода есть отсутствіе всякой методы", пишетъ онъ. Все въ преподаваніи должно быть индивидуально—и учитель, и ученикъ, и ихъ взаимныя отношенія. Въ Яснополянской школѣ дѣти сидѣли, кто гдѣ хотѣлъ, кто сколько хотѣлъ и кто какъ хотѣлъ. Никакой опредѣленной программы преподаванія не было. Единственная задача учителя заключалась въ томъ, чтобы интересовать классъ. Что Толстой придалъ большое значеніе индивидуальнымъ свойствамъ учениковъ и учителей и взаимному ихъ отношенію, основанному на довѣріи и сердечности,—это большая его заслуга, особенно цѣнная въ ту эпоху формализма въ школѣ; но отрицаніе дисциплины и отсутствіе всякаго метода, опредѣленной программы преподаванія—это большое зло. Задача школы обогатить и развить умъ полезными знаніями, укрѣпить волю и развить доброе чувство. Дисциплина и необходима для укрѣпленія воли и внѣшней

1) стр. 25.
2) стр. 386.

шлифовки, чтобы человѣкъ пріучился повиноваться, а чрезъ это навыкъ подчинять свои желанія, страсти разсудку, т. е. навыкъ владѣть собою, поступать разумно, что дѣлаетъ его болѣе или менѣе совершеннымъ. Извѣстный педагогъ Коменскій сказалъ: „школа безъ дисциплины все равно, что мельница безъ воды". Развѣ мыслимо не имѣть программы, методовъ? Для этого нужно, чтобы всѣ учителя и учительницы были сами высокообразованы, вполнѣ опытны, вполнѣ понимали запросы жизни, имѣли бы одинакіе взгляды на преподаваніе и воспитаніе и главное любили бы дѣтей и свое дѣло; но всѣ ли таковы? Какъ и чему научитъ начинающій учитель безъ программы и метода, только что соскочившій самъ съ ученической скамьи? Свободное воспитаніе развиваетъ въ дѣтяхъ дряблую чувствительность, эгоизмъ, подавляетъ въ нихъ сознаніе долга, чувство справедливости, мужество, лишаетъ возможности образоваться твердому характеру, и уже вотъ какіе плоды принесло и приноситъ намъ: несвоевременное познаніе жизни по рецепту гг. Вербицкой, Арцыбашева, Андреева и под. привело къ ужасающему разврату, начиная съ самаго нѣжнаго возраста, нервности, болѣзненности—малокровію, истощенію организма, разочарованію, самоубійствамъ, къ хулиганству и въ низшихъ слояхъ общества и въ высшихъ. Хулиганство такъ развилось, что и правительство, и многія земства, и печать приходятъ къ убѣжденію о необходимости принятія серьезныхъ мѣръ противъ него, на собраніяхъ поднимался вопросъ даже о введеніи тѣлеснаго наказанія. А учебныя заведенія? Анкета, разработанная д-ромъ Гордономъ, вотъ что показываетъ: въ университетахъ разочарованіе въ жизни выражается въ 44%, на высшихъ женскихъ курсахъ—48%, среди студентовъ техническихъ учебныхъ заведеній 39%; мысль о самоубійствѣ въ анкетныхъ отвѣтахъ отмѣчается у мужчинъ—учащихся въ 26%, у женщинъ—учащихся въ 35%; алкоголизмомъ среди учащихся страдаютъ: отъ 10 до 15—лѣтняго возраста—11%, отъ 15 до 20 лѣтъ—20%; связь между алкоголизмомъ и самоубійствомъ несомнѣнна. А также развращающе вліяетъ на молодежь современная литература, которая культивируетъ равнодушіе къ смерти, а жизнь трактуется, какъ

нѣчто малоцѣнное, которая является какъ бы распространительницею того психическаго зараженія, которымъ охвачено общество. И такой взглядъ на жизнь выработался не безъ вліянія Толстого, сказавшаго въ своей „Исповѣди“: „жизнь есть глупая, сыгранная надо мною шутка. Не нравится тебѣ жизнь, убей себя. Счастливъ, кто не родился,—смерть лучше жизни; надо отъ нея избавиться. Я видѣлъ, что это (т. е. уничтоженіе жизни—петля на шею, вода, ножъ, чтобъ проткнуть имъ сердце, поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ) самый достойный выходъ, и хотѣлъ поступить такъ“ [1]). Это ли не ужасъ!

Возьмемъ начальную щколу: въ теченіе 4 лѣтъ, самыхъ дорогихъ, впечатлительныхъ, ученикъ при отсутствіи дисциплины привыкаетъ своевольничать, не исполнять приказаній, не подчиняться порядку, не сознавать необходимости долга, и вотъ уже готовъ хулиганъ. Таковы школы положительно вредны, а не полезны, и это я рѣшительно утверждаю на основаніи наблюденій; грамотность, получаемая въ нихъ, даетъ лишь больше возможности совершать потомъ преступленія. Вотъ и Толстой говоритъ: „Упадокъ и процвѣтаніе добродѣтели не зависятъ отъ образованія“ (О свободной школѣ“ стр. 16). „Я съ своей стороны, убѣжденъ, что школы вредны“ (О народномъ образованіи стр. 19). Онъ приводитъ и слова Даля, сказавшаго, что „грамотность развращаетъ людей изъ народа“ (Прогрессъ стр. 14). Въ самомъ дѣлѣ, заставляетъ задуматься замѣчательное совпаденіе, что съ увеличеніемъ числа школъ у насъ и во Франціи преступленія увеличиваются. Оказывается по даннымъ, опубликованнымъ Альфредомъ Фулье, что французская статистика обнаруживаетъ тревожное совпаденіе между распространеніемъ образованія въ странѣ и возрастаніемъ преступности. Общая преступность во Франціи за послѣднія 50 лѣтъ утроилось, хотя народонаселеніе увеличилось лишь немного. Тѣ, которые указываютъ вообще на школы, какъ на единственное средство къ искрененію хулиганства, видимо поверхностно знакомы съ нею: школа тогда только даетъ добрые результаты, когда въ ней не одно ученіе, а ведется твердою рукою и воспитаніе

[1]) Стр. 26, 27, 28 изд. Сыт.

на разумныхъ религіозно-нравственныхъ началахъ; но и такая школа нерѣдко парализуется соблазнами въ семьѣ, на улицѣ, въ товариществѣ. Вотъ на эту сторону и слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, необходимо развратителей подвергать строгой отвѣтственности, ограждать юныя души отъ ихъ тлетворнаго вліянія. Зло необходимо вырвать съ корнемъ немедленно. Ждите, когда школа перевоспитаетъ общество,—да перевоспитаетъ ли?—а развращеніе-то не дремлетъ, все болѣе и болѣе расширяется. Когда школа и семья твердо идутъ рука объ руку, живутъ въ добромъ согласіи, взаимно съ довѣріемъ помогаютъ другъ другу, твердо идутъ къ доброй цѣли нравственно-религіознаго воспитанія, тогда только получаются плоды здоровые, хорошіе. Напрасно такъ идеализируютъ и саму школу: суть ея—учителя, учительницы, а много ли настоящихъ педагоговъ по духу, много ли съ любовью преданныхъ своему дѣлу? Такъ чего же хорошаго ждать отъ нерадивыхъ сѣятелей, да еще, бываетъ, и отъ гнилыхъ сѣмянъ! Поменьше, гг., фантазіи, поменьше идеализаціи, а побольше трезваго взгляда, поближе къ жизни, къ дѣйствительности! Сантиментальное въ духѣ Толстого разглагольствованіе не воспитываетъ, а распускаетъ, разслабляетъ школу.

О средней школѣ не буду говорить. Дефекты ея, особенно въ отношеніи религіозно-нравственаго воспитанія, извѣстны. Укажу только на главнѣйшія ихъ причины, которыхъ, по моимъ наблюденіямъ, были двѣ: одна—излишняя свобода учащихся, доходившая иногда до своеволія, увлеченіе разными развлеченіями, отвлекавшими ихъ отъ серьезнаго труда и разслаблявшими душу и тѣло; другая—вредное вліяніе либеральныхъ, прогрессивныхъ педагоговъ и родителей, подрывавшихъ въ нихъ и вѣру и національное чувство. Теперь стали подтягивать и свѣтскія и духовныя среднія школы, и, какъ видно, дѣло пошло лучше, можетъ пойти и совсѣмъ хорошо, если, съ одной стороны, весь педагогическій персоналъ школы будетъ работать дружно, въ единеніи, а не представлять изъ себя по баснѣ лебедя, щуку и рака, если педагоги откинутъ свои либеральныя мечтанія, не будутъ гоняться за рекламою передовыхъ людей, а будутъ пріучать своихъ питомцевъ къ серьезному труду, правильной

нормальной жизни и къ развитію и укрѣпленію въ нихъ нравственныхъ понятій, основывающихся на христіанской этикѣ, будутъ сами работать не во исполненіе циркуляровъ только, формально, а вложатъ душу и сердце въ свое великое дѣло воспитанія, съ другой стороны, если семья предоставитъ здоровыя, нормальныя условія жизни и будетъ солидарна со школою, помогать ей, а не противодѣйствовать. Дай Богъ, чтобы такъ пошла средняя школа, а то толстовская теорія свободнаго воспитанія привела было ее къ разрухѣ.

Итакъ признáемъ, что школы наши несовершенны, но было бы большою несправедливостью сказать, что онѣ не приносятъ никакой пользы; Толстой же положительно утверждаетъ, что всѣ школы никуда не годны. Слѣдуетъ сознаться, что много горькой правды высказалъ онъ по адресу учителей и профессоровъ, нельзя также не согласиться съ нимъ, что наши школы мало жизненны, много въ нихъ схоластическаго, меньшій процентъ дѣйствительныхъ педагоговъ, любящихъ свое дѣло; но сказать, что всѣ разряды школъ—и низшія, и среднія, и высшія—вредны [1]), и вредны именно потому, что имѣютъ опредѣленную организацію съ установленными общими для всего учебнаго заведенія предметами преподаванія, программами, что „принудительное устройство школы исключаетъ возможность всякаго прогресса“ [2]), что „школа вмѣшивается въ воспитаніе“—это уже равносильно уничтоженію самой школы; это уже значитъ: долой всѣ существующія учебныя заведенія! Идеалъ толстовской школы таковъ: „публичныя лекціи, музеумы суть лучшіе образцы школъ безъ вмѣшательства въ воспитаніе“ [3]), „выучиваніе грамотѣ отъ товарищей и братьевъ, дѣтскія игры... публичныя зрѣлища, райки и т. п., таковы картины и книги, таковы сказки и пѣсни, таковы работы и таковы, наконецъ, попытки Яснополянской школы“ [4]). Но мы уже выше видѣли изъ нашей русской жизни, къ какимъ результатамъ

---

1) „Воспит. и обрасованіе“ стр. 19.
2) Стр. 19.
3) Стр. 94.
4) Стр. 95.

привела такія идеальная, свободная толстовская школа, что вышло изъ попытокъ Яснополянскаго педагога. Много зла посѣялъ покойный графъ своею свободною школою безъ воспитанія.

А вотъ и еще доказательство изъ европейской жизни тѣхъ печальныхъ результатовъ, какіе даетъ свободная, безрелигіозная школа— это статистическія данныя, опубликованныя въ французской газетѣ „Daily Telegraph" въ 1912 году. „Особеннаго вниманія", говоритъ газета, „заслуживаетъ необычайное повышеніе преступности среди французскаго юношества. По отчетамъ министерства юстиціи болѣе 36 процентовъ преступниковъ—несовершеннолѣтніе, болѣе 33,000 дѣтей и юношей судились присяжными засѣдателями, и втрое болѣе полицейскими судами; на каждыхъ 10,000 жителей отъ 18 до 21-лѣтняго возраста приходится 301 осужденный того же возраста; около 11,000 дѣтей отъ 13 до 18 лѣтъ населяли французскія тюрьмы въ 1910 году; преступность несовершеннолѣтнихъ втрое, чѣмъ среди взрослыхъ". Газета „Kreuz-Zeitung" говоритъ, что „свѣтская школа во Франціи за 30 лѣтъ своего существованія совершенно доказала свою непригодность. Оправдалось изреченіе одного изъ вождей свободомыслія Эрнеста Ренана, который говорилъ, что сельская школа никогда не можетъ принести пользы безъ содѣйствія приходскаго священника. Церковь и школа необходимы въ равной степени. Если онѣ вступаютъ между собою въ бой—школьное дѣло должно погибнуть". Вотъ результаты безрелигіознаго свободнаго воспитанія, результаты собственно послѣдняго времени! Вотъ результаты теоріи воспитанія Толстого, воспитанія, по его словамъ, основаннаго на религіи, въ сущности безрелигіознаго. Опомнитесь, прогрессивные педагоги и родители! Куда завели и ведете юношество! Чѣмъ вамъ не нравится Христово ученіе? чѣмъ оно плохо, что вы выгоняете его изъ школы? Обратите вниманіе на грозный приговоръ Христа: „*Горе вамъ, вожди слѣпые*"! Зачѣмъ же вы устраняете младенца отъ огня лампы, свѣчи, отъ горячаго самовара, предоставьте ему свободу поступать, какъ онъ хочетъ, лишь разъясняйте ему, что онъ обожжется?—Если юноша не младенецъ, то и не распустившійся еще бутонъ. Изучите психологію молодежи, и тогда поймете, что юность нужно ограждать, устранять отъ соблазновъ, а не

наталкивать, нужно направлять къ полезному труду, иногда даже понуждать къ нему, а не предоставлять полную свободу: хочетъ работать—работай, не хочетъ—гуляй, бездѣльничай. Свобода допустима лишь для людей уравновѣшенныхъ, трезваго ума, сильной воли.

Правильное воспитаніе, по моему мнѣнію, таково: отношеніе воспитываемыхъ къ воспитателямъ должно основываться не на страхѣ, какъ бывало встарину, и не на совершенной свободѣ, или, точнѣе, своеволіи, какъ рекомендуетъ Толстой и новая теорія свободнаго воспитанія его послѣдователей, а на высокомъ авторитетѣ родителей, педагоговъ и на полномъ довѣріи къ нимъ и любви ихъ воспитанниковъ; для этого не приказаніями, а тѣмъ болѣе наказаніями слѣдуетъ заставлять дѣтей подчиняться и исполнять требуемое, а внушеніемъ и разъясненіемъ имъ вреда какого-либо ихъ желанія, чтобы воспитываемый добровольно изъ любви и уваженія къ своимъ воспитателямъ и изъ нежеланія огорчить ихъ исполнялъ должное. Но какъ только будетъ замѣчено своеволіе, настойчивость, а тѣмъ болѣе непослушаніе и другіе поступки, такъ тотчасъ необходимо примѣнять и запрещеніе и понужденіе, въ болѣе серьезныхъ случаяхъ и разумное наказаніе примѣнительно къ характеру и возрасту провинившагося, но такъ, чтобы наказываемый ясно сознавалъ, что онъ заслужилъ справедливое наказаніе, для того, чтобы довѣріе къ воспитателю въ его справедливости и главное въ желаніи ему только добра у него не поколебалось.

Так. образ., вопреки ученію Толстого, дисциплина необходима, но дисциплина разумная, укрѣпляющая волю и воспитывающая доброе чувство; необходима опредѣленная программа, вполнѣ приспособленная къ запросамъ жизни, а не схоластическая; необходимы и методы, но не произвольные, какъ каждому учителю вздумается, а основанные на наукѣ и практическихъ выводахъ.

Прогрессъ.

Со школьнымъ вопросомъ тѣсно связанъ вопросъ о прогрессѣ. И этотъ важный вопросъ Толстой не обошелъ своимъ вниманіемъ. Къ прогрессу онъ отнесся отрицательно. Суть его воззрѣнія на прогрессъ сводится къ одному основному положенію: улучшаетъ ли

прогрессъ благосостояніе народа? Толстой отвѣчаетъ: нѣтъ, не улучшаетъ, а если не улучшаетъ, то и нѣтъ его: „Положеніе о постоянномъ улучшеніи человѣчества на пути прогресса ничѣмъ не доказано и несправедливо [1]). „Прогрессъ вообще во всемъ человѣчествѣ есть фактъ недоказанный и не существующій для всѣхъ восточныхъ народовъ, и потому сказать, что прогрессъ есть законъ человѣчества, неосновательно" [2]). Онъ видитъ даже зло въ прогрессѣ: прогрессъ только для удобствъ такъ называемаго общества—электричество, телеграфъ, телефонъ и пр., а не для народа; „интересы общества и народа всегда бываютъ противоположны" [3]); „прогрессъ удаляетъ людей отъ природы, не смягчаетъ даже нравовъ; „Для насъ", говоритъ графъ, „интересъ заключается въ прогрессѣ общаго благосостоянія; прогрессъ же благосостоянія, по нашимъ убѣжденіямъ, не только не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но большею частью противоположенъ ей" [4]); „Мы не вѣримъ въ прогрессъ, увеличивающій благосостояніе человѣчества" [5]). Таково общее сужденіе Толстого о прогрессѣ, и, признаемъ, много правды сказалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія благосостоянія народа мы мало видимъ прогресса, вѣрнѣе, видимъ регрессъ. Въ нашей лекціи мы уже представили картину нравственнаго разложенія общества. Картина печальная, тяжелая. Указываютъ, что причина—народное невѣжество; побольше нужно школъ; въ знаніи видятъ спасеніе. Нѣтъ, скажетъ мы, лучше вовсе пусть не будетъ школы, чѣмъ имѣть ее съ вреднымъ направленіемъ, безъ воспитанія; пусть люди будутъ неграмотны, лишь были бы съ добрыми нравами, покойны, счастливы, чѣмъ грамотны, но во зло себѣ и другимъ. Допустимъ, народъ нашъ еще мало культуренъ; но что сказать о нашей въ большинствѣ интеллегенціи, которая, конечно, считаетъ себя образованною, потому она и называется интеллегенція? Не видимъ ли мы въ ней разложеніе нравовъ, не говоря уже объ ея безрелигіозности? Право, невѣжественный народъ нравственнѣе

1, 2, 3, 4 и 5) стр. 105, 106, 108, 115, 116 кн. 25 изд. Сыт.

„общества“, какъ называетъ Толстой. Значитъ, здѣсь дѣло не въ образованіи. На Западѣ страшно много сдѣлано для распространенія знанія среди населенія. Въ результатѣ что же получилось? Точно въ насмѣшку подъ высокими словами цивилизаціи въ мірѣ опять получаетъ господство кулакъ, но не простой, а „закованный въ броню“, по выраженію Вильгельма II-го. Погоня за матеріальными благами и неравномѣрное скопленіе ихъ породило невыносимо обостренное отношеніе между разными классами населенія, и рознь эта грозитъ перейти въ открытую борьбу и озарить заревомъ пожара весь цивилизованный міръ. Душно стало всѣмъ, тѣсно живется. Недовольство массъ растетъ, потому что потребности растутъ, а удовлетворить ихъ всѣ культура не можетъ. Всѣ для себя только, для своего земного блага, для своего кармана, для удовлетворенія своихъ страстей. Забыли кроткій голосъ Спасителя: *„ищите прежде всего царствія Божія“*. „Душа убываетъ“, выразился одинъ изъ чуткихъ мыслителей Запада. И вотъ въ результатѣ блестящая, но бездушная цивилизація [1]).

Сопоставьте выгоды отъ прогресса и то зло, какое получилось отъ цивилизаціи, и перевѣсъ окажется не на сторонѣ прогресса. Положительныя стороны просвѣщенія таковы [2]): знаніе выводитъ людей изъ грубо-животной дикости, видящей единственное достоинство въ физической силѣ; просвѣщеніемъ дается сознаніе достоинства человѣка, какъ существа духовнаго, мыслящаго, поэтому мѣсто насилія заступаетъ справедливость, затѣмъ свобода совѣсти и гуманность, уваженіе къ чужимъ умамъ, истинѣ, правдивости; культура повышаетъ альтруистическое настроеніе, чувство общечеловѣческой солидарности, эволюцію нервной системы, развитіе чуткости, впечатлительности; благодаря ей достигается болѣе правильное міросозерцаніе, уничтоженіе предразсудковъ, суевѣрій; наука необычайно сильно двинулась впередъ въ изученіи силъ природы и въ примѣненіи ихъ къ

---

1) См. мою статью „Народное образованіе“ въ журналѣ „Христіанинъ“ за 1910 г.

2) M. G. Walbert и профес. Свѣтловъ.

внѣшнимъ удобствамъ жизни: скорость и удобство передвиженія, электричество, машины для всѣхъ потребностей жизни и т. п. Отрицательныя стороны просвѣщенія: необычайное развитіе эгоизма до безсердечія наряду съ уваженіемъ человѣческаго достоинства; пониженіе личности и упадокъ оригинальности и въ индивидуумахъ, и въ обществѣ, и въ народахъ; приниженіе работника на степень орудія; наряду съ терпимостью—развитіе индеферентизма, упадокъ или ослабленіе характеровъ и убѣжденій; подъ изящными формами тѣ же пороки, но съ большею живучестью: месть въ дуэли, животные инстинкты въ кулинарномъ искусствѣ, картежной и другихъ азартныхъ играхъ, развратъ въ театрѣ, поэзіи, живописи; искусственное приподнятіе жизни, нервозность вмѣсто спокойствія и сосредоточенности, утонченность въ наслажденіяхъ до извращенія природы и жажда все большихъ удовольствій и наслажденій, отсюда разслабленіе организма и болѣзни (наше время называется нервнымъ), преждевременная старость и, какъ замѣчается, даже вырожденіе народовъ, неестественные пороки—продуктъ цивилизаціи, порокъ—предметъ нѣжной заботливости, цѣли культуры; стремленіе ко всему тонкому, искусственному (декаденство, символизмъ), и потеря смысла жизни до признанія необходимости самоубійства; техника и изобрѣтенія—къ услугамъ сквернымъ инстинктамъ человѣка, новымъ прихотямъ; уклоненіе науки отъ прямого ея назначенія—служить благу человѣка вслѣдствіе пріобрѣтенія ею антиморальнаго характера, что и послужило Ж. Ж. Руссо основаніемъ вывести заключеніе: „культура или цивилизація во всѣхъ отношеніяхъ уродуетъ человѣка, извращаетъ его душу", и наконецъ все большее забвеніе Бога съ Его нравственнымъ закономъ, а вѣдь счастіе только въ Богѣ, самъ Толстой это призналъ: „Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога"... и „я спасся отъ самоубійства", писалъ онъ въ своей „Исповѣди" [1]).

Так. об. перевѣсъ не на сторонѣ цивилизаціи: больше отъ нея зла, чѣмъ добра. Европейцы по присвоенному ими себѣ праву опеки надъ всѣмъ міромъ дѣлаютъ завоеванія, покоряютъ народы во имя

1) Стр. 42, изд. Сытина.

будто (?) цивилизаціи, и—вносятъ свои страшные пороки: пьянство, жестокосердечіе, насиліе, попраніе нерѣдко священныхъ семейныхъ и человѣческихъ правъ. Не разъ приходилось читать, что народъ жилъ мирно, воровства не было, пьянства не существовало, нравы мягкіе, добрые,—пришли европейцы, прогнали съ насиженныхъ вѣками мѣстъ, овладѣли имуществомъ, развратили, обратили въ рабовъ... Приговоръ прогрессу дѣлаетъ извѣстный Григорій Петровъ, бывшій священникъ, въ соч. „Школа и жизнь“. Онъ пишетъ: „Поскобли европейца, возьми за живое—и найдешь дикаря“ (стр. 45), и эту свою мысль онъ подкрѣпляетъ доказательствами. „Припомните“, говоритъ онъ, „какъ англичане усмиряли послѣднее возстаніе сипаевъ, когда они по нѣскольку человѣкъ заразъ привязывали къ жерлу пушекъ и такъ разстрѣливали. Припомните подвиги нѣмецкихъ культуртрегеровъ въ Камерунѣ, гдѣ пришлые просвѣтители учились стрѣлять въ цѣль по негритянскимъ дѣтямъ. Возьмите англійскаго героя печальнаго вида въ Трансваалѣ, Китченера, съ его варварскимъ оскорбленіемъ могилы и останковъ Махди въ Суданѣ. Возьмите, наконецъ, безсмысленныя казни китайцевъ европейцами, безцѣльныя опустошенія цѣлыхъ областей и канибальскія требованія новыхъ и новыхъ головъ въ возмѣщеніе за казни европейцевъ. Развѣ все это не дѣйствія дагомейскихъ дикарей, прикрытыхъ только фракомъ европейской культуры?... Можетъ показаться непонятнымъ, какъ это получаются дипломированные дикари. Какимъ образомъ изъ университетовъ и академій могутъ выходить Чемберлены и Родсы—просвѣщенные отравители Китая опіумомъ, образованные Атиллы, дѣйствующіе огнемъ и мечомъ, наши доморощенные Шатуновскіе,—всѣ эти коршуны—стервятникв и за ними тысячи мелкихъ хищниковъ, кончиковъ и ястребовъ съ учеными значками“? (стр. 48—49). Еще болѣе суровый приговоръ современной культурѣ, прогрессу произноситъ газета „Русское Слово“ (№ 3, 1914 года 4 янв.) въ статьѣ „Утѣшеніе“. Она, характеризуя прошедшій 1913 годъ въ политическомъ отношеніи, положительно утверждаетъ, что въ отношеніи нравственности Европа пошла на убыль, полиняла, одряхлѣла, получился регрессъ, а не прогрессъ: на прошлое, даже средневѣковье со своими инквизиціею, Варѳоломеевскою

ночью и пр. авторъ статьи смотритъ отрадно, на будущее же со страхомъ, а потому, что „народы обезвѣриваются“, религія падаетъ. И это говоритъ газета вполнѣ прогрессивная! Вотъ по Петрову результаты прославленнаго прогресса, вотъ плоды современной блестящей цивилизаціи по Русскому Слову! Сами прогрессисты признаютъ, что цивилизація, прогрессъ привели человѣчество не къ благу, а къ очень тяжелому положенію, слѣд. признали, что они идутъ по ложному пути. Избави Богъ отъ такой цивилизаціи!

Прогрессъ въ изученіи природы, прогрессъ техническихъ знаній дѣйствительно огромный, и это очень хорошо; но суть-то въ душѣ, а „душа-то убываетъ“. Не будетъ нравственнаго усовершенствованія, прогресса въ нравственности, основаннаго на Богѣ и любви къ людямъ, и все то, что достигнуто наукою изъ природы при всѣхъ блестящихъ современныхъ ея результатахъ, не дастъ мира и спокойствія душѣ, а это только одно служитъ залогомъ счастія. Прогрессъ-то есть, нельзя этого отрицать, жизнь идетъ впередъ, и нѣкоторыя ея стороны дѣйствительно улучшаются; но рядомъ съ этимъ онъ доставляетъ вредъ, и вреда-то отъ него больше, чѣмъ пользы. Полагаю, это мое сужденіе о прогрессѣ болѣе правильное, чѣмъ утвержденіе Толстого, что совсѣмъ нѣтъ прогресса въ общемъ благосостояніи народа.

Клятва.

Третья заповѣдь Толстого: „не клянись“, по его ученію, совершенно исключаетъ всякую клятву, и этотъ выводъ онъ дѣлаетъ изъ буквальнаго пониманія словъ Христа (Мѳ. 5, 33—37). Слова Спасителя лишь суть заповѣди закона: „*Не пріемли имени Господа твоего всуе*“. Слово „всуе“,—по-русски напрасно,—указываетъ, что въ важныхъ обстоятельствахъ клятва допускается самимъ Богомъ, не допускается же въ тѣхъ случаяхъ, когда не вызывается крайнею необходимостью. Что это такъ, доказывается примѣромъ самого Спасителя, словами ап. Павла и Ветхаго Завѣта. Спаситель на судѣ на обвиненіе евреевъ все молчалъ; но когда первосвященникъ сказалъ: „*заклинаю Тебя Богомъ живымъ*“, тогда изъ уваженія

къ этой клятвѣ прервалъ молчаніе и отвѣтилъ, но не указалъ первосвященнику, что тотъ не долженъ былъ клясться, что клятва—грѣхъ. Ап. Павелъ говоритъ въ посланіи къ Евреямъ (6, 17 и 21): „*Богъ... употребилъ клятву, клялся Господь*". Въ Ветхомъ Завѣтѣ есть много мѣстъ, подтверждающихъ, что самъ Богъ клялся и принималъ клятву людей. Да что здѣсь грѣшнаго и противнаго ученію Христа, когда въ важныхъ обстоятельствахъ говоримъ: „призываю Бога въ свидѣтели, что говорю правду". Вѣдь не оскорбляется же память моей матери, если говорю: „клянусь тебѣ памятью моей матери"! Напрасно употреблять имя Божіе, или въ шутку, или въ пустыхъ разговорахъ, а тѣмъ болѣе подкрѣплять клятвою ложь,—вотъ это грѣхъ. Толстому указывали на эти свидѣтельства въ пользу клятвы, какъ онъ самъ отмѣтилъ въ статьѣ „Въ чемъ моя вѣра" [1]), но онъ не придалъ имъ значенія, а, исходя изъ буквальнаго толкованія заповѣди: „не клянись", говоритъ, что ею запрещается государственная присяга. Если самъ Богъ признавалъ и разрѣшалъ клятву, то не могъ Онъ противорѣчить себѣ въ Новомъ Завѣтѣ,—Христово ученіе, какъ мы уже выяснили, не разрушаетъ закона; слѣд. Толстой не имѣлъ права игнорировать приведенныя свидѣтельства. Стало-быть, нужно искать другой смыслъ, примиряющій оба закона.

Толстой рекомендуетъ „просто и прямо" понимать слова Христа. Просто и прямо и мы объяснимъ смыслъ евангельскихъ словъ: „*никакъ не клянись*"..., сказалъ Христосъ, „*только говори: да, да, нѣтъ, нѣтъ*" (Мѳ. 5, 34—37), т. е. Христосъ заповѣдуетъ быть такимъ правдивымъ, чтобы слову христіанина вѣрили безусловно, чтобы отнюдь не было у него лжи—сказалъ: „да", значитъ, дѣйствительно, такъ. Въ этомъ смыслѣ заповѣдь Христа имѣетъ громадное и нравственное и практическое значеніе: если христіане будутъ такъ правдивы, то и клятвы не нужно: повѣрятъ ихъ слову. Въ такомъ пониманіи заповѣди „не клянись" Толстой правъ. Но какъ христіане далеко не всѣ правдивы, въ важныхъ же случаяхъ необходима твердая увѣренность въ справедливости словъ, то не

---

[1]) Стр. 796.

только допустимо, но и необходимо завѣреніе именемъ Божіимъ, такъ какъ вѣрующій —если только онъ дѣйствительно вѣрующій—не посмѣетъ солгать во имя Бога: „*Богъ поруганъ не бываетъ*“, говоритъ апостолъ, и этимъ, какъ я уже сказалъ, нисколько не оскорбляется и не унижается благоговѣйное отношеніе къ Богу. Так. образ. не только нѣтъ противорѣчія словъ Христа съ другими приведенными выше словами изъ священнаго писанія, но полное въ нихъ согласіе, одно другое пополняетъ, и Толстой, будучи правъ въ первомъ пониманіи этой заповѣди, неправъ во второмъ: клятва разрѣшается самимъ Богомъ.

Толстой въ своемъ евангеліи, конечно, ничего не помѣстилъ чудеснаго изъ жизни Христа—ни воскресенія, ни вознесенія и т. п. Онъ говоритъ: „рѣшенія разума о томъ, правда ли то, что три Бога вмѣстѣ составляютъ одного, правда ли то, что человѣкъ умеръ и потомъ воскресъ, правда ли, что человѣкъ ходилъ по водѣ или улетѣлъ въ тѣлѣ на небо, что, съѣдая хлѣбъ и вино, я съѣдаю тѣло и кровь—рѣшеніе разума объ этихъ вопросахъ всегда одни и тѣ же для всѣхъ людей и во всемъ мірѣ и всегда несомнѣнно вѣрны... разумъ отвѣчаетъ одно и то же: это неправда“ [1].—Опять скажемъ на это покойному графу и его послѣдователямъ: десятки, сотни, тысячи людей были личными свидѣтелями этихъ чудесъ; у васъ же одно свидѣтельство—вашъ разумъ, иныхъ свидѣтелей вы намъ не указали. Нѣтъ, графъ и вы—гг. толстовцы, не знаете фактически, нѣтъ у васъ неопровержимыхъ доказательствъ, такъ отвѣтьте честно: „я не знаю“, а утверждать и отвергать голословно лишь потому, что такъ мнѣ кажется, непростительно глубокому серьезному мыслителю.

Полагаю, достаточно приведенныхъ мѣстъ изъ евангелія Толстого, чтобы ясно видѣть, каково оно, какъ онъ произвольно, безъ всякаго основанія, отвергаетъ, извращаетъ евангельскіе факты и слова Христа, и это онъ называетъ очищеніемъ Евангелія отъ „безобразныхъ преданій и суевѣрій!“

---

1) стр. 796.

Перехожу затѣмъ къ разсмотрѣнію нравственнаго ученія Толстого, какъ бы вытекающаго изъ ученія Христа, въ сущности же его собственнаго.

Собственность и трудъ.

Толстой учитъ: „Когда человѣкъ считаетъ исключительно своею приготовленную имъ или полученную отъ кого-либо пищу на завтра, или одежду, или кровъ на зиму для себя или для своей семьи, то онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ корысти“ [1]).

Это ученіе Толстого ставитъ въ недоумѣніе: какъ же поступать по нему?—У меня семья—жена, мать, трое—пятеро дѣтей; подходитъ зима—холодъ: нужна теплая одежда, нужно жилище, иначе замерзнутъ; я на свои трудовыя деньги все это имъ доставилъ, и—вдругъ оказывается, я не имѣю права это сдѣлать исключительно для себя и своей семьи, а можетъ притти и воспользоваться наравнѣ съ моей семьей чужой, иначе совершу грѣхъ корысти. Если есть возможность такъ дѣлать безъ вреда для своей семьи, то, конечно, нужно помочь неимущему, какъ и Христосъ велѣлъ, и грѣхъ—не помочь; но не имѣю права отнять у семьи послѣднюю пищу, приготовленную на завтра, иначе она будетъ голодать, кровъ и одежду, чтобы отдать другому. Христосъ сказалъ: *„чти отца твоего и матерь“*, и так. обр. любовь къ родителямъ даже выдѣлилъ, возвысилъ надъ любовью ко всѣмъ другимъ людямъ; Онъ самъ позаботился о своей Матери даже среди ужасныхъ крестныхъ страданій, чтобы Она имѣла кровъ и пищу. Ап. Павелъ говоритъ въ первомъ посланіи къ Тимоѳею (5, 8): *„Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже язычника“*. Христосъ говоритъ объ оставленіи отца и матери лишь въ томъ случаѣ, если приходится дѣлать выборъ между Нимъ-Богомъ и ими: *„ради Мене“*, т. е. Бога нужно любить больше отца и матери, что признаетъ и Толстой: „не пожертво-

---

[1]) Стр. 776.

вать любовью Божескою для любви семейной“ [1]), говоритъ онъ, и если они препятствуютъ этому, то лучше ихъ оставить, а не Бога. Такъ обр. Христосъ и апостолы нисколько не освобождаютъ отъ любви къ родителямъ и вообще близкимъ роднымъ и отъ заботъ объ нихъ, а напротивъ повелѣваютъ любить ихъ преимущественно предъ чужими, только съ оговоркою—любить Отца небеснаго больше. Христосъ, такъ сказать, урегулируетъ любовь къ Богу, семейнымъ и постороннимъ и ставитъ ее въ стройную связь, а Толстой предлагаетъ обратное ученіе: любить враговъ больше семейныхъ,—ученіе, невыполнимое и даже жестокое по отношенію къ своимъ близкимъ роднымъ и противное природѣ человѣка, хотя самъ же онъ говоритъ: „Естественнымъ путемъ желаніе блага расширяетъ свои предѣлы любовью—сначала къ семейнымъ—женѣ, дѣтямъ, потомъ къ друзьямъ, соотечественникамъ, но любовь не довольствуется этимъ и стремится обнять все существующее“ [2]). Самъ же говоритъ: „естественнымъ путемъ“, а тутъ предлагаетъ неестественный путь.

Толстой идетъ въ этомъ направленіи еще дальше: учитъ совсѣмъ не заботиться о будущемъ. Онъ слова Спасителя: „*Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ*“ (Мѳ. 6, 34)—такъ объясняетъ: „Евангельское изреченіе о томъ, чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ, а жить, какъ птицы небесныя,—не есть метафора, а утвержденіе существующаго закона всякой животной общественной жизни“ [3]), т. е. жить нынѣшнимъ днемъ. Сопоставляя это ученіе Христа съ другими мѣстами Евангелія—такъ: „*хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*“, притча о богатомъ купцѣ, который намѣревался еще болѣе расширить свои житницы, пировать и веселиться, но которому предназначено умереть въ ту же ночь,—ясно станетъ, что Христосъ говорилъ не буквально о завтрашнемъ днѣ, а о томъ, чтобы мы не заботились объ излишнемъ на многіе годы, пріобрѣтали бы только необходимое для жизни, но не для

---

1) Стр. 803.
2) Стр. 768.
3) Стр. 776.

излишества, роскоши, предлагаетъ *„прежде искать царствія Божія и правды Его“* (Мѳ. 6, 25, 32, 33), болѣе надѣяться на Бога, подтверждаетъ это указаніемъ на птицъ (Мѳ. 6, 25—30); но вѣдь и птицы не свободны отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ: строятъ гнѣзда, на зиму ищутъ себѣ болѣе удобныя мѣста для пищи и жилища. Если буквально слѣдовать этому ученію Толстого, то придется повести жизнь, подобную дикарямъ, живущимъ въ жаркихъ странахъ, но не холодныхъ; въ нашемъ же климатѣ мы всѣ умерли бы съ голода и съ холода; тогда вся культура насмарку. Изъ словъ же Христа такого вывода сдѣлать нельзя.

Ученіе Толстого, что мы, съ одной стороны, ничего не должны считать исключительно своимъ, не должны заботиться о своихъ домашнихъ болѣе, чѣмъ о чужихъ, съ другой стороны, должны заботиться только о нынѣшнемъ днѣ, привело его къ отрицанію всякой собственности или коммунизму и къ уменьшенію производительности труда. „Собственность“, говоритъ Толстой, „есть корень всего зла“ [1]). Подтвержденіе этого своего ученія онъ видитъ въ словахъ Спасителя, сказанныхъ юношѣ и неправильно имъ понятыхъ: *„Если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, и слѣдуй за Мною“* (Мѳ. 19,21). Христосъ словомъ *„быть совершеннымъ“* указываетъ на высшій, особенный идеалъ христіанина: полное посвященіе себя Богу чрезъ отреченіе отъ всего мірского, что и лежитъ въ основѣ монашества, которое, так. обр., исполняетъ завѣтъ Христа; но какъ не всѣ люди могутъ по своей природѣ быть безбрачными, безсемейными, предаваться созерцательной жизни, то Спаситель и выдѣлилъ ихъ: *„могій вмѣстити, да вмѣститъ“*. На такихъ людей Христосъ и апостолы возложили обязанность покоить родителей, заботиться о своей семьѣ преимущественно предъ посторонними, какъ это уже выяснено, а какъ безъ собственности поступать такъ невозможно, то и вытекаетъ отсюда заключеніе, что Спаситель признавалъ собственность, что также подтверждается Его словами: *„богатому трудно войти въ*

---

1) Отъ стр. 631 по 633 и другихъ мѣстахъ.

царство небесное" (Мѳ. 19,23). Онъ не сказалъ: не возможно, какъ перефразируетъ Толстой, а *„трудно"*, т. е. богатый можетъ угодить Богу, если пользуется своимъ богатствомъ съ соблюденіемъ заповѣди любви къ ближнимъ. Слѣд. напрасно Толстой выводитъ свое ученіе о собственности изъ ученія Христа, неправду говоритъ, что „собственности по Евангелію нѣтъ" [1]). Ап. Петръ сказалъ Ананіи: *„чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было"?* (Дѣян. 5,4), но не сказалъ: ты не имѣешь права на собственность, а потому утаилъ изъ чужого. Так. об. Спаситель и апостолы не запрещаютъ имѣть собственность, но запрещаютъ излишекъ, роскошь, заповѣдуютъ умѣренность во всемъ, заповѣдуютъ довольствоваться лишь необходимымъ, а это необходимо для счастія и здоровья самихъ людей: всякій знаетъ, что излишество разстраиваетъ организмъ человѣка, ослабляетъ его умственныя и нравственныя силы и ведетъ, так. об., къ дряблости и физической и умственной, къ эгоизму и гордости и пр. и пр., а при такихъ условіяхъ и богатый не бываетъ счастливымъ.

О собственности Толстой трактуетъ довольно пространно. Вотъ основной его взглядъ: „Собственность есть только средство пользованія трудомъ другихъ, а труды другихъ никакъ не могутъ быть моими собственными. Человѣкъ называетъ своей собственностью свою жену, своихъ дѣтей, своихъ рабовъ, свои вещи, но дѣйствительность всегда показываетъ ему его ошибку... Теперь мы заявляемъ право собственности на деньги, т. е. на трудъ другихъ; но право собственности на жену, сына раба, лошадь есть фикція, которая уничтожается дѣйствительностью... Собственностью останется только мое тѣло... Собственность для каждаго человѣка есть только онъ самъ" [2]). Слѣдов. собственностью Толстой признаетъ только себя самого, свое тѣло, все же остальное не „моя" собственность. По его ученію выходитъ, что моя жена не есть моя собственность; но какъ же она не „моя" жена, когда одному мнѣ принадлежитъ, какъ жена, и я, какъ мужъ,

---

1) Стр. 842.
2) Стр. 631, 632, 633.

только одинъ съ обоюднаго нашего согласія, закрѣплённаго церковью и законами государства, имѣю права на нее, и, обратно, она, какъ жена, имѣетъ права на меня? Толстой говоритъ: „право собственности—жена, лошадь—фикція“; но вѣдь лошадь пріобрѣтена мною на заработанныя мною деньги, деньги же я получилъ за свой трудъ, который я употребилъ въ пользу другого; такъ какъ же я не долженъ считать своею собственностью заработанныя моимъ трудомъ деньги? какъ не мой собственный колачъ, купленный за мой заработокъ? чей же этотъ колачъ послѣ того, какъ я заплатилъ за него пятачокъ? Свой трудъ я продалъ другому, такъ равнымъ образомъ и я могу по справедливости купить трудъ другого для себя, и, так. образ., трудъ другого замѣняетъ мой трудъ и есть то же, что мой собственный; здѣсь, значитъ, взаимный обмѣнъ труда и только, деньги являются лишь удобнымъ средствомъ такого обмѣна. Такъ и Толстой говоритъ: „Всѣ любятъ вѣрить въ то, что деньги есть только средство обмѣна труда. Мы посредствомъ денегъ обмѣниваемся своими произведеніями, и деньги каждаго изъ насъ представляютъ нашъ трудъ. Это совершенно вѣрно, но вѣрно только до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ, гдѣ происходитъ этотъ обмѣнъ, не появилось насиліе одного человѣка надъ другимъ“ [1]). Очевидно, здѣсь Толстой смѣшиваетъ два понятія: деньги—какъ плата за трудъ и деньги—какъ побудительная причина и средство къ насилію. Деньги много зла приносятъ, изъ-за нихъ совершаются насилія—это правда, такъ объ этомъ и нужно говорить; но совершенный обсурдъ, что деньги, какъ мой заработокъ, и все пріобрѣтенное на нихъ не есть моя собственность. Какъ же въ такомъ случаѣ иначе дѣлать обмѣнъ труда? Изъ-за денегъ люди дѣлаютъ зло; такъ это относится къ злой волѣ человѣка. Такъ ножъ необходимъ и очень полезенъ въ обыденной жизни, но онъ же служитъ и орудіемъ пораненія, умерщвленія людей. Деньги необходимы; но злоупотребленіе ими слѣдуетъ считать зломъ и строго преслѣдовать. Не собственность корень зла, а

---

1) Стр. 528.

неправильное пріобрѣтеніе ея и неправильное пользованіе ею. Въ практической жизни собственность—это главный рычагъ для труда: безъ собственности трудъ упадетъ до минимума, а съ упадкомъ его упадетъ и благосостояніе отдѣльныхъ лицъ и всего государства, и наука, и искусства, и нравственность народа.

Графъ очень много трактуетъ о трудѣ, особенно физическомъ, настаиваетъ, чтобы мы сами все дѣлали для себя, даже самую грязную работу: такъ онъ говоритъ: „Самому дѣлать для себя ту работу, которая тяжела и непріятна“ [1]), и, так. обр., не имѣли бы нужды покупать трудъ другихъ. Но, вѣдь, это невозможно: кто же въ состояніи и заниматься умственнымъ трудомъ, и шить себѣ сапоги, вычищать выгребныя ямы и пр. и пр?—не хватитъ ни умѣнья, ни силъ, ни времени. Но я не имѣю въ виду говорить о трудѣ: много о немъ говорилось и писалось, цѣлая литература имѣется и о коммунизмѣ,—я только желаю показать, что ученіе Толстого о трудѣ не можетъ быть проведено въ жизнь, слѣдов. безплодно. Что физическій трудъ необходимъ для человѣка, что условія городской жизни нашей интеллегенціи весьма ненормальны и вредны для здоровья, противъ этого возражать едва ли кто будетъ; но и предлагаемое Толстымъ не пріемлемо: многіе пытались повести свою жизнь по рецепту Толстого, и кончали тѣмъ, что разбѣгались изъ толстовскихъ колоній. Въ примѣръ возьму его же самого. Зачѣмъ же онъ имѣлъ у себя лакея, повара и другихъ слугъ, трудъ которыхъ онъ покупалъ? Зачѣмъ же онъ весь свой заработокъ, доходы отдавалъ своей семьѣ исключительно, а постороннимъ отказывалъ, о чемъ даже въ газетахъ оповѣстилъ? зачѣмъ оставилъ ей все свое имущество по завѣщанію, и тѣмъ совершилъ грѣхъ корысти? Если получаемыя имъ деньги, движимое и недвижимое имущество онъ не считалъ своею собственностью, тогда ужъ не распоряжался бы ими по своему усмотрѣнію. Это невольно наводитъ на сомнѣніе въ его искренности. Припоминаются мнѣ слова Спасителя, сказанныя про книжниковъ и фарисеевъ, но вполнѣ относящіяся къ Толстому:

---

1) Стр. 831.

„они говорятъ, но не дѣлаютъ, связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и вoглагаютъ на плечи людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ“ (Мѳ. 23, 3—4).

Любовь.

При разрѣшеніи вопроса о собственности пришлось коснуться любви къ людямъ—къ своимъ семейнымъ и чужимъ и указать, что Христосъ и апостолы различали любовь къ близкимъ роднымъ отъ любви къ чужимъ и любовь къ первымъ ставили выше любви ко всѣмъ вообще людямъ, Толстой же такой любви не различаетъ и учитъ иному. Въ виду важности этого вопроса разсмотримъ ученіе Толстого о любви болѣе обстоятельно.

Толстой говоритъ: „любить враговъ, любить немилыхъ, любить чужихъ можно безъ осторожности, но нельзя такъ любить семейныхъ, потому что такая любовь ведетъ къ ослѣпленію и оправданію грѣховъ“ (803). Этого ученія Толстого я постигнуть не могу: какъ же возможно даже съ идеальной стороны любить враговъ больше, чѣмъ семейныхъ? Мы только что выяснили, что это противно и природѣ человѣка, которую создалъ Богъ, и пятой заповѣди закона: *„чти отца и матерь“*, или, иначе, и въ природѣ и въ заповѣди самъ Богъ указалъ, какъ понимать любовь къ роднымъ и врагамъ. Какая любовь можетъ быть выше, чище, сильнѣе и святѣе материнской любви? Толстой же заглушаетъ это чувство: врага, немилаго люби больше, чѣмъ своихъ дочь, сына. Непостижимо и невозможно! Онъ признаетъ, какъ мы видѣли, ученіе Христа самымъ мудрымъ, чистымъ, высокимъ, однако не довольствуется имъ, а предлагаетъ свое; значитъ, ученіе Христа менѣе высоко и чисто, чѣмъ его? значитъ, онъ ставитъ себя выше Христа, такъ какъ онъ проповѣдуетъ альтруизмъ?

Сущность альтруизма состоитъ въ томъ, что индивидуальность— зло, что нужно жить и дѣйствовать для блага другихъ людей, для блага общества и рода, для блага всего человѣчества, и что другихъ людей нужно любить больше себя самого. Жертвуя собою и всѣмъ

своимъ для блага другихъ людей, человѣкъ достигаетъ счастія; напротивъ, онъ не можетъ достигнуть счастія, когда стремится къ личному счастію, для него живетъ и дѣйствуетъ. Такое ученіе Тостого объ альтруизмѣ заимствовано имъ у Шопенгауера и Гартмана, а также у позитивистовъ Огюста Конта и др. Профес. А. Бѣляевъ довольно подробно обсуждаетъ альтруизмъ въ своей брошюрѣ „Истинное христіанство и гуманизмъ". Я приведу здѣсь самую суть его доказательствъ несостоятельности альтруизма: а) альтруизмъ отличается отъ христіанскаго ученія о любви къ ближнему: Христосъ сказалъ: *„люби ближняго, какъ самого себя"*, а не больше себя, и этою заповѣдью Христосъ предостерегаетъ отъ эгоизма, но нисколько не исключаетъ любви къ себѣ,—лишь эгоистическое стремленіе къ личному счастію лишаетъ человѣка возможности получить собственное счастіе, б) учитъ самоотверженію ради другихъ людей, а христіанство—ради Христа, в) близокъ къ детерминизму, т. е. отрицанію свободной воли, отрицанію индивидуальности, г) противорѣчитъ природѣ человѣка и ведетъ къ самоубійству, д) противорѣчитъ всемірной исторіи, которая свидѣтельствуетъ, что цивилизація стремилась и стремится къ поднятію значенія личности, къ доставленію счастія каждому въ отдѣльности чрезъ общее счастіе, е) имѣетъ связь съ противорелигіозными ученіями, съ Буддизмомъ, который, уча о непротивленіи злу, о любви, какъ состраданію, признавая индивидуальное бытіе зломъ и несчастіемъ, поставляя идеаломъ человѣческой жизни небытіе (нирвана), весь состоитъ изъ альтруизма, и въ этомъ одно изъ существенныхъ отличій буддійской морали отъ христіанскаго нравоученія. Какой же мы видимъ результатъ проповѣди Толстого о любви, объ альтруизмѣ? А результатъ тотъ, что какъ самъ Толстой, такъ и его послѣдователи проповѣдуютъ собственно не любовь. а сантиментальность, любовь у нихъ замѣняется нервною чувствительностью, безсильными и лицемѣрными рѣчами о любви, любовь у нихъ на словахъ, на дѣлѣ же необычайное развитіе эгоизма. Доказалъ ли Толстой на дѣлѣ свою любовь къ людямъ? Этого мы не видѣли. Доказываютъ ли его послѣдователи? Сами хорошо знаете, что не только альтруизма, а даже обыкновенной помощи изъ своего кармана

рѣдко, рѣдко кто изъ нихъ окажетъ. А ужъ сколько словъ о любви, о помощи, но—на чужой счетъ, изъ чужого кармана!

Итакъ Толстой учитъ любить враговъ больше родныхъ, другихъ больше собя. Но какъ же согласить съ этимъ слѣдующія его слова въ его статьѣ. „Въ чемъ моя вѣра“: „Нельзя любить личныхъ враговъ“ [1])? Заповѣдь же Спасителя: „*любите враговъ вашихъ*“—онъ толкуетъ такъ, что „людей вражескаго народа можно любить такъ же, какъ и своихъ“, что „любовь къ врагамъ Спаситель заповѣдуетъ (будто?) не къ личнымъ, а къ народнымъ“ [2]). Нахожу излишнимъ что-либо сказать на это: такъ очевидна нелѣпость ученія Толстого о любви, такъ очевидно полное противорѣчіе его съ самимъ собою.

Политическое ученіе Толстого.

При разсмотрѣніи ученія Толстого о государствѣ, войнѣ, судѣ, податяхъ, собственности мы уже выяснили политическіе его взгляды, теперь закончимъ разборъ ихъ.

Ученіе Толстого: „Человѣкъ не долженъ никогда совершать зла своимъ ближнимъ въ виду какихъ бы то ни было соображеній о будущемъ благѣ многихъ“—[3]) болѣе относится къ соціалистамъ, революціонерамъ и анархистамъ, которые, усматривая несовершенство общественнаго строя, хотятъ учредить свой строй, по ихъ разумѣнію, идеальный, и во имя своихъ проблемматическихъ воззрѣній совершаютъ ужасное зло—убиваютъ массу людей для будущаго будто бы общаго блага. Я уже доказалъ, что разумъ ошибается: какіе великіе умы заблуждались; поэтому могутъ ли соціалисты, революціонеры съ полною увѣренностью сказать, что ихъ убѣжденія истинны, безошибочны, а между тѣмъ во имя именно проблемматической своей идеи они погубили столько народу. Они забыли вѣчный законъ: „отъ зла добра не бываетъ“. Не насиліемъ, а нравственнымъ улучшеніемъ человѣчество можетъ притти къ счастію, на

---

1) Стр: 103 „Въ чемъ моя вѣра“? 2) тамъ же 3) стр. 805.

что особенно наставляетъ и Толстой. Къ этому стремится и христіанство: по его ученію, причина всѣхъ бѣдствій грѣхъ, происходящій отъ эгоизма, отъ преобладанія плоти надъ духомъ и т. п.; оно и учитъ видѣть во всѣхъ людяхъ братьевъ, велитъ любить другихъ, не дѣлать никому зла, учитъ изъ любви къ ближнему входить въ его положеніе, помогать ему, чѣмъ кто можетъ: совѣтомъ, дѣломъ, удѣленіемъ неимущему изъ своего достоянія, слѣдов. стремится къ нравственному равенству, но не политическому и не общественному 1), къ уничтоженію гнета капитализма, такъ что если бы не было ему препятствій въ достиженіи этого идеала, то не было бы ни войнъ, ни воровства, ни бѣдности и другихъ бѣдствій; христіанство ведетъ къ возвышенію духовныхъ силъ надъ тѣлесными и этимъ выводитъ человѣка изъ ряда животныхъ къ духовному совершенству, подчиняетъ тѣло духу тѣмъ, что предписываетъ пользоваться земными благами и удовольствіями умѣренно, но не запрещаетъ ихъ, и этимъ способствуетъ и къ бодрствованію духа и спокойствію совѣсти, что составляетъ залогъ счастія, и къ тѣлесной крѣпости и здоровью, и это счастіе вполнѣ достижимо, и его испытали и испытываютъ тѣ, которые жили и живутъ по христіанскимъ заповѣдямъ. Соціализмъ же хочетъ построить счастіе земное только для тѣла, но не путемъ внутренняго усовершенствованія человѣка, а насиліемъ, видитъ его въ одной только сытости тѣла, и этимъ низводитъ человѣка до уровня животнаго. Не внѣшними принудительными воздѣйствіями, какъ учитъ соціализмъ, а только, повторю, нравственнымъ усовершенствованіемъ люди могутъ притти къ равенству, братству и свободѣ: Христосъ даетъ счастіе, а не соціалистическое ученіе. Если бы всѣ христіане поняли духъ христіанства и жили бы по его правиламъ, тогда на землѣ было бы царство небесное. То-то и горе, что христіане лишь по имени, а не по духу. Соціализмъ не хочетъ понять, что вся суть именно въ духовномъ мірѣ человѣка, а не во внѣшнемъ благополучіи, которое никогда не достигнется безъ душевнаго мира, безъ уравновѣшенности духа, безъ довольства необходимымъ, вѣдь и

---

1) О невозможности быть равенству въ дѣйствительности въ политическомъ и общественномъ отношеніи см. прибавленіе къ Церков. Вѣдомостямъ № 44 за 1912 г.

„чрезъ золото слезы льются“, говоритъ пословица. Такъ онъ долженъ бы видѣть въ христіанствѣ не врага, а друга, не итти противъ него войною, чтобы насильственно переустроить существующій порядокъ, а долженъ бы стремиться къ нравственному улучшенію людей, стремиться къ уничтоженію эгоизма, безнравственности, несправедливости, и тогда достигъ бы своей цѣли—сдѣлалъ бы каждаго гражданина счастливымъ, а этого-то именно и желаетъ христіанство. Пусть люди сознаютъ мерзость грѣха кражи, и воровъ не будетъ. Развѣ можно насильно заставить человѣка быть добрымъ, честнымъ? Опять скажу, что сказалъ Толстому: передѣлайте всю природу человѣка, если можете, тогда и будетъ по-вашему: водворится и равенство и братство; не можете?—такъ и не дѣлайте зла для вашихъ фиктивныхъ желаній. У Толстого есть разсказъ „Божеское и человѣческое“ про революціонера Игнатія Меженецкаго, который подвелъ подъ смертную казнь своего товарища—прекраснаго юношу кандидата Новороссійскаго университета Свѣтлогуба, самъ совершалъ террористическія дѣянія, провелъ въ заключеніи 7 лѣтъ и все время поддерживалъ себя горделивымъ сознаніемъ высоты и правоты своихъ революціонныхъ идей; потомъ сослали его въ Сибирь, гдѣ онъ встрѣтился съ другою партіею новѣйшихъ революціонеровъ, которые въ презрѣніемъ осмѣяли его отсталые взгляды, и этимъ такъ поразили его, что онъ въ отчаяніи отъ угрызенія совѣсти и сознанія: „за что же я погубилъ столько жизней и себя?“ повѣсился въ камерѣ. Этотъ разсказъ вполнѣ подтверждаетъ мой взглядъ и вмѣстѣ опровергаетъ самого Толстого тѣмъ, что на разумъ свой полагаться нельзя: что сегодня я считаю за истину и за нее готовъ пожертвовать жизнью, то завтра будетъ уже устарѣлымъ, ложнымъ. Съ особою силою Толстой выразилъ ту же мысль, что революціонеры не въ правѣ признавать свои убѣжденія правильными и тѣмъ болѣе навязывать ихъ народу насильственными мѣрами, въ обращеніи своемъ къ русскимъ революціонерамъ во французскомъ журналѣ „Revue Bleue“. „Вы—взываетъ къ нимъ Л. Толстой—„вы, которыхъ никто не призвалъ и никто не призналъ, вдругъ берете на себя отвѣтственность за самые ужасные поступки только

потому, что надѣетесь установить въ Россіи новый общественный порядокъ, при чемъ каждый изъ васъ опредѣляетъ этотъ порядокъ по-своему. Вы бросаете бомбы, вы грабите, вы убиваете, вы казните; тысячи людей убиты, доведены до озвѣренія. И все это для чего? Только для того, чтобы нѣсколько человѣкъ, едва-ли одна десятимилліонная часть народа могла доказать, что они были правы. Вы говорите, что работаете для народа, что ваша главная цѣль—благо народа. Но сто милліоновъ народа не просятъ у васъ того, чего вы стараетесь добиться столь дурными средствами. Вы не нужны народу, онъ всегда смотрѣлъ на васъ, какъ на паразитовъ. Поймите, что вѣдь вы, наборщики, доктора, журналисты, ветеринары, курсистки, купцы и адвокаты, всѣ вы не болѣе, какъ вредные паразиты, высасывающіе у русскаго народа его послѣдніе соки "[1]).

Итакъ Толстой высказался противъ соціализма, противъ революціонеровъ въ ихъ стремленіи насильственно уравнять имущество и права гражданъ; но, высказавши такія гуманныя, совершенно правильныя сужденія, онъ, по своему обычаю, тотчасъ же впадаетъ въ крайность, въ противорѣчіе съ самимъ съ собою: проповѣдуетъ непротивленіе злу, осуждаетъ соціализмъ за его насиліе и въ то же время высказываетъ анархическіе взгляды. Такъ онъ говоритъ: „Человѣкъ не долженъ считать себя обязаннымъ повиноваться кому бы то ни было преимущественно предъ своею совѣстью" [2]). Этими словами Толстой призываетъ къ неповиновенію и, какъ логическое слѣдствіе, къ сопротивленію. Христосъ не училъ неповиновенію, а напротивъ смиренію, да и самъ Толстой учитъ не сопротивляться злу, даже безъ сопротивленія предоставить врагамъ изжарить его дѣтей. Неповиновеніе чьему бы то ни было требованію, по христіанскому ученію, христіанинъ долженъ оказать только въ томъ случаѣ, когда принуждаютъ его отречься отъ Христа, совершить

1) См. „Нов. Вр." № 12780.
2) Стр. 805.

безнравственный поступокъ, осуждаемый Христомъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ человѣкъ обязанъ подчиняться всѣмъ учрежденіямъ и порядкамъ государства даже вопреки своей совѣсти, которая въ данный моментъ можетъ быть ошибочна. Это же ученіе Толстого ведетъ къ анархизму, хотя замаскированному выраженіемъ „преимущественно предъ своею совѣстью.“ Такъ это и есть: Толстой сочувствовалъ анархистамъ, онъ признавалъ ихъ своими друзьями, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ г-жа В. Микуличъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1913 г., апрѣль. Можно бы согласиться съ Толстымъ, если бы всѣ люди были одинаковаго убѣжденія, при томъ нравственнаго, правильнаго, здраваго, одинаковой совѣсти; но только что приведенный разсказъ Толстого говоритъ какъ разъ противъ послѣдняго его ученія: Меженецкій былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ убѣжденій, совѣсть подсказывала ему, что его дѣло—высокій подвигъ, а чрезъ 7 лѣтъ—увы!—полное разочарованіе и отчаяніе. Почти каждый день газеты преподносятъ намъ извѣстія объ ужасныхъ преступленіяхъ: то сынъ убилъ своихъ отца и мать, то мать отвезла своихъ дочерей—дѣвочекъ въ лютый морозъ въ поле, оставила ихъ на ночь въ нежилой сторожкѣ, и онѣ тамъ замерзли, то насиліе надъ дѣвицами и даже младенцами. Эти люди—звѣри совершаютъ преступленія не вопреки своей совѣсти, иначе они ужаснулись бы своихъ дѣяній. Если теперь совершаются такія злодѣянія, когда законъ сильно караетъ за нихъ, то что бы было съ нашимъ обществомъ, если бы каждый поступалъ, какъ хотѣлъ, даже не вопреки своей совѣсти! Посмотримъ на природу—вездѣ порядокъ: въ неодушевленной природѣ дивная гармонія; у насѣкомыхъ, птицъ и вообще животныхъ также порядокъ: очень многія живутъ организованными обществами съ своими вожаками-начальствующими, съ своими законами и возмездіемъ за ихъ нарушеніе. Лишь анархисты съ Л. Н. Толстымъ не желаютъ подчиненія, порядка; но вѣдь и у самихъ анархистовъ есть порядокъ, повиновеніе: они подчиняются своимъ главарямъ и исполняютъ ихъ приказанія, хотя бы и не сочувствовали имъ. Сами проповѣдуютъ: „никому не подчиняйся, живи, какъ хочешь.“ А какъ залѣзетъ къ нимъ въ

карманъ воришка, такъ тотчасъ поднимутъ крикъ: „Эй, полицейскій!“ Анархисты—это кандидаты на сумасшедшій домъ!

Обобщимъ политическіе взгляды графа. Толстой отвергаетъ государство со всѣмъ его строемъ—съ податями, войскомъ, судами, собственностью, призываетъ къ неповиновенію, подрываетъ даже семейный очагъ, и так. об. разрушаетъ все, чѣмъ человѣчество до сихъ поръ жило во всѣ времена; слѣдов. онъ и соціалистъ и анархистъ, но мирный, онъ—разрушитель безъ насилія.

Общая характеристика Толстого и его ученія.

Какое же заключеніе изъ всего сказаннаго о Толстомъ? Слѣдовать ли намъ за нимъ? Предоставимъ ему самому охарактеризовать себя и свое ученіе. Вотъ что онъ пишетъ своему какому-то знакомому [1]: „Ну, а вы, Л. Н., проповѣдать вы проповѣдуете, а какъ исполняете? Вопросъ этотъ самый естественный, и мнѣ его дѣлаютъ, всегда и всегда побѣдоносно зажимаютъ мнѣ ротъ. Вы проповѣдуете, а какъ вы живете? И я отвѣчаю, что не проповѣдую и не могу проповѣдовать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдовать я могу дѣломъ, а дѣла мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а есть только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія. Значеніе его не въ томъ, чтобы во имя его насиліемъ перестраивать общество; значеніе его въ томъ, чтобы найти смыслъ жизни въ этомъ мірѣ. Исполненіе пяти заповѣдей даетъ этотъ смыслъ. Если вы хотите быть христіаниномъ, то надо исполнять эти заповѣди, а не хотите ихъ исполнять, то толкуйте о христіанствѣ внѣ исполненія этихъ заповѣдей. Но—говорятъ мнѣ—если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не

---

1) Стр. 843—844.

исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что я виноватъ и гадокъ, и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю. Но при томъ не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и $^1/_{10,000}$, это правда, и я виноватъ въ этомъ; но я не исполнялъ не потому, что ве хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ. и я исполню, но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого невѣренъ путь, по которому я иду? Если не вѣренъ, покажите мнѣ другой; если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вотъ онъ! говорилъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото. Да не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня. Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе домой. Вѣдь я одинъ и вѣдь я не могу желать итти въ болото. Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились. и когда я бьюсь всѣми силами, вы при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть себя и меня, суете меня и съ восторгомъ кричите: смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болотѣ.

Такъ вотъ каковъ Толстой и его ученіе по его же собственному признанію! Жалкій, несчастный Левъ Николаевичъ! Онъ мучился, страдалъ, отыскивая истину, отыскивая Бога: „Живи“, **говоритъ онъ въ „Исповѣди“,** „отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога;“ **сердце у него разрывалось отъ отчаянія, потому**

что чувствовалъ, что заблудился, зашелъ въ болото, хотя и говорилъ, что нашелъ вѣрный путь. Послѣдніе дни его жизни не указываютъ ли на страшную драму, совершавшуюся въ его душѣ, когда онъ убѣжалъ изъ дому? Знать, тяжело ему было среди своихъ близкихъ родныхъ: „вѣдь я", писалъ онъ, „одинъ;" видно, какъ онъ страстно желалъ найти выходъ отъ мукъ своего сердца, и не находилъ. Я слышалъ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, что покойная сестра его—монахиня Шамординскаго монастыря, къ которой Толстой убѣжалъ изъ дому, имъ разсказывала, что Левъ Ник. хотѣлъ принять монашество, но его насильно похитили отыскавшіе его Чертковъ и его домашніе, и онъ такъ былъ этимъ огорченъ, что дорогою при сильномъ вѣтрѣ съ отчаяніемъ распахивалъ свою грудь и шею, простудился и умеръ. Что онъ искренно искалъ истину, это нельзя отвергать. Такъ не будемъ же его порицать, а отъ всей души пожалѣемъ его и скажемъ: „Господи, прости ему: ибо въ своемъ гордомъ высокоуміи не зналъ, что творилъ!"

Такъ за кѣмъ же намъ итти—за Христомъ, какъ Богомъ, или за Толстымъ, отвергшемъ Божество Христа? Резюмируя все сказанное, проведемъ параллель между ними. Христосъ—юноша былъ совершененъ, идеально чистъ, безгрѣшенъ, какъ Онъ самъ о себѣ сказалъ: *„кто Меня обличитъ во грѣхѣ:"* Толстой же виноватъ, гадокъ, достоинъ презрѣнія, по его же признанію: такъ въ его „Исповѣди" онъ самъ говоритъ о себѣ: „Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ: я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэль, чтобъ убить; проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ; казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... Не было преступленія, котораго бы я не совершалъ" 1). Христосъ—юноша сразу высказалъ высочайшую мудрость, не искалъ истины, а сразу безъ колебанія указалъ ее: Толстой всю жизнь искалъ истину и заблудился, „училъ другихъ, не зная чему," самъ это онъ высказалъ; Хри-

---

1) Стр. 8 т. XXIX Изд. Сыт. 1913 г.

стосъ со властію, твердо преподалъ свое ученіе, собственное, ни отъ кого не заимствованное: Толстой постоянно колебался, ничего отъ себя не преподалъ, а все взялъ у Христа, лишь по-своему переиначилъ; Христосъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, всего себя предалъ Отцу своему: Толстой былъ гордъ своимъ умомъ, своею славою, творилъ свою волю, какъ подсказывало ему его высокоуміе, и совершенно отвергъ помощь Божію: такъ онъ въ своей „Исповѣди" говоритъ о себѣ: „Я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему." Христосъ говорилъ: *„Я путь и истина... придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и найдете покой душамъ вашимъ,"* а Толстой говорилъ: „идите по моему пути, и онъ васъ приведетъ въ болото, хотя путь мой вѣренъ, я не только не могу дать вамъ покой, но самъ кричу: „помогите мнѣ, поддержите меня"! Онъ такъ былъ разочарованъ въ жизни при всемъ своемъ богатствѣ, славѣ и почестяхъ, что предпочиталъ ей смерть: „Не нравится тебѣ жить, убей себя", говорилъ онъ, и самъ хотѣлъ лишить себя жизни: „Я съ трудомъ удержалъ себя отъ самоубійства", повѣдалъ онъ въ своей „Исповѣди". Христосъ благодарилъ Отца своего, что Онъ послушалъ Его, прославилъ, далъ Ему власть надъ всѣмъ: Толстой же сказалъ: „Какъ страшно забыть Бога" [1]) — то же, что сказалъ и ап. Павелъ: *„страшно впасть въ руки Бога живого"* (Евр. 10,31). Послѣ этого неужели у кого можетъ быть сомнѣніе за кѣмъ итти? Не ясно ли, что Толстой ученіемъ своимъ разрушаетъ и христіанство и всякія религіи, отрицаетъ всѣ установившіяся формы государственной и общественной жизни, идетъ противъ науки, враждебно относится и къ искусству въ трактатѣ его „Объ искусствѣ", что выражается въ его словахъ: „чѣмъ больше мы отдаемся красотѣ, тѣмъ больше мы отдаляемся отъ добра". Но толстовцы говорятъ: Толстой основалъ свое ученіе на ученіи Христа, слѣдоват. онъ не былъ противъ Него. Въ моей лекціи, пола-

---

[1]) Стр. 747.

гаю, вполнѣ достаточно выяснено, что Толстой, во-1-хъ, взялъ изъ ученія Христа только то, что ему угодно было, а что неугодно, то онъ безъ всякаго основанія отвергъ, во-2-хъ, и то, что взялъ изъ Евангелія, совершенно исказилъ по—своему—приписалъ Христу то, чего Тотъ совсѣмъ не говорилъ, отвергъ то, что Христосъ признавалъ, въ—3-хъ, въ своихъ умозаключеніяхъ Толстой нерѣдко себѣ противорѣчилъ, а иногда договаривался до абсурда, и наконецъ онъ отвергъ Божество І. Христа. Толстовцы на это говорятъ, что противорѣчія Толстого самому себѣ произошли оттого, что онъ писалъ въ разное время. До нѣкоторой степени это могло бы служить ему оправданіемъ, если бы моральными вопросами онъ занимался съ юношескихъ лѣтъ, а въ зрѣломъ возрастѣ измѣнилъ свои юношескія воззрѣнія; но онъ бросился въ область богословія, искалъ смысла жизни въ изученіи философіи и въ знакомствѣ съ результатами точныхъ наукъ за послѣднія приблизительно 20 лѣтъ его жизни, когда онъ былъ уже старикомъ, когда у человѣка серьезнаго въ такомъ возрастѣ складываются болѣе или менѣе опредѣленныя убѣжденія, хотя, случается, и измѣняемыя, но не до радикальнаго противорѣчія. Какія же его убѣжденія правильны—въ 60, 70 или 80 лѣтъ его жизни?

Такъ кто же Толстой по отношенію къ Христу? Сами мы не будемъ рѣшать этотъ вопросъ, чтобы не обвинили насъ въ невѣрномъ, пристрастномъ отзывѣ, а предоставимъ рѣшить высокому авторитету—ап. Іоанну, который говоритъ: „*Многіе обольстители пришли въ міръ, не исповѣдующіе І. Христа, пришедшаго во плоти: такой человѣкъ есть обольститель и антихристъ*“ (2 Іоан. ст. 7). *Кто лжецъ, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ? Это антихристъ, отвергающій Отца и Сына*“ (1 Іоан. 2,22). Такимъ образомъ, по опредѣленію ап. Іоанна, Толстой, какъ отвергшій Божество І. Христа, есть Его противникъ. Можетъ-быть, ученіе Толстого дѣйствительно уясняетъ смыслъ жизни, ведетъ къ счастію? Отвѣтъ ясенъ: нашелъ ли онъ самъ истину, былъ ли онъ самъ счастливъ? Мы это видѣли изъ его откровеннаго признанія о себѣ, что онъ

мучился, терзался, рѣшался даже на самоубійство, но нашелъ успокоеніе и счастіе лишь послѣ того, какъ узналъ ученіе Христа, всю жизнь искалъ истину, и заблуждался. Счастливы ли тѣ его послѣдователи, которые пожелали устроить свою жизнь по-толстовски, образовывали толстовскія колоніи? Вы сами знаете, чѣмъ кончались ихъ попытки. Одинъ Христосъ даетъ полное счастіе, душевный покой. Это испытываютъ всѣ истинные Его послѣдователи, несмотря даже на разныя бѣды и страданія, какія приходится имъ испытывать. Одно христіанское вѣроученіе, основанное на Евангеліи и писаніяхъ апостоловъ и разъясненное соборами и великими христіанскими мужами, какъ Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе, представляетъ удивительно стройно-цѣлое, такъ что не возможно выбросить изъ него ни одного звена безъ нарушенія строгой логической послѣдовательности, удивительно ясно, точно, глубоко-систематично объясняетъ смыслъ жизни, чего, очевидно, Толстой не понялъ, и потому вотъ уже 2000 лѣтъ, какъ непоколебимо стоитъ созданное Христомъ общество вѣрующихъ въ Него и, вѣрю Его словамъ, простоитъ до скончанія вѣка, несмотря на всѣ усилія Толстого и подобныхъ ему низвергнуть христіанскую религію, а также вѣрю, что о Толстомъ будутъ помнить лишь какъ о писателѣ—художникѣ, дѣйствительно занявшемъ видное мѣсто въ литературѣ, о Толстомъ же, какъ моралистѣ, даже въ недалекомъ будущемъ общество забудетъ.

Д. Аннинскій,
бывшій инспекторъ народныхъ училищъ.

Г. Спасскъ Рязан. губерн.

№ 112. Рязань. Тип. Братства св. Василія. 1914.

Складъ изданія у автора: г. Спасскъ Рязан. губ.